

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Юго-Западный государственный университет

**КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ЧАСТНОГО
ПРАВА: СТРАТЕГИЯ БУДУЩЕГО**

Сборник научных статей Всероссийской национальной научной
конференции студентов, магистрантов и аспирантов

27 мая 2022 г.

Редакционная коллегия:

*В. В. Богдан (отв. ред.), Ю. О. Пронина, Е. В. Каймакова,
Е. Ф. Цокур, Е. А. Шергунова, О. Н. Чумакова*

Курск
ЮЗГУ
2022

УДК 347(063)
ББК 67.404я431
К 64

Рецензент

Доктор юридических наук, доцент кафедры банковского права
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина» (МГЮА) *Е. Г. Хоменко*

Редакционная коллегия:

В. В. Богдан, д-р юрид. наук, доцент (отв. ред.)
Ю. О. Пронина, канд. экон. наук, доцент
Е. В. Каймакова, канд. юрид. наук, доцент
Е. Ф. Цокур, канд. ист. наук, доцент
Е. А. Шергунова, канд. юрид. наук, доцент
О. Н. Чумакова, ст. преподаватель

К 64 **Концепция развития частного права: стратегия будущего:** сборник научных статей Всероссийской национальной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, 27 мая 2022 г. / редкол.: В. В. Богдан (отв. ред.) [и др.]; Минобрнауки России, Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск: ЮЗГУ, 2022. – 180 с.

ISBN 978-5-7681-1586-9

В сборнике представлены статьи участников Всероссийской национальной научной конференции «Концепция развития частного права: стратегия будущего», состоявшейся в г. Курске 27 мая 2022 г. в Юго-Западном государственном университете.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов.

Текст печатается в авторской редакции.

УДК 347(063)
ББК 67.404я431

ISBN 978-5-7681-1586-9

© Юго-Западный государственный
университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
СЕКЦИЯ 1. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	7
<i>Гритчина К. Е., Полякова М. А.</i>	
Оборотоспособность генетического материала.....	8
<i>Дубровский Н. С.</i>	
Невзаимозаменяемые токены: к вопросу об определении правового режима	12
<i>Кравченко Н. В.</i>	
Определение инновационных медицинских технологий как объектов патентных прав.....	17
<i>Соболева Д. С.</i>	
Правовой режим финансовых платформ	22
СЕКЦИЯ 2. НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	29
<i>Плешакова К. А., Соборова Ю. А.</i>	
Нравственные основы правового регулирования геномных технологий	29
<i>Шуваев Е. А.</i>	
Проблема агрегированного интереса большинства в корпоративном праве	33
СЕКЦИЯ 3. НОВАЦИИ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....	38
<i>Григорьева А. С., Яценко Ю. С.</i>	
Реализация единственного жилья гражданина-банкрота: правоприменительный аспект	38
<i>Проскурина Д. А., Шматова А. А.</i>	
Нарушение прав потребителей при заключении договора банковского кредита	42

<i>Рыбкин Н. А.</i>	
Некоторые вопросы правового регулирования применения геномных технологий.....	48
<i>Стрекалова К. В., Тибеккина Е. С.</i>	
Что такое ОСАГО в 2022 году?.....	53
<i>Умрихин В. А.</i>	
Защита прав пациентов при оказании медицинских услуг с применением генетических технологий.....	57
<i>Шергунова Е. А.</i>	
Проблемы жилищного страхования в России.....	62
<i>Титов А. А., Шумеев И. В.</i>	
Актуальные проблемы проведения процедуры внесудебного банкротства физических лиц.....	67
<i>Кубанычбекова Ж. К.</i>	
Нотариальное обеспечение доказательств в сети Интернет.....	72
<i>Шепелева Е. О.</i>	
Тенденции цифровизации государственных органов в России и развитие «Цифрового нотариата».....	78
СЕКЦИЯ 4. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ	84
<i>Ермошин Д. Р.</i>	
Некоторые правовые проблемы применения новых медицинских технологий.....	84
СЕКЦИЯ 5. МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЕЩНОГО ПРАВА: КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА	88
<i>Пономарева А. А.</i>	
Формирование соседских прав в Российской Федерации.....	88
<i>Труфанова А. Ю.</i>	
Правовой статус и особенности земель сельскохозяйственного назначения.....	92
<i>Юрлов Л. Н.</i>	
О правовой природе залога в отечественном праве.....	97

Юрлов Л. Н.

Право застройки в отечественном гражданском праве101

СЕКЦИЯ 6. НОВЕЛЛЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА106

Бабенкова В. Р.

Проблемы правового регулирования наследственного договора106

Крюкова М. И.

Совместное завещание супругов: необходимость внедрения
и проблемы правового регулирования111

Лубенцева К. А., Пикула У. Ю.

Актуальные проблемы правового регулирования наследования
по завещанию116

Мяснянкина А. Ю., Хрипунова К. Д.120

Актуальные проблемы правового регулирования закрытого
завещания120

Федичева Д. В.

Статус личных фондов в гражданских правоотношениях124

Мяснянкина В. С.

Институт недостойных наследников: проблемы теории
и практики128

Федянина Д. М.

Эмбрион in vitro в наследственных правоотношениях133

Афанасьева К. А., Малеева Е. С., Овцынов А. Л.

К вопросу о правовой природе наследственного договора138

Стрельникова В. В., Овцынов А. Л.

Совместное завещание супругов: тенденции правового
регулирования145

СЕКЦИЯ 7. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО И СЕМЕЙНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РФ: ВЗГЛЯД
В БУДУЩЕЕ149

Безлепкин И. В.

Проблемные аспекты совместного банкротства супругов149

СЕКЦИЯ 8. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ПРАВОВЫХ РЕФОРМ155

Базаров А. А.

Принцип локализации данных – правовая основа национальной безопасности информационного рынка.....155

Кораблёва А. А.

Современные формы осуществления деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств в России161

Солохин К. С.

Использование технологии legal design в рамках перехода к технологии смарт-контракта в муниципальных закупках.....166

СЕКЦИЯ 9. МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ ЧАСТНОГО ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ И ПРИОРИТЕТЫ175

Кирильченко А. В.

Актуальные вопросы правового обеспечения договорных отношений в сфере суррогатного материнства.....175

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роль юридической науки в развитии нашей страны и становлении правового государства сложно переоценить, и Всероссийская научная конференция призвана внести достойный вклад в развитие лучших отечественных традиций юриспруденции, формирование правового научного будущего нашей страны.

Вопросы частного права затрагивают различные сферы развивающегося общества, и современная правовая база должна отвечать требованиям времени, располагать эффективными правовыми средствами. Высокий уровень и квалификация участников Всероссийской научной конференции создает основу для проведения содержательной дискуссии, всестороннего и объективного осмысления происходящих в обществе процессов, способствует развитию и внедрению в жизнь новых теоретических знаний и правовых механизмов.

Целью конференции явилось обсуждение широкого круга научно-практических проблем, связанных с совершенствованием гражданско-правовых институтов, особенно после апробации внесенных в течение последних лет в законодательство новых норм, а также путей преобразования процесса нормотворчества и правоприменения.

Научные работы, представленные в сборнике и характеризующие самые принципиальные и актуальные проблемы российского и зарубежного гражданского права, не могут не вызывать заинтересованность, обсуждение и дискуссии, а потому их содержание полезно для научно-исследовательской и учебно-методической работы.

Желаем всем участникам конференции найти среди представленной тематики докладов и научных статей то, что будет им интересно и полезно. Надеемся, что работа на секциях будет сопровождаться научной дискуссией, воплотившейся в эффективном взаимодействии теоретиков и практиков.

*Коллектив кафедры гражданского права
Юго-Западного государственного университета*

СЕКЦИЯ 1. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

УДК 347

К. Е. Гритчина¹, М. А. Полякова¹, студенты 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Н. В. Кравченко¹, преподаватель кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

ОБОРОТОСПОСОБНОСТЬ ГЕНЕТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

В рамках данной статьи авторы рассматривают оборотоспособность генетического материала. Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку в современных условиях и реалиях существует объективная возможность использования генов, которые относятся к частной жизни отдельно взятого человека, вместе с тем содержат информацию и о других его родственниках.

Ключевые слова: гены; генетический материал; гражданский оборот; объекты гражданского права; интеллектуальные права.

Тема редактирования и использования генов, геномов является сверхактуальной, поскольку применение генетических технологий направлено прежде всего на реализацию совершенствования человека, в частности, его жизни и здоровья.

На сегодняшний день органы, ткани и клетки человека, несущие в себе генетическую информацию, активно вовлекаются в экономический оборот [1, с. 16]. Существующие методы генной терапии в реалиях сегодняшнего дня позволяют проводить сложнейшие манипуляции с геном, геномом и, соответственно, не только лечить, но и диагностировать ряд тяжелых генетических заболеваний. Еще один пример использования генетического материала – проведение сложных генетических экспертиз, позволяющих с максимальной точностью установить родство между людьми, например, между погибшим и родственником [2, с. 104].

Однако с бурным развитием генной инженерии возникло множество юридических проблем, связанных с невозможностью спрогнозировать по-

следствия и, соответственно, дать им правовую оценку. Например, при редактировании генома эмбриона. Возникает риск того, что попытка исправить генетический код неродившегося ребенка может иметь больше вреда, чем пользы. Мутации, возникающие в нецелевых локусах хромосом вследствие введения редактирующих конструкций, могут влиять на организм ребенка и передаваться из поколения в поколение, а их эффекты не всегда могут быть предсказуемыми или обратимыми. Кроме того, при лечении некоторых заболеваний отдаленным последствием геномной терапии может стать развитие онкологических заболеваний.

Вышеизложенное диктует необходимость гражданско-правового регулирования применения генетических технологий, основой которых является ген, геном человека [3, с. 35].

Для медицины и науки ген – это совокупность наследственного материала, заключенного в клетке организма. Геном содержит биологическую информацию, необходимую для построения и поддержания организма. В настоящее время перед наукой открылась возможность не только изучать геном и генетический механизм, но и влиять на саму наследственность на молекулярном уровне. Эту возможность реализует новое направление молекулярной биологии – геновая инженерия, разрабатывающая методики целенаправленного манипулирования информационными макромолекулами живых систем.

В нашей стране данное направление, безусловно, является новым и актуальным, вместе с тем не в полном объеме функционирующим. Считается, что определить место генов и иных образований на их основе как объектов права интеллектуальной собственности, закрепить их правовой режим, обеспечивающий баланс интересов общества, государства, бизнеса и человека, законодателю только предстоит.

Изучение вопроса, связанного с возможным определением генов как объектов гражданских правоотношений, а также оборотоспособность генетического материала, возможно только межотраслевым подходом, поскольку он активно проявляется в нескольких отраслях права, начиная от семейного, заканчивая гражданским, и, разумеется, не исключая медицинский критерий.

При этом важно отметить, что гражданско-правовой режим генов получает нормативное установление на уровне как частного правового, так и публично-правового регулирования с целью обеспечения эффективной и гармоничной защиты прав граждан [4, с. 158; 5].

До сих пор среди цивилистов проходят дискуссии относительно правового положения гена в гражданском праве. Например, такие ученые, как А. А. Мохов и А. Н. Яворский, рассматривая особенности генов как объектов, констатируют сложность однозначного отнесения их к одному из устойчивых объектов права интеллектуальной собственности, поскольку, с од-

ной стороны, имеются основания рассматривать гены в качестве изобретений, с другой – не поименованной законодателем программы (природной с изменениями, внесенными человеком или нет). Вместе с тем авторы приходят к выводу, что в результате развития геномных исследований и внедрения их результатов в медицину возможно обособление генов (генетического материала) в ряду объектов интеллектуальных прав [6, с. 28].

Исследуя проблемы оборотоспособности генетического материала А. Н. Левушкин отмечает, что «гены и геномы, конечно, пока не могут быть признаны в традиционном понимании объектами любых гражданско-правовых сделок», «однако поскольку прямого запрета для включения генов и геномов в качестве оборотоспособных объектов гражданское законодательство не предусматривает», т.е. они включены в гражданский оборот, что подтверждает действие принципа «разрешено все, кроме того, что прямо запрещено законом» [7, с. 28].

Безусловно, говорить о полной оборотоспособности генетического материала в настоящее время еще рано, вместе с тем налицо тенденция развития как рынка диагностики наследственных заболеваний в личных целях, так и использования, хранения половых клеток человека, содержащих генетическую информацию (при репродуктивных технологиях). Вышеуказанные услуги оказываются путем заключения договора оказания медицинских услуг и предусматривают передачу клеток человека, содержащих ДНК, и осуществление над ними определенных манипуляций. В настоящее время есть эффективные инструменты договорного регулирования для заключения данных сделок [8; 9; 10; 11].

Вместе с тем на сегодняшний день специальных нормативных актов, которые бы регламентировали весь сегмент возможных генетических исследований (тестов) нет, что лишний раз подтверждает сложность исследуемых правоотношений и необходимость законодательного закрепления.

На основании вышеизложенного авторы приходят к выводу о том, что существует ряд доктринальных проблем с оборотоспособностью генетического материала, которые предопределены еще нерешенными гражданским правом задачами определения гена, генома как объектов гражданских правоотношений. В настоящее время основным регулятором в обороте данных объектов гражданских правоотношений является государство [12]. Как видится, эти актуальные вопросы необходимо законодательно проработать, учитывая тенденции развития общества в целом, прогрессивное движение генетических технологий и возможные предсказуемые и скрытые риски.

Список литературы

1. Малеина М. Н. Статус органов, тканей тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11. С. 13–20.
2. Левушкин А. Н. Гражданско-правовой режим генов как объектов гражданских прав // Lex russica. 2019. № 6. С. 100–109.
3. Кравченко Н. В. Правовое регулирование генетических исследований и технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 29–37.
4. Кравченко Н. В. Развитие правового регулирования инновационных биомедицинских технологий в условиях современных вызовов // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета (г. Уфа, 22 апреля 2022 г.) / отв. ред. Е. В. Ахтямова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 308 с.
5. Коротких О. А., Хорошильцев, А. И. К вопросу о ценности права // Провинциальные научные записки. 2017. № 1 (5). С. 104–106.
6. Мохов А. А., Яворский А. Н. Гены и иные образования на основе генов как объекты права интеллектуальной собственности // Гражданское право. 2018. № 4. С. 27–31.
7. Левушкин А. Н. Гражданско-правовое регулирование геномных технологий и оборотоспособность генов как объектов гражданских прав // Гражданское право. 2019. № 5. С. 26–29.
8. Чумакова О.Н. Свобода договора и реализация сторонами собственного интереса в рамках исполнения предварительного договора // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 4. С. 128–135.
9. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 г. Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.
10. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного суда российской федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.
11. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в эпоху цифровых технологий // Право в современном мире: сборник научных статей по итогам работы IV ежегодного международного круглого стола, Донецк, 23 апреля 2021 г. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2021. С. 193–196.

12. Блинкова Е. В., Сурков А. Н. Государство как субсидиарный ответчик // Гражданское право. 2012. № 4. С. 7–9.

К. Е. Gritchina¹, М. А. Polyakova¹, 2nd year students of the Faculty of Law

Supervisor: N.V. Kravchenko¹, Lecturer of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

TURNOVER OF GENETIC MATERIAL

Within the framework of this article, the authors consider the turnover of genetic material. The relevance of the topic is beyond doubt, since in modern conditions and realities there is an objective possibility of using genes that relate to the private life of a single person, at the same time, contain information about his other relatives.

Keywords: *genes; genetic material; civil turnover; objects of civil law; intellectual property rights.*

УДК 347

Н. С. Дубровский¹, студент 3 курса юридического факультета

Научный руководитель: В. В. Богдан¹, доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫЕ ТОКЕНЫ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА

В статье представлен опыт определения правового режима NFT на основе действующего в сфере цифрового права законодательства. Делается вывод об отнесении невзаимозаменяемых токенов к цифровым правам на цифровой актив.

Ключевые слова: *криптовалюта; невзаимозаменяемые токены; цифровые финансовые активы; NFT; blockchain.*

Стремительное развитие процесса цифровизации неизбежно приводит к внедрению во все сферы деятельности человека новых цифровых технологий. К их числу следует отнести неурегулированный, но существующий как в

России, так и за рубежом инновационный способ регистрации авторских и вещных прав посредством невзаимозаменяемых токенов (NFT). Это программная конструкция на базе Blockchain, каждая единица которой является уникальной и неделимой. Уникальность достигается за счет того, что каждый такой токен имеет, помимо программной части, индивидуальную информацию, содержание которой может быть абсолютно любым [1, с. 140].

Впервые данная технология была широко использована в 2017 году, когда на базе Blockchain была разработана компьютерная игра CryptoKitties, в которой игроки покупали и продавали на аукционах цифровых котиков. За неделю фанаты котиков потратили денежную сумму, эквивалентную 2,5 миллионов долларов [2]. Существенное увеличение спроса на NFT-индустрию отмечается в 2020–2022 годах, когда весь мир, в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, активно начал переходить к использованию дистанционных информационно-телекоммуникационных технологий.

На данный момент главные сферы использования NFT – области цифрового искусства, авторского права и коллекционирования. Данная технология позволяет индивидуализировать посредством токенизации оригинал любого цифрового произведения и придать ему свойство, которое будет отсутствовать у всех последующих копий. Самая дорогая и самая известная сделка из этой сферы – продажа картины художника Beeple «Первые пять тысяч дней». Сумма данной сделки составила почти 70 миллионов долларов [3].

Думается, в перспективе потенциал NFT не ограничен сферой цифрового искусства, а гораздо шире. Уникальность каждого отдельного токена роднит их с индивидуально-определенными объектами реального мира, и данная особенность может позволить организовать систему по учету таких объектов. Например, можно себе представить Единый государственный реестр юридических лиц или Единый государственный реестр недвижимости, сформированные как раз на базе NFT-инструментария. В таком случае каждому конкретному объекту будет выделен отдельный токен, в котором будет заключаться вся идентифицирующая объект информация. Также использование децентрализованной системы Blockchain позволит не беспокоиться по вопросам достоверности и неприкосновенности данных.

Представляется необходимым рассмотреть действующий правовой режим NFT в РФ. На страницах юридической литературы преобладает мнение о том, что NFT целесообразно признавать иным имуществом, которое не является объектом материального мира [4, с. 73]. Такой вывод обусловлен тем, что законодатель не дает в ГК РФ легального определения вещи.

Для комплексного анализа необходимо обратить внимание на следующие категории объектов в области цифрового права.

Во-первых, это цифровые финансовые активы. Данная дефиниция закреплена в ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, и к ней относятся: 1) денежные требования; 2) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; 3) права участия в капитале непубличного акционерного общества; 4) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов. Исходя из положений данного закона, можно однозначно сказать, что NFT не могут к таковым относиться.

Во-вторых, это цифровая валюта. Данный термин раскрывается в вышеупомянутом законе: «это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа». Однако NFT не являются средством платежа и поэтому не являются цифровой валютой [5, с. 13].

В-третьих, это утилитарные цифровые права. К ним, в соответствии с ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ относятся: 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. Существенным моментом, отличающим утилитарные цифровые права от NFT, является то, что они взаимозаменяемы [6, с. 25]. То есть утилитарные цифровые права по аналогии с акциями в цифровом варианте удостоверяют право на ту или иную выгоду, а NFT закрепляют право держателя на конкретный объект, что позиционирует их невзаимозаменяемыми.

На наш взгляд, NFT следует рассматривать как цифровое право на цифровой актив. Такое цифровое право возникает в результате некоего симбиоза материального и цифрового прав, т.е. любому о вещественному или неовещественному объекту путем токенизации можно придать свойство цифрового актива, тем самым индивидуализировав его.

В качестве примера «трансформации» о вещественного объекта смоделируем ситуацию, когда денежную купюру в 5000 рублей можно перевести из разряда вещей с родовыми признаками в разряд вещей с индивидуально-определенными признаками. Это можно осуществить, например, получив у какой-либо знаменитости автограф на этой купюре. Однако в данном случае мы наблюдаем придание индивидуализации в материальном поле. Благодаря NFT эту же купюру мы можем без вреда перенести в цифровое поле, тем самым индивидуализировав ее в цифровом смысле и тем самым образовав

цифровое право. Следовательно, мы получим купюру с индивидуальной чертой в материальном мире и ее NFT как цифровой актив в цифровом мире. В первом случае – право собственности на вещь, во втором – цифровое право на цифровой актив.

Таким же образом возможна токенизация любых неовещественных объектов, например уникальная картина, созданная в графическом редакторе, трансформируется в NFT. В данном случае – нечто созданное автором, чему может быть придано материальное значение (например, путем воспроизведение картины на материальном носителе), приобретает индивидуализирующие черты в цифровом поле благодаря NFT.

Описанная выше симбиотическая связь может быть как непрерывной, так и прерывающейся по воле правообладателя. Например, собственник может распорядиться своим NFT совместно с материальным объектом (на примере купюры с автографом – продать купюру и ее NFT), тем самым прекращая свое господство в материальном и цифровом смыслах. Однако данные условия должны быть четко закреплены в договоре между контрагентами. По умолчанию же собственник может определить отдельно либо только судьбу NFT, либо только судьбу материального объекта.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствует специальное законодательство, которое дало бы однозначный ответ на вопрос о правовом режиме NFT в РФ. Правовое поле ограничено только договорным регулированием и диспозитивностью авторских прав [8; 9].

Складывающаяся ситуация позволяет сделать вывод о том, что статус урегулирования правового режима NFT такой же, как и у криптовалюты, то есть статус ожидания специального законодательства.

Отсутствие законодательного регулирования может порождать проявления недобросовестного поведения участников гражданского оборота [10]. В настоящее время любой желающий в обход воли правообладателя материального объекта может токенизировать право на данный объект, защищаемый ГК РФ, и извлекать прибыль от дальнейшей перепродажи NFT, что повлечет нарушение авторских прав в цифровой среде [11].

Кроме того, в условиях отсутствия договоров в его привычной форме значительно затруднен процесс доказывания прав [12, с. 224]. Связано это также и с тем, что на некоторых биржах не требуется прохождения процедуры верификации, что в силу особенностей системы Blockchain препятствует индивидуализации контрагентов и последующей судебной защите.

Список литературы

1. Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 139–146.

2. Пользователи игры потратили с «криптокотятками» больше 2,5 миллионов за неделю. URL: <https://vc.ru/crypto/30047-polzovateli-igry-s-kriptokotyatami-potratili-bolshe-2-5-mln-za-nedelyu> (дата обращения: 30.04.2022).

3. Цифровая картина была продана за рекордные 69,3 млн долларов // Культура. 2021. 12 марта. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2021/03/12/a_13509530.shtml (дата обращения: 30.04.2022).

4. Емельянов Д. С., Емельянов И. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10(241). С. 71–76.

5. Чаннов С. Е. Цифровые права и цифровые валюты как объекты правового регулирования // Информационное право. 2021. № 2. С. 11–16.

6. Разуваев Н. В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1. С. 18–38.

7. Орехова Д. Правовой режим невзаимозаменяемых токенов (NFT) и цифровых объектов // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов X Международного юридического форума (IP Форум), Москва, 18–19 февраля 2022 г. М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 305–307.

8. Чумакова О. Н. Свобода договора и реализация сторонами собственного интереса в рамках исполнения предварительного договора // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 128–135.

9. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 г. Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.

10. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // Провинциальные научные записки, 2017. № 1 (5). С. 104–106.

11. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в эпоху цифровых технологий // Право в современном мире: сборник научных статей по итогам работы IV ежегодного международного круглого стола, Донецк, 23 апреля 2021 г. Донецк: Донец. национ. ун-т, 2021. С. 193–196.

12. Новрузова О. Б., Койчева М. И. Электронное заключение договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.

N. S. Dubrovsky¹, 3rd year student of the Faculty of Law

Supervisor: V. V. Bogdan¹, Doctor of Law, Associate Professor
of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

NON-FUNGIBLE TOKENS: ON THE QUESTION OF DETERMINING THE LEGAL REGIME

The article presents the experience of determining the legal regime of NFT based on the current legislation in the field of digital law. It is concluded that non-fungible tokens are classified as digital rights to a digital asset.

Keywords: *cryptocurrency; non-fungible tokens; digital financial assets; NFT; blockchain.*

УДК 347.2

Н. В. Кравченко¹, преподаватель, аспирант кафедры гражданского права

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ОБЪЕКТОВ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ

Внедрение инновационных медицинских технологий в здравоохранение позволяет не только повысить эффективность, качество и безопасность оказания медицинской помощи, но и своевременно диагностировать появление и развитие тяжелых, трудноизлечимых, орфанных заболеваний. В статье рассматривается возможность патентования инновационных медицинских технологий как результат интеллектуальной деятельности, с учетом имеющейся международной практики выдачи патентов. Аргументируется комплексная составляющая новых медицинских технологий через сравнительный анализ дефиниций: «способ», «метод» и «технология».

Ключевые слова: *инновационные медицинские технологии; патентование; способ лечения; метод лечения; критерии патентоспособности.*

Реалии сегодняшнего дня – интенсивное развитие технологий в различных сферах жизнедеятельности, их активное и непосредственное влияние на экономическое и политическое положение государства на мировой арене. Тренды развития всемирного хозяйства, определяющие вектор движения, не обошли стороной и медицинскую отрасль. В последние годы активность создания и внедрения различных инновационных медицинских технологий выросла в разы, и, например, вспышка коронавирусной инфекции породила даже «гонку» разработки вакцин от COVID-19 планетарного масштаба. Только в России, по сообщению пресс-службы Роспатента, за 2020 год выдано 248 патентов на изобретения, предназначенные для борьбы с пандемией коронавируса [1].

Медицинские технологии по своей сути, как предлагает А. А. Мохов, «включают в себя методы, способы и приемы воздействия на организм человека, его клетки и ткани для достижения задач конкретного медицинского вмешательства или их совокупности» [2, с. 108]. В свою очередь, инновационные медтехнологии – это лекарственные препараты, цифровые технологии, новейшие медицинские изделия, медицинские методы диагностики, лечения и реабилитации, которые по отдельности или в совокупности позволяют повысить эффективность и безопасность оказания медицинской помощи гражданам.

Несмотря на то что правоотношения, связанные с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности, регулируются патентным законодательством (часть IV Гражданского кодекса РФ – далее ГК РФ) с 2006 года, в отношении ряда объектов до сих пор идут дискуссии. Так, в последнее время актуальными стали вопросы патентования результатов генетических исследований [3, с. 178], способов и методов лечения [4, с. 25], технических решений в сфере биопринтинга [5, с. 82].

Следует отметить, что подход к патентованию объектов медицинского назначения в мире не однозначен. Например, в силу диспозиции ст. 53 (п. «с») Европейской патентной конвенции способы лечения с помощью хирургии или терапии, а также методы диагностики (за исключением непосредственно продуктов, веществ или составов, которые в этих способах или методах используются) не патентуются. Это применимо ко всем 38 странам-участникам Конвенции, например Франции, Германии, Великобритании, Турции. Противоположный подход у участников Евразийской патентной конвенцией (далее – ЕАПК), которую РФ ратифицировала в 1995 году. В соответствии со ст. 6 ЕАПК, определяющей патентоспособность изобретений, таких ограничений нет. Таким образом, в Российской Федерации наравне с лекарственными препаратами, медицинским оборудованием, патентуются и способы диагностики, и методы лечения. Исключения из объектов патентных прав регламентированы п. 4 ст. 1349 ГК РФ, их перечень является закрытым.

Рассмотрим конкретные примеры. Патент RU 2 145 114 C1 выдан на способ хранения, обработки и использования информации в службе крови (информационная технология «Пеликан»); патент RU 2 186 525 C2 – на метод рентгенодиагностики стриктур толстой кишки. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в реферате вышеуказанного метода рентгенодиагностики записано: «...способ может быть использован в медицине, а именно в гастроэнтерологии...Способ позволяет повысить информационную полноту метода».

Наличие неоднозначности применения базовых понятий «способ», «метод» порождает для цивилистов вопрос их правильного правоприменения. Законодательно вышеобозначенные дефиниции не раскрыты, хотя упоминаются Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (ст. 24 «Реклама ...методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, методов народной медицины»); Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2021 г. № 2505 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» (Приложение 1 «Перечень видов высокотехнологичной медицинской помощи, содержащий в том числе методы лечения»); Приказ Росавиакосмоса от 24 июня 2003 г. № 80 «Об утверждении Федеральных авиационных правил “Врачебно-летная экспертиза авиационного персонала экспериментальной авиации”» (ст. 56 К п. «а» относятся заболевания и последствия заболеваний ... которые не могут быть устранены хирургическим или иными способами лечения).

Обращаясь к положениям Федерального закона от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» можно увидеть, что законодатель использует исключительно термин «метод»: «Каждый имеет право получить в доступной для него форме...сведения о...методах оказания медицинской помощи...» (ст. 21), «специализированная медицинская помощь ... включает в себя профилактику, диагностику и лечение заболеваний, требующих использования специальных методов и сложных медицинских технологий...», «Высокотехнологичная медицинская помощь... включает в себя применение новых сложных и (или) уникальных методов лечения, а также ресурсоемких методов лечения с научно доказанной эффективностью, в том числе клеточных технологий, роботизированной техники, информационных технологий и методов геномной инженерии...» (ст. 34).

Слово «метод» происходит от греческого «methodos» и буквально переводится как «путь к чему-либо, способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность».

Словарь С.И. Ожегова определяет способ как «... действие или система действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь» [6, с. 697].

Способ всегда носит технический характер, связанный с использованием материальных ресурсов. К способам можем отнести действия, направленные на изготовление конкретного предмета, а также процессы, направленные на изменение его определенных свойств. Применительно к медицинской деятельности можно говорить, что способ лечения – это непосредственное применение медицинских приборов, приспособлений с целью воздействия на организм человека, его ткани и клетки в рамках конкретного медицинского вмешательства (например, способ разреза, способ введения препарата и т.д.).

Медицинские методы представляют собой алгоритм, совокупность приемов – метод хирургического/медикаментозного лечения онкологического заболевания, могут не иметь материальную составляющую – метод генетики соматических клеток. В этом смысле метод может быть и способом решения определенной задачи, если в комплексе оказания медицинской помощи необходимо применение медицинских изделий. В таком случае способ является составляющей метода. Метод в свою очередь может включать применение нескольких способов.

В буквальном смысле технология в переводе с греческого означает: «*techné*» – мастерство, умение, искусство и «*logos*» – слово, учение». О патентовании непосредственно самих технологий в ГК РФ не говорится. Однако правоприменительная практика свидетельствует, что национальное законодательство такую возможность не запрещает. Например, патент RU 2 506 946 С1 выдан на технологию лиофилизации обогащенной тромбоцитами плазмы с сохранением жизнеспособности факторов TGF PDGF VEGF. И поскольку автором уже предпринималась попытка сформулировать дефиницию медицинской технологии [7, с. 258], которая представляет собой комплексное понятие, включающее в себя и медицинские методы (включая теоретические контуры (прогнозы, научные данные) и способы, можно сделать следующий вывод: «Поскольку составные элементы медицинской технологии патентоспособны, патентоспособна и сама медицинская технология (в виде изобретения)».

В статье 1350 ГК РФ раскрыты условия патентоспособности изобретений и определено, что в качестве таковых патентуются технические решения, относящиеся к продукту, способу, применению продукта или способа. Авторское право в сфере медицинских технологий сейчас имеет большое значение как метод закрепления правовых гарантий [8].

Термин «техническое решение» подробно раскрывается в Большом энциклопедическом политехническом словаре и представляет собой комплекс элементов, относящихся к устройству, способу действий над материальным объектом или с его помощью веществу [9].

Таким образом, патентованию подлежит инновационная медицинская технология, представляющая собой техническое решение в виде совокупности медицинских методов и отвечающая установленным гражданским законодательством критериям, таким как новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость.

Список литературы

1. За год пандемии патенты получили 248 изобретений для борьбы с COVID. URL: <https://rg.ru/2021/04/26/za-god-pandemii-patenty-poluchili-248-izobretenij-dlia-borby-s-covid.html> (дата обращения: 01.05.2022).
2. Мохов А. А. Стратегически значимые медицинские технологии: правовой аспект // Государство и право. 2020. № 11. С. 106–114.
3. Ворожевич А. С. Патентные права на результаты генетических исследований: условия предоставления, допустимые изъятия и ограничения // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20, № 2. С. 177–216.
4. Полонская И. В. Проблемы патентования изобретений в области диагностических, хирургических и терапевтических методов в странах мира // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 9. С. 24–30.
5. Богданов Д. Е. Патентоспособность решений в сфере биопринтных технологий: сравнительно-правовой аспект // Lex russica. 2022. Т. 75, № 2 (183). С. 77–89.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стер. М., 1983. 816 с.
7. Кравченко Н. В. Инновационные медицинские технологии и реализация права на жизнь и здоровье (на примере вакцинации): гражданско-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 255–262.
8. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в эпоху цифровых технологий // Право в современном мире: сборник научных статей по итогам работы IV ежегодного международного круглого стола, Донецк, 23 апреля 2021 г. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2021. С. 193–196.

9. Большой энциклопедический политехнический словарь. URL: // <https://rus-big-polyheh-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 07.05.2022).

N. V. Kravchenko¹, Lecturer, post-graduate student of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

DEFINITION OF INNOVATIVE MEDICAL TECHNOLOGIES AS OBJECTS OF PATENT RIGHTS

The introduction of innovative medical technologies in healthcare allows not only to improve the efficiency, quality and safety of medical care, but also to diagnose the appearance and development of severe, intractable, orphan diseases in a timely manner. The article considers the possibility of patenting innovative medical technologies as a result of intellectual activity, taking into account the existing international practice of issuing patents. The complex component of new medical technologies is argued through a comparative analysis of definitions: «method», «method» and «technology».

Keywords: *innovative medical technologies; patenting; treatment method; treatment method; patentability criteria.*

УДК 347.1

Д. С. Соболева¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. Н. Чумакова¹, старший преподаватель кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ФИНАНСОВЫХ ПЛАТФОРМ

В данной статье рассматриваются особенности правового режима финансовых платформ, правоотношения, которые возникают между участниками платформ, а также положительные и отрицательные стороны цифровых платформ, их формы, виды и характеристики. Актуальность выбранной темы обусловлена общими тенденциями цифровизации финансового рынка и новыми вызовами современности.

Ключевые слова: *финансовые платформы; правовое регулирование; платформенная экономика; децентрализованная платформа; централизованная платформа; гибридная платформа.*

На сегодняшний день мы можем говорить о том, что цифровизация в Российской Федерации привела к мышлению, направленному на образование различных платформ, которое, в свою очередь, становится приоритетным не только в телекоммуникационных и высокотехнологичных сферах, но и на потребительских рынках. Платформы стали частью нашей обыденной жизни: покупка товаров и продуктов, каршеринг, аренда недвижимости и множество других способностей стали доступны всем гражданам. Также это открывает новые возможности для малого и среднего бизнеса.

О. А. Дворянкин в своей работе даёт такое определение финансовой платформе: это информационная система, обеспечивающая взаимодействие финансовых организаций или их эмитентов с потребителями финансовых услуг посредством Интернета в целях обеспечения возможности совершения финансовых сделок [1, с. 25].

В условиях платформенной экономики существует три модели платформ. Они различаются в зависимости от того, кто владеет активом и кто устанавливает цены, а также другие условия.

1. Децентрализованная. Собственник актива определяет условия и предлагает его напрямую пользователю. Подобная площадка сводит между собой агентов и упрощает транзакции, однако в обмен на незначительную комиссию. Первоначальные капитальные расходы достаточно невысоки, однако платформа обязана привлекать поставщиков с целью предоставления адекватного уровня предложения.

2. Централизованная. При этой модели платформа напрямую располагает активом и определяет цены. Она обладает большим контролем над качеством, нежели децентрализованная платформа, а также берет большую долю от стоимости транзакции, однако при этом расходы на масштабирование также значительно выше. Помимо этого, необходим значительный капитал и предоставление высокого уровня эффективности цифровой платформы.

3. Гибридная. Собственники активов предлагают услугу с той стоимостью, которая определена цифровой платформой. Владение и риск децентрализованы, а стандартизация и уровень обслуживания централизованы. Подобно децентрализованной модели, начальные затраты невысоки и вовлечение поставщиков имеет главное значение. К тому же цифровая платформа обязана тщательно регулировать собственные взаимоотношения с поставщи-

ками, так как они обладают меньшим контролем, нежели при децентрализованной модели [1, с. 26].

В. Р. Месропян в своих трудах указывает, что значение российских платформ для глобального исследования определяется двумя факторами.

Во-первых, национальные цифровые платформы выявили динамичный подъем за минувшие годы и имеют все шансы послужить одной из движущих сил, которая создает отечественную экономику. Помимо этого, их воздействие на формирование и состоятельность на местных рынках заслуживает соответствующего внимания.

Во-вторых, национальные платформы довольно результативно соперничают с иностранными платформами, при этом сохраняя существенную долю соответствующих рынков. Динамика конкурентной борьбы, а также проявление принципа «победитель получает часть» может стать важным примером для иных развивающихся рынков [2].

В 2020 г вступил в силу Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы», регулирующий деятельность особых юридических лиц – операторов, оказывающих частным лицам инвестиционные услуги [3]. Эти услуги предусматривают создание условий для совершения в Интернете сделок двух видов: частный инвестор – финансовая организация; частный инвестор – эмитент. Несомненно, данные сделки относимы к дистанционно-цифровым инвестиционным сделкам.

Отталкиваясь от наименования Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ, можно сделать вывод, что законодателем выполнен порядок использования оператором финансовой платформы особенной информационной технологии, сущность которой состоит в том, что создаётся веб-сайт с передовыми сервисами с целью более простого совершения частными инвесторами дистанционно-цифровых сделок. С целью оказания услуг частным инвесторам у оператора финансовой платформы должны находиться во владении основной, а также резервный комплексы программно-аппаратных средств, которые гарантируют постоянную и устойчивую работу платформы, а также безопасность данных и их резервное копирование. При этом сами комплексы программно-аппаратных средств, в соответствии с законом, должны быть расположены на территории Российской Федерации.

В рамках ст. 12 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ законодатель достаточно большое внимание уделяет порядку работы с данными, получаемыми оператором финансовой платформы при оказании услуг. Требования к защите информации и по операционной надежности, установ-

ленные в Федеральных законах от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» оператор должны неукоснительно соблюдаться. Также, законодателем отдельно закреплено, что оператор непрерывно проводит мероприятия, предусматривающие выявление попыток совершения сделок на финансовой платформе без волеизъявления участников финансовой платформы. Кроме того, оператор обязан противодействовать совершению таких сделок. Если данные действия всё же имеют место, о них оператор обязан уведомлять Банк России, который формирует специальную базу данных о таких случаях.

В соответствии с рассматриваемым ФЗ, финансовая платформа – информационная система, которая обеспечивает взаимодействие финансовых организаций или эмитентов с потребителями финансовых услуг (далее – участники финансовой платформы) посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в целях обеспечения возможности совершения финансовых сделок и доступ к которой предоставляется оператором финансовой платформы.

В ст. 4 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ установлено шестнадцать развернутых позиций, которые наиболее подробно регламентируют содержание правил финансовой платформы. Стоит выделить наиболее важные из них.

Первое: требования, которым должны соответствовать участники данной финансовой платформы – правоспособность юридических лиц, дееспособность потребителей финансовых услуг.

Второе: варианты сделок, совершаемых по Правилам, установленным на данной платформе.

Третье: положения договора с условиями оказания услуг оператором финансовой платформы.

Четвёртое: регламентация указаний через финансовую платформу потребителя финансовых услуг оператору финансовой платформы. Данные указания на определенных условиях принимаются к исполнению, после чего исполняются, а затем, в определенный срок, об их исполнении оператор финансовой платформы сообщает потребителю финансовых услуг.

Пятое: в составе указаний потребителя финансовых услуг для оператора регламентируется срок, в течение которого оператор обязан дать от своего лица распоряжение в кредитную организацию о совершении операций по специальному счету оператора на основании указания, полученного от по-

требителя финансовых услуг. Если не установлен конкретный срок (дата), оператор обязан дать распоряжение о списании денежной суммы со специального счета в течение одного рабочего дня с момента получения оператором указания от потребителя финансовых услуг [4, с. 228–230].

Таким образом, деятельность по учету данных о финансовых сделках, которую репозитарий (регистратор финансовых транзакций) согласно Федеральному закону от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ должен осуществлять, весьма громоздкая, сложная и затратная, подвержена рискам ненадлежащего исполнения и ненадлежащего сохранения персональных данных потребителей финансовых услуг [5, с. 127–130].

В настоящее время не вызывает ни малейшего сомнения необходимость разработки, внедрения, а также интенсивного применения цифровых платформ в современном мире, а современный мир – цифровой, и все мы проживаем в цифровом обществе.

Формирование новых цифровых технологий порождает потребность создания законных механизмов, которые бы сумели обеспечить благоприятный режим для формирования новых отношений, в частности: внедрение основ правовой регламентации объектов и субъектов информационных правоотношений, введение специфических прав, обязанностей, а также ответственности; кроме того, будут способствовать решению ряда проблем. Правовая регламентация цифровых платформ должна базироваться как на специальных нормативно-правовых актах, так и на договорном регулировании [6; 7; 8].

Цифровизация охватывает каждого из нас повседневно, и это, безусловно, требует внедрения механизмов, которые бы делали легче нашу жизнь, что позволяют обеспечить цифровые платформы. Цифровые платформы становятся тем «золотым» приспособлением, вокруг которого начинает крутиться все без исключения и во всех отраслях [9, с. 193; 10, с. 223].

Развитие цифровизации на современном этапе носит не только экономический характер, но и затрагивает политико-правовое регулирование государственной деятельности [11].

Таким образом, цифровая платформа существенно меняет концепцию взаимоотношений между участниками взаимодействия, позволяя делегировать многие функции производственной предпринимательской деятельности, к примеру, в режиме аутсорсинга [Там же]. В первую очередь в области информационной безопасности, как в свое время светофор, установленный на перекрестке, заменил дежурного постового.

Список литературы

1. Дворянкин О. А. Борьба за информационные (цифровые) платформы в Интернете // Национальная ассоциация ученых. 2021. № 66. С. 25–33.
2. Месропян В. Р. Цифровые платформы – новая рыночная власть. URL: https://www.econ.msu.ru/science/News.20180417134253_6961/ (дата обращения: 15.04.2022).
3. Цифровую платформу для туристов Russpass запустят по всей стране. URL: <https://rg.ru/2020/07/17/cifrovuiuplatformu-dlia-turistov-russpass-zapustiat-po-vsejstrane.html/> (дата обращения: 15.04.2022).
4. Пастушенко Е. Н., Земцова Л. Н. Новеллы правового регулирования развития защиты прав потребителей финансовых услуг как функции Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5 (136). С. 228–234.
5. Матыцин Д. Е. Законодательные новеллы регулирования инвестиционных сделок, совершаемых с использованием финансовых платформ: оценка эффективности // Правовая парадигма. 2021. № 3. С. 125–137.
6. Сусликов В. Н., Чумакова О. Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: проблемы теории и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 65–71. DOI 10.22394/2074-7306-2018-1-2-65-71.
7. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 г. Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.
8. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.
9. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в эпоху цифровых технологий // Право в современном мире: сборник научных статей по итогам работы IV ежегодного международного круглого стола, Донецк, 23 апреля 2021 г. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2021. С. 193–196.
10. Новрузова О. Б., Койчева М. И. Электронное заключение договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции,

посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.

11. Блинкова Е. В., Сурков А. Н. Государство как субсидиарный ответчик // Гражданское право. 2012. № 4. С. 7–9.

12. Сурков А. Н. Правовые особенности «аутсорсинга» в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военное право. 2012. № 4. С. 138–151.

D. S. Soboleva¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. N. Chumakova¹, Senior Lecturer, Department of Civil Law

¹*Southwestern State University, Kursk*

LEGAL REGIME OF FINANCIAL PLATFORMS

This article discusses the features of the legal regime of financial platforms, legal relations that arise between platform participants, as well as the positive and negative aspects of digital platforms, their forms, types, and characteristics. The relevance of the chosen topic is due to the general trends in the digitalization of the financial market and new challenges of our time.

Keywords: *Financial platforms; legal regulation; platform economy; decentralized platform; centralized platform; hybrid platform.*

СЕКЦИЯ 2. НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

УДК 347

К. А. Плешакова¹, Ю. А. Соборова¹, студенты 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Н. В. Кравченко¹, преподаватель кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНОМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье поднимаются вопросы нравственных основ правового регулирования геномных технологий. Данное направление правового исследования имеет ярко выраженную актуальность, поскольку в настоящее время они активно используются в медицинской практике с целью обеспечения физического и психического здоровья населения.

Ключевые слова: геномные технологии; генетический материал; генетические исследования; здоровье граждан; медицинские технологии; медицина.

XXI век можно по праву считать веком высоких технологий и достойных научных разработок во всех сферах жизни, в том числе в медицине. Все большую популярность и актуальность приобретает такое важное направление, как развитие геномных технологий [1, с. 31].

Геномная технология представляет собой совокупность методов и инструментов анализа всего генома человека или большого числа ДНК-маркеров, распределенных по геному, с номинальным качеством и оптимальными затратами, обусловленными текущим уровнем развития науки и техники.

Новейшие достижения в области генетики делают эту отрасль научных знаний одним из центральных направлений развития науки в целом. А использование этих открытий в медицине и различных отраслях производства превращает генетические исследования в сферу масштабного технологиче-

ского прорыва, последствия которого уже сейчас превосходят самые смелые надежды и ожидания [2, с. 65].

Однако, несмотря на масштабные достижения и большие научные разработки, если своевременно не урегулировать этот вопрос на правовом уровне, то все они могут стать негативным проявлением, если не новым видом оружия.

В рамках изучения данного вопроса авторами делается акцент на нравственно-правовом регулировании геномных технологий. Сразу стоит сказать, что эта проблема характерна не только для нашего государства, но и для мирового сообщества в целом, поскольку мир по сути своей только вступает в эру развития таких технологий.

В настоящее время проводится довольно большое количество научных исследований и претворяется в жизнь немало практических экспериментов, имеющих как медицинский, так и социально-правовой характер, направленных на вовлечение генетических конструкций, генов, геномов, объектов биомедицины в рамки правового поля, на внедрение разработок психогенетики, генодиагностики и генотерапии в российскую медицинскую практику с целью обеспечения психосоматического здоровья граждан в целом и отдельных категорий больных, страдающих серьезными, неизлечимыми с точки зрения традиционной медицины, заболеваниями.

Объективно следует признать, что современное развитие общества и складывающаяся медицинская практика уже достаточно давно существуют в эпоху геномной инженерии, однако следует констатировать, что в Российской Федерации законодатель только недавно пришел к выводу о закреплении рассматриваемой деятельности на законодательном уровне, что обусловлено бурным развитием доктрины в сфере геномных технологий и исследований [3, с. 27].

Геномные технологии могут быть использованы не только в целях лечения тяжелобольных пациентов, которые в медицинской практике вообще признаются неизлечимыми, но и способствовать выявлению таких заболеваний на самом раннем уровне их возникновения.

Вместе с тем в настоящее время следует признать тот факт, что вопросы геномных исследований плохо урегулированы российским законодательством, в отличие от стран Запада. Однако их активное применение, по нашему мнению, обуславливает необходимость создания отечественного этического кодекса в сфере геномных исследований. Это будет отвечать задачам саморегулирования соответствующей сферы и сопутствовать развитию государственного регулирования и имплементации международных стандартов в сфере биомедицины применительно к человеческой геномике в нашей стране.

Разрабатывая этический кодекс, который определял бы все основные положения о геномных технологиях, законодателю необходимо ориентиро-

ваться прежде всего на международные нормативные акты в области прав человека, а также на национальное законодательство. Речь идет о таких нормативных актах, как Конституция РФ и ФЗ от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», который закладывает основы генной терапии.

Далее следует сказать, что этический кодекс должен учитывать документы, принятые под эгидой ЮНЕСКО, поскольку Россия является членом этой международной организации и принимает активное участие в ее деятельности и финансировании. Это в равной степени относится и к документам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

Наконец, современный этический кодекс проведения медицинских исследований с участием человека, отраженный в Хельсинкской декларации ВМА, также должен быть учтен при разработке российского этического кодекса проведения исследований в сфере геномики человека.

Интересен вопрос о структуре этического кодекса. По нашему мнению, он должен включать в себя три части. Первая, как полагается, должна содержать общие принципы, понятия и положения. Вторая часть должна содержать специальные положения для принятия решений по конкретным ситуациям. Третья посвящается организации и функционированию комитетов по этике, т.е. будет содержать положения о контроле за соблюдением кодекса.

В настоящее время договорно-организационные правоотношения не могут в полной мере обеспечить правовую базу оборота объектов геномных технологий [4; 5; 6].

Особое внимание необходимо уделять вопросам регистрации всех проводимых экспериментов и исследований, в том числе над эмбрионами. Полагаем, что это важное условие, поскольку речь идет о генетическом материале отдельно взятого человека. Цифровизация авторских прав здесь так же играет немаловажную роль [7; 9].

На основании вышеизложенного авторами делается вывод о том, что поскольку геномные технологии активно вовлекаются в медицинскую практику, назрела актуальная необходимость разработки этического кодекса, который бы связывал в себе и основные положения в этой сфере, и юридически грамотно регламентировал все исследования, эксперименты и оборот генетических материалов.

Список литературы

1. Кравченко Н. В. Правовое регулирование генетических исследований и технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 29–37.

2. Герасимов А. М. Нравственные пределы геномных исследований и биотехнологий как основа формирования правового пространства инновационной медицины // Гены и клетки. 2019. № 2. С. 62–67.

3. Левушкин А. Н. Гражданско-правовое регулирование геномных технологий и оборотоспособность генов как объектов гражданских прав // Гражданское право. 2019. № 5. С. 26–29.

4. Чумакова О. Н. Свобода договора и реализация сторонами собственного интереса в рамках исполнения предварительного договора // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 128–135.

5. Сусликов В. Н., Чумакова О. Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: проблемы теории и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 65–71. DOI 10.22394/2074-7306-2018-1-2-65-71.

6. Чумакова О. Н. Свобода договора и реализация сторонами собственного интереса в рамках исполнения предварительного договора // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 128–135.

7. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в эпоху цифровых технологий // Право в современном мире: сборник научных статей по итогам работы IV ежегодного международного круглого стола, Донецк, 23 апреля 2021 г. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2021. С. 193–196.

8. Сурков А. Н. Актуальные проблемы применения гражданского законодательства в сфере военного управления: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 450 с.

9. Миронов М. А., Сурков А., Попов С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (постатейный). М.: Известия, 2006.

K. A. Pleshakova¹, Yu. F. Soborova¹, 2nd years student of the Faculty of Law

Supervisor: N. V. Kravchenko¹, Lecturer of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

MORAL FOUNDATIONS OF LEGAL REGULATION OF GENOMIC TECHNOLOGIES

The article raises questions of the moral foundations of the legal regulation of genomic technologies. This area of legal research has a pronounced relevance, since

currently they are actively used in medical practice in order to ensure the physical and mental health of the population.

Keywords: *genomic technologies; genetic material; genetic research; citizens' health; medical technologies; medicine.*

УДК 346.21

Е. А. Шуваев¹, аспирант кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

Научный руководитель: Е. Г. Комисарова², доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права

²Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь

ПРОБЛЕМА АГРЕГИРОВАННОГО ИНТЕРЕСА БОЛЬШИНСТВА В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ

Проблема определения действительного интереса корпоративной организации является одной из наиболее актуальных проблем современного корпоративного права. Концепция агрегированного интереса, отвечая на многие существующие вопросы, все же имеет свои проблемы, выражающиеся в наличии потенциально возможных конфликтов интересов между участниками организации.

Ключевые слова: *интерес; корпоративная организация; участники; агрегированный интерес большинства; парадокс Кондорсе.*

Агрегированный интерес большинства представляет концепцию формирования интересов корпоративной организации, при которой интерес компании производится от большинства совокупности интересов его участников. Данная концепция отвергает существование абстрактного интереса корпорации, то есть интереса, абстрагированного от влияния участников корпоративных отношений, что было также отражено в Обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 от 19.10.2016.

Суть концепции заключается в том, что в любой конкретный момент времени интерес юридического лица равен превалирующему интересу его участников. Иными словами, интерес юридического лица – это среднее арифметическое значение между интересом его участников.

Такой интерес не является статичным и поддается постоянному изменению. Именно по этой причине участник общества, чьи интересы разошлись с превалирующим интересом, или новый участник с отличными интересами не нарушает целостность действующей модели, так как интерес любого участника будет учтен, однако будет перебиваться интересом большинства.

При всех своих плюсах эта модель имеет и объективные минусы. Наличие двух и более участников общества, находящихся в равном положении и способных ранжировать свои предпочтения, порождает потенциальный конфликт интересов между участниками [1, с. 47–56]. Проблема в том, что чем больше участников, тем меньше вероятность прийти к общему мнению, отвечающему интересам всех участников, например при принятии решений о реорганизации юридического лица [2], внесении изменений в учредительные документы и т.п. Такая ситуация именуется парадоксом Кондорсе (теорема невозможности) [3, с. 306]. Выход из подобной ситуации видится через применение теоремы Эрроу. Ее суть сводится к тому, что если существуют три и более альтернативы и субъекты вольны ранжировать их так, как им удобно, то агрегирование интересов может быть только диктаторским. При этом выделить субъект, который будет являться диктатором во всех без исключений случаях невозможно. Отличительной особенностью диктатора от других членов общества является то, что это лицо обладает возможностью замещать предпочтение превалирующей группы. Такой субъект может как быть членом корпорации и даже входить в какую-либо из групп предпочтений, но также и не иметь с обществом никакой связи. Таким образом, диктатор определяется по каждому конкретному случаю агрегирования обособленно от других случаев, так как наличие полномочий на принятие решений по одним вопросам еще не свидетельствует об аналогичной возможности по другим.

Д.И. Степановым было отмечено, если всякий механизм агрегирования предпочтений упирается в проблематику диктатора, то любое построение в рамках корпоративного права, направленное на защиту интереса того или иного участника корпоративных отношений, это не более чем маркировка диктатора, т.е. наделение через правотворческий процесс отдельного лица полномочиями диктатора [1, с. 57].

Таким образом подтверждается позиция, сформированная Б.О. Соколовым, согласно которой с точки зрения теоремы невозможности не существует

приемлемого способа принятия коллективных решений. Однако он неприемлем только со стороны демократического подхода к вопросам голосования, что зачистую не всегда должно играть решающую роль в деятельности организации как корпоративной машины. Монархический взгляд на такую проблему предлагает куда более лояльные пути решения, при этом не умаляя права и интересы участников общества.

Допущением будет не отметить тот факт, что доктрина предлагает пути решения теоремы невозможности отличные от приведенной концепции. Среди таких идей можно выделить: метод Роуза; метод Симпсона-Крамера; метод Кемени-Янга; методика Шульца; метод Коуплена. Однако нельзя не отметить значительный недостаток указанных подходов. Практически все алгоритмы решения парадокса голосования, разработанные в указанных методиках, возможны лишь с применением электронной системы обработки голосов, поскольку имеет место быть большое количество операций [4, с. 293]. Навряд ли такие подходы являются обоснованными для корпоративных отношений, где вопрос больше стоит о возможности реализации таких систем голосования. На фоне сложившейся ситуации наличие диктатора является оптимальным вариантом решения парадокса Кондорсе в контексте корпоративного права [5, с. 225].

Корпоративные правоотношения являются по своей природе организационно-правовыми с имущественной составляющей, тем самым корпоративный договор сопоставим с организационно неимущественными конструкциями, к примеру такими как предварительный договор [6; 7; 8; 9].

Обращения граждан по поводу корпоративных отношений распространяются на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений иностранных граждан и лиц без гражданства в государственные органы и органы местного самоуправления [10].

К сожалению, концепция развития корпоративного права обошла указанную проблему стороной. Однако правоприменительная практика, как было обозначено выше, давно сталкивается с проблемой парадокса Кондорсе, может и в несколько иной форме. Наделение кого-либо из участников корпоративных отношений признаками диктатора позволяет пресечь наличие парадокса. Фактически решение проблемы парадокса возложено на самих участников (например, несбалансированным распределением долей в обществе). Правильным была бы позиция, где существование парадокса пресекалось бы самим законом, путем запрета на равное распределение долей между участниками.

Список литературы

1. Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 31–85.
2. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // Провинциальные научные записки. 2017. № 1 (5). С. 104–106.
3. Соколов Б. О. Парадоксы общественного выбора и теория демократии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. С. 306–3015.
4. Худолей Д. М. Парадоксы Кондорсе и их решения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 288–302.
5. Новрузова О. Б., Койчева М. И. Электронное заключения договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.
6. Чумакова О. Н. Свобода договора и реализация сторонами собственного интереса в рамках исполнения предварительного договора // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 128–135.
7. Сусликов В. Н., Чумакова О. Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: проблемы теории и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 65–71.
8. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 г. Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.
9. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.
10. Миронов М. А., Сурков А., Попов С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (постатейный). М.: Известия, 2006.
11. Блинкова Е. В., Сурков А. Н. Государство как субсидиарный ответчик // Гражданское право. 2012. № 4. С. 7–9.

E. A. Shuvaev¹, Postgraduate student of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

Scientific adviser: E. G. Komisarova², Doctor of Law, Professor of the
Department of Civil Law

²*Perm State National Research University, Perm*

THE PROBLEM OF AGGREGATE INTEREST OF THE MAJORITY IN CORPORATE LAW

The problem of determining the actual interest of a corporate organization is one of the most pressing problems of modern corporate law. The concept of aggregated interest still has its own problems, expressed in the presence of potential conflicts of interest between the participants of the organization.

Keywords: *interest; corporate organization; participants; aggregated interest of the majority; Condorcet paradox.*

СЕКЦИЯ 3. НОВАЦИИ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.

УДК 347.1

А. С. Григорьева¹, Ю. С. Яценко¹, студенты 2 курса юридического факультет

Научный руководитель: О. Н. Чумакова¹, старший преподаватель кафедры гражданского права

¹Юго-Западного государственного университета, г. Курск

РЕАЛИЗАЦИЯ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ ГРАЖДАНИНА-БАНКРОТА: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Проблема реализации единственного жилья гражданина-банкрота является весьма актуальной как в цивилистической доктрине, так и в правоприменительной практике. Данная статья дает возможность проанализировать вопросы правоприменения процедуры изъятия у банкрота единственного жилья.

Ключевые слова: банкротство; исполнительский иммунитет; единственное жилье; гражданин-банкрот; достаточная площадь.

Одним из проблемных вопросов, возникающих при разрешении компетентными органами гражданских дел, являются факторы, связанные с реализацией отдельных категорий имущества при процедуре банкротства, а именно с единственным жильем гражданина-банкрота. Статья 40 Конституции РФ гласит, что каждый имеет право на жилище, а также на защиту прав в отношении своего имущества. Соблюдение данного права несет в себе не только юридическое значение, но и затрагивает другие сферы жизни общества, посредством которых гражданин обеспечивается социальной защитой и комфортными условиями для существования.

В последнее время наблюдается тенденция реализации черных схем «предбанкротного» вывода недвижимости из права собственности путем заключения таких договоров, как договор дарения и предварительный договор [1].

Одним из инструментов обеспечения защиты гражданина в данном вопросе является исполнительский иммунитет. Его суть заключается в устра-

нении единственного жилья, не обременённого ипотекой, из конкурсной массы. В гражданском законодательстве это право закреплено в ст. 446 ГПК РФ, в которой говорится о том, что на жилое помещение или его части не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, об этом также упоминается в п. 3 ст. 213.25 Закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Однако лицо, подлежащее процедуре банкротства, может отказаться от данного исполнительского иммунитета, ходатайствуя о реализации единственного имущества [2]. При утрате единственного жилья должником необходимо учитывать права несовершеннолетних детей на часть имущества, особенно это актуально в малоимущих многодетных семьях [3].

Законодатель не устанавливает четкого механизма действий при определении имущества как единственного пригодного для проживания, что вызывает сложность в решении вопросов, связанных с единственным жильем банкрота, которое является элитной недвижимостью и как следствие выходит за рамки разумно достаточной площади для комфортных условий проживания [4, с. 155]. Как следствие, возникает коллизия норм, так как они носят отсылочный характер и не дают полного представления о том, насколько осуществимо право на исполнительский иммунитет в том или ином случае. Это порождает неоднозначность судебных решений по вопросам реализации единственного жилья гражданина-банкрота [5, с. 70]. Например, в Арбитражный суд Пермского края с ходатайством об исключении из конкурсной массы земельного участка общей площадью 1217,6 кв.м и трехэтажного жилого дома площадью 394,2 кв.м обратилось лицо, в отношении которого начала осуществляться процедура банкротства. В свою очередь финансовый управляющий имуществом должника подал заявление о разделе спорных жилого дома и земельного участка на два объекта недвижимости: выделении должнику в жилом доме в натуре помещения площадью 18 кв.м и соответствующей части земельного участка и исключении указанного имущества из конкурсной массы должника, а также выделении в жилом доме в натуре оставшегося помещения площадью 376,2 кв.м и соответствующей части земельного участка и оставлении указанного имущества в конкурсной массе должника. Определением Арбитражного суда Пермского края заявление должника удовлетворено, из конкурсной массы исключены жилой дом и земельный участок; в удовлетворении заявления финансового управляющего отказано [6]. Указанный прецедент говорит о том, что право гражданина на исполнительский иммунитет в РФ, согласно нормативным правовым актам, реализуется на практике. Это позволяет должнику и кредитору сбалансировать взаимные интересы в рамках процедуры банкротства и, соответственно, не утратить право физического лица на жилое помещение вне зависимости от его площади.

В другом случае при реализации процедуры банкротства физического лица единственное жильё гражданина-банкрота может быть подвергнуто изъятию, в действительности данное правомочие осуществляется достаточно редко, но всё же имеет место быть. Так, Конституционный Суд РФ определил случаи, в которых всё-таки можно изъять единственное жильё у банкрота. Это происходит при условиях, если его единственное жильё приобретено в тот период, когда происходит взыскание задолженности, а также собственность имеет площадь, превышающую норму, необходимую для комфортного проживания. Именно соблюдение данных условий в совокупности не даёт заёмщику, который не может выполнять требования по кредитному договору, иметь возможность обойти закон и препятствовать взысканию долга.

Примером такой ситуации может стать случай гражданина, который обратился в Конституционный Суд РФ с требованием взыскать долг в размере 4 млн рублей со своей знакомой, так как предыдущее обращение в суд первой инстанции не было удовлетворено, именно: должник приобрел квартиру площадью более 110 кв.м и после этого заявил о начале процедуры банкротства. От ища-кредитора поступали требования о продаже этого жилья в счет долга, но, руководствуясь ст. 446 ГПК, уполномоченные органы приняли решение в требовании отказать. Именно поэтому возникла необходимость проверить на конституционность нормы законодательства, которые не позволяют продать единственное жильё должника. Конституционный суд вынес постановление от 26.04.2021 № 15-П, в котором указал, что данные нормы не противоречат законодательству, но действуют лишь на «разумно достаточную» жилплощадь [7]. Следует отметить, что у заемщика есть право на жилище, площадь которого должна соответствовать нормам законодательства. [8; 9]. Таким образом, в процедуре банкротства не исключается возможность изъятия единственного жилья гражданина-банкрота, с учетом соблюдения определенных правил и процедур. Это является примером того, что независимо от имущественного положения должника, требования кредитора будут удовлетворены, а именно права и обязанности обеих сторон уравниваются. Тем самым ответственность сторон за неисполнение обязательств носит встречный характер [10; 11].

Следует отметить, что жилищные споры предусматривают и досудебный порядок регулирования, предоставляя право гражданам обратиться в органы местного самоуправления [12].

Исходя из вышеизложенного, стоит отметить, что проблема реализации единственного жилья гражданина-банкрота является актуальной. При осуществлении судопроизводства следует учитывать достаточно много нюансов, а именно: время совершения сделки купли-продажи жилья, цель его приобретения и жилую площадь. Именно эти условия позволяют вынести справед-

ливое решение и удовлетворить требования двух сторон без нанесения ущерба в случае недобросовестности истца или ответчика.

Список литературы

1. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданско оборота в сфере заключения сделок с недвижимостью // Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы 1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 63–65.

2. Постановление АС Поволжского округа от 08.11.2021 по делу №А65-2754/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Коростелева Т. А., Чумакова О. Н. Проблемы социального обеспечения малоимущих семей // Модернизация в России: история, перспективы, проблемы: сборник статей круглого стола, посвященного 20-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 21 октября 2011 г. / отв. ред.: В. П. Пашин. Курск: ГИРОМ, 2012. С. 151–153.

4. Дударова Д. А., Якимова Е. С. Единственное жилье при банкротстве должника: предоставление иммунитета для роскошного жилья // Образование и право. 2021. № 3. С. 154–157.

5. Колбина В. А., Невзгодина Е. Л. Обращение взыскания на единственное жилье гражданина при банкротстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. № 1. С. 69–81.

6. Постановление № А53-24470/2016 от 14 марта 2018 года Арбитражного суда Ростовской области. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/XgohC2sEoblc/> (дата обращения: 04.04.2022).

7. КС РФ определил, когда у должника можно изъять единственное жильё. URL: <https://roskvartal.ru/news/vzyskanie-dolgov/12486-ks-rf-opredelil-kogda-u-dolzhnika-mozhno-izyat-edinstvennoe-zhilye> (дата обращения: 06.04.2022).

8. Цокур Е. Ф. Принципы удовлетворения жилищных потребностей граждан, заложенные в Конституции Российской Федерации // Права человека: история, теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, Курск-Сумы, 9–10 декабря 2010 г. Курск; Сумы: Русское слово, 2010. С. 106–108.

9. Захарова А. С., Цокур Е. Ф. Проблемы реализации жилищных прав несовершеннолетних в Российской Федерации // Права человека: история, теория, практика: Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей, Курск, 20–21 сентября 2015 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск: Университетская книга, 2015. С. 172–175.

10. Сусликов В. Н., Чумакова О. Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: про-

блемы теории и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 65–71.

11. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 г. Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.

12. Миронов М. А., Сурков А., Попов С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (постатейный). М.: Известия, 2006.

A. S. Grigorieva¹, Y. S. Yatsenko¹, 2nd years student of the Faculty of Law

Supervisor: O. N. Chumakova¹, Senior Lecturer of the Civil Law Department

Southwest State University, Kursk

REALIZATION OF THE SOLE HOUSING OF A BANKRUPT CITIZEN: LAW ENFORCEMENT ASPECT

This article deals with the problems of realization of the only housing of a citizen-bankrupt. This article provides an opportunity to analyze the issues of law enforcement of this procedure.

Keywords: *bankruptcy; executive immunity; sole residence; bankrupt citizen; sufficient area.*

УДК 347

Д. А. Проскурина¹, А. А. Шматова¹, студенты 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Н. В. Кравченко¹, преподаватель кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО КРЕДИТА

В статье затронуты правовые проблемы, возникающие при заключении и исполнении договора потребительского кредита. В ходе

правового анализа договора потребительского кредита были выявлены определенные противоречия в законодательстве, связанные с порядком его заключения и исполнения.

Ключевые слова: кредитный договор; защита прав потребителей; договор страхования; банк; кредит; процентные ставки; заемщик; кредитор.

В условиях рыночных отношений вопрос защиты прав потребителей является приоритетным в реализации государственной потребительской политики.

В настоящее время потребительское кредитование очень популярно. Ассортимент товаров, предлагаемых магазинами для продажи в кредит, очень широк – от телефонов и мелкой бытовой техники до дорогой электроники и автомобилей.

С 1 июля 2014 года вступил в силу Федеральный закон № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», который призван регулировать отношения, возникающие в связи с предоставлением физическому лицу потребительского кредита (займа) на цели, не связанные с предпринимательской деятельностью, на основании кредитного договора, договора займа. Однако, как показывает практика его применения, банки регулярно нарушают права заемщиков, юристы банковских структур при составлении кредитных договоров обходят нормы закона или используют в свою пользу «белые пятна» нормативных актов.

Потребительский кредит – это кредит, предоставляемый физическим лицам (потребителям) на приобретение товаров (работ, услуг) для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, за определенную плату (в виде процентов) на условиях возвратности и соблюдения установленного срока. Он предназначен для людей, которые хотят купить товар сегодня, но не могут этого сделать. Поэтому, не желая долго копить деньги, они покупают в кредит [1, с. 22].

К сожалению, большинство людей думают, что кредит – это легкие деньги, которые можно использовать для решения непредвиденных жизненных проблем или удовлетворения какой-либо потребности. Однако в действительности все иначе, существует ряд нарушений прав заемщиков, банки продолжают не соблюдать законодательные нормы. По данным Международной конфедерации обществ потребителей (далее – КонфОП), к таковым основаниям отнесены следующие действия:

1. Не дают заемщикам пять дней на изучение договора.
2. Требуют от заемщиков покупку полиса у своей страховой компании.

3. Повышают процентную ставку при отказе от покупки полиса или вообще отказывают в выдаче кредита.
4. Вводят ограничения на досрочное погашение кредита.
5. Предлагают заемщикам только аннуитетный график платежей.
6. Не проверяют платежеспособность заемщика и перспективы его финансового положения в будущем.
7. Не возвращают страховую премию в случае досрочного погашения кредита.
8. На сайтах указывают более низкий диапазон процентных ставок.
9. Не предоставляют заемщикам информацию о процедуре закрытия кредита.
10. Взимают плату за дополнительные услуги [2].

Актуальной проблемой на сегодняшний день является навязывание финансовыми учреждениями дополнительных платных услуг при заключении кредитных договоров с потребителями. Чаще всего потребители жалуются на навязывание договора страхования при оформлении кредитного договора, стоимость которого напрямую включается в общую стоимость кредитного продукта. Здесь принцип свободы договора, не ограниченный императивным запретом на навязывание дополнительных услуг, ставит потребителя в кабальное положение [3; 4; 5].

Нередко на практике банки включают в кредитный договор условия, не соответствующие действующему законодательству и ущемляющие права граждан-потребителей. В ходе мониторинга рынка кредитных услуг КонфОП было установлено, что только 14% банков информируют клиентов об их праве не подписывать договор сразу, а дают время на обдумывание решения. Таким образом, до подписания договора клиент знает только его общие условия. В большинстве случаев банки перед оформлением договора называют примерную сумму платежей или предлагают клиенту самостоятельно рассчитать ее с помощью кредитного калькулятора, который не учитывает всех возможных расходов. Следовательно, заемщик может не знать точной суммы выплат по кредиту [6].

При подписании кредитного договора клиент может не только потребовать исключить такие условия из текста, но и обратиться в Федеральную службу по защите прав потребителей с заявлением о привлечении банка к административной ответственности за включение в кредитный договор условий, ущемляющих права потребителей, установленные законом (ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ).

В последнее время все более актуальными становятся вопросы, связанные с правомерностью оказания банками такой услуги, как подключение к программам страхования. Анализ обращений показывает, что банки предла-

гают гражданам застраховаться по программе группового страхования, при этом сам банк эти услуги не оказывает, а выступает в качестве страхователя и заключает договор страхования со страховой компанией. По завершении этой сделки банк становится страхователем, а клиент – застрахованным лицом. Субъектами такого группового страхования могут выступать многодетные и малоимущие семьи, которым навязывание дополнительного страхования просто не представляется возможным оплатить [7].

При этом действующее гражданское законодательство не предусматривает заключение данного договора в связи с программой страхования банка. По своей правовой природе правоотношения, возникающие между банком, страховой организацией и потребителем, содержат признаки договора личного страхования третьего лица. В данном случае инициатива страхования исходит от банка, договор страхования заключается от имени банка [8, с. 400].

Поскольку по закону обязанность по уплате страховой премии страховщику лежит на страхователе, которым является банк, у потребителя нет никаких финансовых обязательств ни перед страховой организацией, ни перед страховщиком. Следовательно, банк не имеет права разрабатывать условия страхования и включать в них положения об обязанности клиента (страхователя) уплатить страховую премию.

Так как потребитель априори не обладает специальными знаниями в банковской сфере, кредитная организация, предоставляющая финансовые услуги, должна предоставить потребителю полную и достоверную информацию об услуге, позволяющую ему сделать правильный выбор.

По своей сути кредитный договор относится к договору присоединения, условия которого определяются банком в одностороннем порядке на стандартных бланках. В отличие от организационных договоров, имущественная составляющая кредитования ограничена еще и императивными нормами законодательства [9; 10; 11].

Потребитель, являясь экономически слабой стороной, нуждается в особой защите своих прав при заключении подобных договоров. В этом смысле кредитная организация, как профессиональный участник финансового рынка, должна строго соблюдать императивные нормы действующего законодательства о защите прав потребителей, не злоупотреблять правом, а также соблюдать основополагающие принципы гражданских правоотношений, такие как добросовестность и разумность.

В целях снижения рисков несоблюдения условий договора страхования в рамках потребительского кредитования можно предоставить заемщику возможность оформить страховой полис на весь срок кредитования [12, с. 222]. Данная мера позволит защитить права потребителей в порядке досудебного регулирования [13; 14].

Следует помнить, что заключение договора потребительского кредита – ответственный шаг. Подписывая договор, клиент соглашается со всеми условиями. Поэтому, прежде чем его подписать, необходимо внимательно всё изучить, а если есть какие-то неясности, обратиться за разъяснениями к сотруднику кредитора.

Список литературы

1. Васильева Е. В., Кадалова О. В., Вишневская Н. Г. Потребительские кредиты в современной России // Наука третьего тысячелетия: сборник статей Международной научно-практической конференции. М., 2016. 356 с.

2. Чернякова С. А. Правовое регулирование отдельных аспектов заключения и исполнения договора потребительского кредита (займа) в России // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 6 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otdelnyh-aspektov> (дата обращения: 21.03.2022).

3. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.

4. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 г. Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.

5. Чумакова О. Н. Предварительный договор: Отдельные аспекты гражданско-правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 4(21). С. 50–55.

6. Трофимова М. Н., Ахметшина И. В., Семушина О. Е. Актуальные вопросы защиты прав потребителей при заключении договоров потребительского кредита // Вести научных достижений. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-zaschity-prav-potrebiteley> (дата обращения: 21.03.2022).

7. Коростелева Т. А., Чумакова О. Н. Проблемы социального обеспечения малоимущих семей // Модернизация в России: история, перспективы, проблемы: сборник статей круглого стола, посвященного 20-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 21 октября 2011 г. / отв. ред.: В. П. Пашин. Курск: ГИРОМ, 2012. С. 151–153.

8. Астапова Е. В. Проблемы защиты прав граждан по потребительским кредитам // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции, посв. 100-летию со дня основания ЮФУ. Ростов н/Д., 2015. 452 с.

9. Чумакова О. Н. Свобода договора и реализация сторонами собственного интереса в рамках исполнения предварительного договора // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 128–135.

10. Сусликов В. Н., Чумакова О. Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: проблемы теории и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 65–71.

11. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 г. Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.

12. Новрузова О. Б., Койчева М. И. Электронное заключение договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.

13. Богдан В. В. Права потребителей: понятие, виды, общая характеристика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2-2. С. 14–20.

14. Богдан В. В. Досудебный порядок урегулирования споров, возникающих в сфере защиты прав потребителей // Российский судья. 2003. № 3. С. 23–26.

D. A. Proskurina¹, A. A. Shmatova¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: N. V. Kravchenko¹, Lecturer of the Department of Civil Law

Southwest State University, Kursk

VIOLATION OF CONSUMER RIGHTS WHEN CONCLUDING A BANK LOAN AGREEMENT

The article touches upon the legal problems that arise during the conclusion and execution of a consumer loan agreement. During the legal analysis of the consumer loan agreement, certain contradictions in the legislation related to the procedure for its conclusion and execution were revealed.

Keywords: *loan agreement; consumer protection; insurance contract; bank; loan; interest rates; borrower; lender.*

УДК 347.4

Н. А. Рыбкин¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Н. В. Кравченко¹, преподаватель кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕНОМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В условиях стремительного технологического развития медицинской отрасли в мире встает проблема, связанная с правовым регулированием применения новейших геномных технологий и защитой прав пациентов в результате их использования. В статье затронут ряд вопросов, которые детерминируют необходимость совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: *ген; геном; здоровье граждан; защита прав пациентов; медицина; геномные технологии.*

В условиях стремительного развития инновационных медицинских технологий вопросы защиты прав граждан приобретают всё большую актуальность. Современные достижения в области геномики делают человека «мишенью технонауки», позволяют рассматривать его в качестве производной от генов, способных не только защитить от отдельных заболеваний, но и улучшать свойства человеческого организма [1, с. 6–7].

В литературе по биологии и медицине выделяются следующие методы и технологии с генами человека: блокировка вредного гена, разрушение вредного гена, введение нового активного гена или регулятора активности генов, замена участка дефектного (мутантного) гена исправным [2, с. 6].

В Российской Федерации действует ряд специальных нормативных актов, которые, так или иначе, касаются сферы геномных исследований. Кроме того, в последние годы руководством страны принято несколько программных документов, определяющих перспективы развития геномных исследований и технологий: Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации», Указ Президента РФ

от 11 марта 2019 г. № 97 «Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу», Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 «О стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» и др. Вместе с тем законодательство в этой стратегически значимой области правоотношений нуждается в детализации и систематизации.

Прежде всего речь может идти о принятии закона о биомедицинских, в том числе генетических исследованиях. При разработке данного нормативного акта важно избежать односторонности подходов, характерных, с одной стороны, для проекта Федерального закона «О биомедицинских исследованиях» (проект был внесен в Государственную Думу РФ в качестве депутатской инициативы в 2007 году). А также аналогичного модельного закона для стран СНГ, где акцент сделан исключительно на правозащитной проблематике. С другой стороны, для Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «Об обращении биомедицинских клеточных продуктов», который специалисты критикуют за недостаточное внимание к гарантиям прав и достоинства человека. Можно было пойти по пути принятия специального закона о генетических исследованиях, как предлагается некоторыми авторами. Однако можно предположить, что в настоящее время будет более целесообразно включить нормы, регламентирующие биомедицинские исследования, в обновленный закон о науке с той целью, чтобы обеспечить комплексный, внутренне непротиворечивый характер правового регулирования. Дело в том, что в современных условиях, когда формирующаяся геномная медицина практически целиком носит экспериментально-исследовательский характер, ее развитие почти полностью зависит от достижений соответствующей фундаментальной и прикладной науки. Геномные исследования, связанные с экспериментами на человеке, позволяют выделить их регулирование в праве в специальный раздел в рамках закона о науке. Актуальным вопросом остается регистрации авторских прав указанных технологий в современном цифровом пространстве [3].

В этом случае он лучше вписывается в стратегию научно-технологического развития России, утвержденную Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642: наука должна найти эффективные ответы на большие вызовы, которые представляют собой «совокупность проблем и угроз и возможностей с высокой сложностью или масштабами, не решаемых за счет увеличения ресурсов». Вследствие таких ориентиров будет целесообразнее не идти по пути дополнения и совершенствования явно устаревшего Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». Лучше принять кодифицированный нормативный акт, который вобрал бы в себя все, что относится к научно-

технологическому развитию, из различных отраслей права и обеспечил бы мобилизацию нормативных ресурсов, их систематизацию на единой концептуальной основе и концентрацию на задачах развития науки [4, с. 25].

Согласно современным международным нормам, все существующие правовые и нормативные документы позволяют подробно регламентировать защиту права человека при проведении геномных исследований. Но, несмотря на это, дальнейшее развитие международной базы медицинских исследований при участии человека, несомненно, имеет место быть. Можно предположить, что в будущем, когда безопасность и точность технологии редактирования генома человека выйдет на другой уровень, возможно изменение существующих нормативных рамок. Как известно из Всемирной декларации прав человека и основных свобод, научные исследования генома человека и практическое применение их результатов открывает безграничные возможности для улучшения здоровья отдельных людей и всего человечества, давая тем самым возможность дальнейших исследований и корректировок международного законодательства в данной сфере. Установка государством запретов на проведение исследовательской деятельности, безусловно, влечет за собой отставание медицинских технологий и науки, а также развитие теневой экономики [5, с. 162].

Редактирование генома все еще является инновационной технологией, но ее потенциальные последствия предполагают, что, как только оно может быть успешно применено в медицине, нам придется пересмотреть ряд основных этических принципов и юридических аргументов, которые регулируют биоэтику и биомедицинское законодательство как на международном, так и на национальном уровне. В то же время необходимо уважать доминирующую политическую и этическую позицию против проведения наследственной модификации человеческого генома, если мы хотим помешать отдельным ученым или небольшим комитетам принять это важное решение для всех нас. Следует признать, что генетическое конструирование человека, исключая антропологические риски, своим базисом должно иметь глобальную гуманистическую трансформацию общественного устройства, где целью прогресса будут человек и его ценности [6, с. 24].

Органическая генная терапия применяется для оказания медицинских услуг и может нарушать некоторые права пациентов, такие как право на квалифицированную медицинскую помощь; возможность получить информацию о своем здоровье (метод лечения или последствия) и др.

Типичные средства защиты прав пациентов включают в себя взыскание в случае причинения вреда здоровью и компенсацию морального ущерба в случае посягательства на нематериальные блага, такие как жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность и частная жизнь. Вместе с тем на практике возмещение вреда пациентам в случаях применения геномных технологий

имеются свои особенности, ряд авторов признает эту деятельность источником повышенной опасности [7, с. 41; 183]. Кроме того, В.В. Богдан предлагает ввести в законодательство специальную норму об ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ, услуг медицинскими организациями, работающими в сфере биомедицинских технологий, согласно которой вред подлежит возмещению лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу независимо от договорных отношений с клиентом [8, с. 31]. При этом следует отметить, что оказание квалифицированной медицинской помощи (качество медицинских услуг) подтверждается или отрицается на основе положений о порядке оказания медуслуг и стандартов медицинского обслуживания. Однако для геномной терапии такие документы еще не приняты.

Современные международные стандарты в этой области определяют границы регулирования, и детали этого вопроса должны быть отражены на национальном законодательстве. В настоящее время в Российской Федерации отсутствует четкая регламентация понятия геномной (генетической) информации, в том числе и ее относимости к определенной категории, что порождает некачественное оказание медицинских услуг и, как следствие, причинение вреда [10]. Проблемными вопросами остаются порядок защиты такой информации и порядок привлечения к ответственности лиц, непосредственно задействованных в обработке и защите такого рода данных, виновных в ненадлежащем хранении [11]. Безопасность геномной информации требует всестороннего обеспечения на международном и национальном уровне [9, с. 33]. Кроме того, толкование правоприменительной практики в данной сфере носит весьма общий характер [12].

На данный момент формируется правовое регулирование проведения генетических исследований и внедрения их результатов на практике, и, безусловно, требует дальнейшего развития и корректировки.

Список литературы

1. Юдин Б. Г. Человека как объект, потребитель и мишень технонауки // Знание. Познание. Умение. 2016. № 5. С. 6–7.
2. Попова О. В. Исследование этических проблем генетики в отечественной философской традиции (к истории идеи биотехнологического конструирования человека) // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 23–26.
3. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в эпоху цифровых технологий // Право в современном мире: сборник научных статей по итогам работы IV ежегодного международного круглого стола, Донецк, 23 апреля 2021 г. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2021. С. 193–196.
4. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-problemy>

zaschity-prav-grazhdan-pri-ispolzovanii-genomnyh-tehnologiy/viewer (дата обращения: 28.03.2022).

5. Шипова Е. А. Международная защита прав человека при проведении геномных исследований // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2 (60). С. 157–165.

6. Берсимбаев Р. И. Фундаментальные исследования и биотехнология // Биотехнология. Теория и практика. 2007. № 1. С. 5–10.

7. Кравченко Н. В. Защита права на жизнь и здоровье: проблемы теории и практики в условиях развития современной медицины. Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы X ежегодной Международной научно-практической конференции, состоявшейся в рамках II Байкальского юридического форума (г. Иркутск, 23–25 сент. 2021 г.) / отв. ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2021. 208 с.

8. Баринов С. А. Медицинская деятельность как источник повышенной опасности // Современное право. 2011. № 9. С. 39–42.

9. Кравченко Н. В. Правовое регулирование генетических исследований и технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 29–37.

10. Богдан В. В. Причинение вреда вследствие недостатков товаров (работ, услуг) как частный деликт в условиях развития современной медицины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 25–32.

11. Блинкова Е. В., Сурков А. Н. Государство как субсидиарный ответчик // Гражданское право. 2012. № 4. С. 7–9.

12. Чумакова О. Н. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 10, № 5. С. 71.

N. A. Rybkin¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: N. V. Kravchenko¹, Lecturer of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF GENOMIC TECHNOLOGIES

IN the conditions of rapid technological development of the medical industry in the world, there is a problem associated with the legal regulation of the use of the latest genomic technologies and the protection of patients' rights as a result of their use. The article touches upon a number of issues that determine the need to improve legislation in this area.

Keywords: gen; genome; citizens' health; protection of patients' rights; medicine; genomic technologies.

УДК 368.86

К. В. Стрекалова¹, Е. С. Тибеккина¹, студенты 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Е. А. Шергунова¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

ЧТО ТАКОЕ ОСАГО В 2022 ГОДУ?

В данной статье рассматривается один из обязательных видов страхования – автострахование с учетом ситуации начала 2022 года. Показана роль полиса ОСАГО на современном рынке в РФ. Рассмотрены условия страховых тарифов по данному виду страхования.

Ключевые слова: *страхование; полис ОСАГО; тарифная ставка; автострахование.*

В свете последних событий, происходящих на территории России и в мировом пространстве, роль страхования в жизни нашего общества сильно возросла. Это можно объяснить тем, что у людей появился истинный интерес застраховать свою ответственность и имущество, чтобы максимально возможным способом минимизировать риски. Одним из самых востребованных видов страхования в России является обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (или, как его еще принято называть, автострахование).

Рынок автострахования является одним из самых проблемных секторов страховой сферы экономики нашей страны, и это связано с рядом факторов. Во-первых, начиная с 2014 года можно проследить тенденцию значительного роста ряда страховых тарифов, таких как страховая сумма. При этом размер страховой премии существенно не вырос. Во-вторых, резкое увеличение суммы страховых выплат за счет судебных издержек, связанных с защитой прав потребителей в сфере некачественно оказанных страховых услуг, а также рядом изменений действующего страхового законодательства [1, с. 169].

Институт страхования в России является неотъемлемым элементом развития современной отечественной экономики. Весомую долю в системе страховых отношений играет такой вид страхования, как обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО) [2, с. 39].

Итак, ОСАГО – это обязательное страхование автогражданской ответственности, а по сути – сам страховой полис. В случае совершения ДТП такой полис призван возместить нанесённый автомобилям ущерб. То есть всю ответственность за имущественные убытки имуществу и здоровью участникам ДТП берет на себя страхования компания виновника. Ввиду этого нужно помнить, что ОСАГО – это прежде всего страхование ответственности, но никак не самого транспортного средства. Для страхования самого автомобиля предусмотрен другой страховой договор – КАСКО.

На территории Российской Федерации у автовладельцев нет выбора оформлять или не оформлять полис ОСАГО. Эксплуатация автомобиля без действующего договора страхования ответственности запрещена. Наказание за вождение без полиса зависит от обстоятельств нарушения. При этом ответственность возникает только если автомобилем пользуются по назначению. Если же транспортное средство постоянно стоит в гараже, скажем как коллекционный экземпляр, и перемещается только на специальной платформе, то есть не своим ходом, то в таком случае страховка ОСАГО не нужна. Таким образом, наказание последует только если использовать транспортное средство по назначению и не страховать при этом свою ответственность.

Полис ОСАГО действует только в том случае, если при ДТП пострадал другой автомобиль (автомобили) либо жизнь и здоровье самого человека. Если вред был причинен только автомобилю виновника или пострадало его здоровье, то страховка не выплачивается.

С 2022 года начало действовать новое указание Банка России, согласно которому существенно расширился диапазон базовых ставок для легковых автомобилей, принадлежащих физическим лицам. По сравнению с прошлыми тарифами, это диапазон как вниз, так и вверх составляли 10%, для общественного транспорта (рейсовых пассажирских автобусов, трамваев и троллейбусов) – 4,9%, для других категорий транспортных средств (в частности, такси) – 30%.

Помимо этого, были значительно пересмотрены коэффициенты страховых тарифов. Они напрямую зависят от возраста, стажа вождения и аварийности водителя, допущенного к управлению транспортным средством, кото-

рое соответствует определённой категории и в отношении которого заключается договор обязательного страхования ответственности (табл.).

Показатели коэффициентов по ОСАГО на 2022 год

№ п/п	Стаж, лет	0	1	2	3-4	5-6	7-9	10-14	Более 14
	Возраст, лет								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	16-21	2,27	1,92	1,84	1,65	1,62			
2	22-24	1,88	1,72	1,71	1,13	1,10	1,09		
3	25-29	1,72	1,60	1,54	1,09	1,08	1,07	1,02	
4	30-34	1,56	1,50	1,48	1,05	1,04	1,01	0,97	0,95
5	35-39	1,54	1,47	1,46	1,00	0,97	0,95	0,94	0,93
6	40-49	1,50	1,44	1,43	0,96	0,95	0,94	0,93	0,91
7	50-59	1,46	1,40	1,39	0,93	0,92	0,91	0,90	0,86
8	старше 59	1,43	1,36	1,35	0,91	0,90	0,89	0,88	0,83

В том случае, если собственником транспортного средства выступает юридическое лицо, то коэффициент пропорционально увеличивается в 1,8 раз.

Институт обязательного автострахования выступает в роли крупнейшего открытого российского страхового рынка и аккумулирует в себе большую часть страховых сборов [3, с. 169].

Необходимо отметить, что данный вид договора опосредует организационно имущественные отношения между субъектами автострахования., в отличие от группы договоров организационно-неимущественного характера, таких как предварительный договор [4; 5; 6; 7].

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем констатировать тот факт, что полис ОСАГО – это обязательный документ для любого автовладельца, который помогает возмещать пострадавшей стороне расходы в случае ДТП.

Список литературы

1. Калашникова Я. Ю. Актуальные проблемы правового регулирования института ОСАГО в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2017. № 3 (19). С. 39–44.
2. Колесников А. Э. Актуальные проблемы обязательного автомобильного страхования в Российской Федерации и пути их разрешения // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 139–141.

3. Шанихина Н. Н., Окунева А. А. Проблемы и перспективы развития автострахования в РФ // Международный журнал перспективных исследований. 2018. № 1. С. 169–179.

4. Чумакова О. Н. Свобода договора и реализация сторонами собственного интереса в рамках исполнения предварительного договора // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 128–135.

5. Сусликов В. Н., Чумакова О. Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: проблемы теории и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 65–71.

6. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.

7. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 г. Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.

8. Блинкова Е. В., Сурков А. Н. Государство как субсидиарный ответчик // Гражданское право. 2012. № 4. С. 7–9.

9. Миронов М. А., Сурков А., Попов С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" (постатейный). М.: Известия, 2006.

K. V. Strekalova¹, E. S. Tibekina¹, 2nd year students of the Faculty of Law

Supervisor: E. A. Shergunova¹, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

¹Southwestern State University, Kursk

WHAT IS COMPULSORY CIVIL LIABILITY INSURANCE FOR VEHICLE OWNERS IN 2022?

This article discusses one of the types of insurance - auto insurance. The role of the compulsory insurance of civil liability of vehicle owners policy in the modern market in the Russian Federation is shown. The conditions of insurance tariffs for this type of insurance are considered.

Keywords: *insurance; compulsory insurance policy of civil liability of vehicle owners; tariff rate; car insurance.*

УДК 347.6

В. А. Умрихин¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Н. В. Кравченко¹, преподаватель кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

ЗАЩИТА ПРАВ ПАЦИЕНТОВ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ С ПРИМЕНЕНИЕМ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В условиях стремительного развития новых медицинских технологий всё большую актуальность приобретает проблема защиты прав граждан при оказании медицинских услуг с применением генетических технологий. В статье освещены проблемы в данной области, затронуты практические аспекты взыскания ущерба в случае причинения вреда здоровью.

Ключевые слова: *здравоохранение; медицинские услуги; пациент; правовой статус; правовое положение сторон; генетические исследования.*

На всей территории Российской Федерации действует социально-ориентированная система здравоохранения, направленная на сохранение и поддержание здоровья населения.

При обращении в медицинское учреждение с целью получения квалифицированной помощи для пациента непосредственно важен результат лечения, соблюдение его личных прав. Медицинские работники, в свою очередь, должны определить границы своей компетенции, ответственность перед пациентом за свои действия. Следует отметить, что статус пациента человек приобретает с момента обращения в медицинское учреждение, независимо от основы лечения, методов и форм оказания медицинской помощи, то есть пациент и исполнитель начинают осуществлять часть своих прав и обязанностей еще до фактического оказания медицинской помощи. Кроме того, специфика правоотношений «врач-пациент» предполагает особое психофизиологическое состояние зависимости пациента от принятого доктором решений, вследствие чего даже бездействие медицинского работника, как и не-

своевременность принятия решений, может повлечь необратимые для большого последствия [1, с. 185].

Следует отметить, что на современном этапе развития общества налицо факт возрастания значимости генетической информации, содержащейся в ДНК человека, в различных сферах его жизнедеятельности, прежде всего в сфере геномной инженерии и геномных технологиях, где непрерывно модернизируются уже существующие методы исследования генома человека. Так, в настоящее время появилась возможность проведения различного уровня генетического тестирования, что, безусловно, выводит диагностирование и последующее лечение многих заболеваний человека на принципиально новый уровень.

Термин «генетическое исследование» следует понимать как совокупность методов, направленных на выявление нарушений качества или количества хромосом, которые приводят к различного рода патологиям или повышают риск их развития у потомства. Исходя из вышеизложенного, такие обследования имеют большое значение на этапе планирования беременности и вынашивания ребенка [2, с. 26]. Согласно ст. 51 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» каждый гражданин имеет право по медицинским показаниям на получение бесплатных консультаций по вопросам планирования семьи, наличия социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, по медицинским и психологическим аспектам семейных и супружеских отношений. На практике мало кто знает об этом праве [3, с. 106].

Одним из классических и довольно распространенных способов восстановления прав пациента является административная процедура разрешения конфликтов, проведение государственного контроля. В этом случае пациент (или его законный представитель) направляет жалобу в вышестоящую организацию. Этот метод является доступным и простым, тем более распространяется на все сферы медицинской деятельности [4, с. 141]. Более того, это не предполагает финансовых или значительных временных затрат и не требует от заявителя специальных знаний. Вместе с тем действенность этого способа защиты не однозначна. Как правило, жалоба из вышестоящей организации «спускается» в ту же медицинскую организацию, в отношении которой была и подана. Низкая мотивация к решению этих проблем со стороны нарушителя не позволяет считать данный метод достаточно эффективным.

Другой альтернативный способ решения – третейский суд. Он не является распространённым, однако имеет ряд преимуществ. Среди них – воз-

возможность участия профессионального судьи, имеющего знания в юридической и медицинской сферах.

Последний досудебный способ восстановления прав пациента – медиация. Медиация – привлечение третьей (независимой) стороны для решения споров. Данная практика не является распространённой в современной России, поэтому оценить ее эффективность должным образом не представляется возможным.

Подача иска является более эффективным и часто используемым способом восстановления прав пациента. Предполагает обязательное досудебное урегулирование. Наличие претензии позволяет провести более глубокий правовой анализ действий со стороны виновного в возникшей ситуации. Этот метод имеет ряд финансовых (оплата услуг юриста по составлению иска), временных затрат – в рамках рассмотрения спора может быть назначено несколько судебных заседаний, отсутствие специальных знаний в области здравоохранения у судьи может повлечь принятие неверного решения.

Защита прав пациентов при оказании медицинских услуг по генетическим исследованиям осуществляется на основании норм, закрепленных в Законе РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», Гражданском кодексе Российской Федерации, Постановлении Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006 «Об утверждении Правил предоставления платных медицинских услуг», Федеральном законе от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральном законе от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации».

Ключевое значение в вопросе защиты прав пациентов при оказании медицинских услуг по генетическим исследованиям имеет роль определение их качества. Исходя из Закона РФ «О защите прав потребителей», пациент имеет право на получение медицинских услуг без недостатков, получение качественных медицинских услуг, на безопасность медицинских услуг, на информацию об обстоятельствах, которые могут повлиять на качество оказываемой медицинской услуги, и т.д. В этом случае одновременно сталкиваются несколько институтов: информированное согласие пациента, врачебная тайна, достоверность восприятия предоставленной информации. Каждый из представленных элементов несет в себе проблемные вопросы [5, с. 104]. Особенно важное место в предоставлении медицинских услуг по генетическим исследованиям занимает наличие лицензирования и аккредитации со сторо-

ны медицинских учреждений [6, с. 101]. Вместе с тем специальных нормативных актов по определению качества медицинской помощи в рамках генотерапии или генодиагностики не имеется. Как правило, правовое регулирование заключается в составлении договора, который носит по большей части организационный характер, не уделяя внимания ответственности сторон [7; 8; 9].

Также пациент на законодательном уровне имеет право выбирать лечащего врача, но на практике редко это право реализуется или возникает вопрос о профессионализме и этичности деятельности медицинского работника. В большинстве случаев у гражданина нет возможности проверить безопасность предоставляемых медицинских услуг, проверить правильность стерильности используемых инструментов, также сложно определить качество результата оказания медицинских услуг, например, определить точность диагностических процедур или эффективность применяемых методов лечения. Еще одной из проблем является то, что у пациента нет точной уверенности в безопасности применения генетической информации медицинским учреждением.

На основании изложенного необходимо сделать вывод, что типичными способами защиты являются взыскание убытков в случае причинения вреда здоровью, компенсации морального вреда в связи с нарушением таких нематериальных благ, как жизнь, здоровье, физическая неприкосновенность, тайна частной жизни [10]. Рассмотрение отдельных проблем защиты прав граждан при использовании геномных технологий свидетельствует об объективных сложностях в поиске их решений, обусловленных необходимостью обеспечения справедливого баланса интересов сторон соответствующих отношений, потребностью в минимизации потенциальных рисков.

Список литературы

1. Кравченко Н. В. Защита права на жизнь и здоровье: проблемы теории и практики в условиях развития современной медицины // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы X ежегодной Международной научно-практической конференции, состоявшейся в рамках II Байкальского юридического форума (г. Иркутск, 23–25 сент. 2021 г.) / отв. ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2021. 208 с.

2. Поваров Ю. С. Требования к согласованию на проведение исследования, лечения или диагностики, связанных с геномом человека // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 2. С. 23–28.

3. Блудилина К. А. Некоторые особенности правового статуса пациента при оказании медицинских услуг // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018. С. 104–106.

4. Кравченко Н. В. Контроль качества и безопасности медицинской деятельности частных медицинских организаций и индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации // *Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова 13–14 декабря 2019 г., Курск* / отв. ред. В. В. Богдан; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск: Университетская книга, 2019. 356 с.

5. Кравченко Н. В. Развитие правового регулирования инновационных биомедицинских технологий в условиях современных вызовов // *Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета (г. Уфа, 22 апреля 2022 г.)* / отв. ред. Е. В. Ахтямова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 308 с.

6. Романовский Г. Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // *Российская юстиция*. 2016. № 7. С. 94–102.

7. Сусликов В. Н., Чумакова О. Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: проблемы теории и практики // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2018. № 2. С. 65–71.

8. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.

9. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // *Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 г.* Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.

10. Богдан В. В. Причинение вреда вследствие недостатков товаров (работ, услуг) как частный деликт в условиях развития современной медицины // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2020. № 9. С. 25–32.

V. A. Umrikhin¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: N. V. Kravchenko¹, Lecturer of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

PROTECTION OF PATIENTS' RIGHTS IN THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES USING GENETIC TECHNOLOGIES

In the context of the rapid development of new medical technologies, the problem of protecting the rights of citizens in the provision of medical services using genetic technologies is becoming increasingly urgent. The article highlights the problems in this area, touches on the practical aspects of recovery of damage in case of injury to health.

Keywords: *healthcare; medical services; patient; legal status; legal status of the parties; genetic research.*

УДК 368.1

Е. А. Шергунова¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

ПРОБЛЕМЫ ЖИЛИЩНОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

Статья рассматривает основные проблемы жилищного страхования в России. Автор рассматривает плюсы и минусы жилищного страхования в России и делает вывод, что данный вид страхования должен быть обязательным.

Ключевые слова: *жилище; жилищное страхование; страховой риск; страховой случай; договор страхования.*

Страхование жилых помещений уже давно является одним из распространенных видов страхования. Подобный вид страховых услуг получил широкое распространение еще в советскую эпоху, так как позволял решать ряд социально-экономических проблем, связанных с жильем. Тем не менее на се-

годняшний день данный договор так и не приобрел обязательную форму и относится к добровольным видам страхования.

Дискуссии об этом поднимались в теории и на практике неоднократно, но достичь единого понимания, так и не получилось. Большинство авторов сходятся во мнении, что жилищное страхование должно носить обязательную форму. Жилье относится к дорогостоящему имуществу и его утрата существенно сказывается на бюджете семьи, лишь единицы могут позволить себе незапланированную покупку нового жилья в случае его утраты. Основная же масса населения при утрате жилья в результате аварий, пожаров или стихийных бедствий вынуждена просить помощи у государства. К сожалению, сфера оказания социальной помощи и поддержки гражданам, лишившимся в результате чрезвычайных ситуаций своих жилых помещений до конца законодательно не урегулирована. В частности, не совсем четко разрешен вопрос: социальная выплата и обеспечение жилья должны осуществляться на федеральном или местном уровне? В некоторых случаях государство берет все расходы на себя, иногда делегирует данные полномочия органам местного самоуправления [1, с. 10–13]. Но все случаи носят частных и исключительный характер. Как такового единого правила не существует.

Тем не менее есть мнение, что принудительное страхование жилья будет нарушать конституционный принцип неприкосновенности частной собственности и самостоятельном владении, пользовании и распоряжении собственником своим имуществом.

Согласно современным нормам гражданского законодательства принцип свободы договора является одним из основных начал гражданского права, при этом стороны могут заключать договоры как предусмотренные законом или иными правовыми актами, так и не предусмотренные законом, при условии, что они не противоречат действующему законодательству. Часто можно встретить и смешанные договорные конструкции, носящие комплексный характер и включающие в себе элементы нескольких договоров [2, с. 76].

Исходя из этого, Ю.С. Гафурова придерживается мнения, что гражданина можно законодательно принудить заключить исключительно договор страхования ответственности, но никак не имущества [3, с. 171].

Проблему жилищного страхования составляет то, что нет единого понимания, что это будет за договор. Сегодня на практике жилищное страхование относится к страхованию имущества и носит добровольный характер. Ряд правоведов придерживаются мнения, что такая форма жилищного страхования идеально вписывается в современные реалии и не требует серьезной

трансформации законодательства, поэтому можно издать закон об обязательном страховании жилья, взяв за основу страхование недвижимого имущества.

Другая группа авторов с данным мнением не согласны и говорят о том, что жилищное страхование должно быть комплексным видом, включающим в себя страхование имущества и страхование ответственности владельца такого имущества.

По мнению, В.В. Булгакова и Д.В. Гусевой, «жилищное страхование представляет собой совокупность видов страхования, включающую в себя частичную или полную компенсацию ущерба, нанесенного имущественным интересам физических или юридических лиц, связанных с владением, пользованием или распоряжением жилищным фондом, вследствие его повреждения, уничтожения или утраты, а также в случае причинения ущерба имущественным интересам третьих лиц» [4, с. 39].

Исходя из этого, можно выделить ряд функций, которые характерны для жилищного страхования:

- социальная функция – заключается в обеспечении социальной поддержки и помощи лицам, чье жилое помещение пострадало;
- экономическая функция – выражается в обеспечении экономической поддержки населения, уменьшения расходов из государственного бюджета на поддержку пострадавших жильцов;
- общественная функция – проявляется в обеспечении стабильности в обществе и гарантирует возмещение ущерба лицам, чье жилье было утрачено или пострадало.

Большим минусом в современном жилищном страховании является его добровольный характер, что позволяет страховым компаниям самостоятельно устанавливать размеры страховых премий, делая такой вид страхования финансово невыгодным для большинства семей. Так, в среднем страхование квартиры от минимального количества рисков будет варьироваться от 1200 до 4200 рублей в год. Учитывая тот факт, что прожиточный минимум составляет чуть больше 10 000 рублей, сумма существенная. Также большинство граждан уверены, что с их жильем ничего не случится, поэтому и не видят острой необходимости в подобном страховании.

Аналитический центр НАФИ совместно с Всероссийским союзом страховщиков в 2018 году провели в 42 регионах исследование мнения граждан относительно жилищного страхования [5]. Результаты были следующие: большинство за обязательный комплексный вид жилищного страхования, около 40% считают, что добровольное жилищное страхование вполне справ-

ляется со своей задачей. И только у 16% из всех опрошенных на момент проведения исследования жилые помещения были застрахованы. А это говорит о том, что даже если граждане и согласны с необходимостью жилищного страхования, то реально страховать свое жилье они не спешат.

Страхование имущественной ответственности должно обеспечивать как ответственность за неисполнение обязательств, так и учитывать неимущественное социальное положение субъектов страхования [6; 7; 8; 9]. Так, реализация жилищного страхования тесно связана как с принципами удовлетворения жилищных потребностей граждан, так и отражает проблемный характер жилищных правоотношений [10; 11; 12].

Ввиду всего вышесказанного можно сделать вывод о необходимости принятия закона об обязательном страховании жилья, которое бы включало в себя как страхование самого жилого помещения, так и страхование ответственности владельца. Причем, по нашему мнению, страховая сумма должна устанавливаться правительством Российской Федерации, исходя из стоимости жилого помещения и объема страхуемых рисков. Подобная мера приведет к бережному отношению к своему жилому помещению и минимизации имущественных потерь в случае утраты или повреждении жилого помещения.

Список литературы

1. Новрузова О. Б., Левченко А. И. Эффективность института делегирования отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2021. № 3. С. 10–13.

2. Богдан В. В., Пугачева Е. В. Риэлторский договор как частноправовое отражение общественных интересов в сфере регулирования рынка недвижимости // Крымский научный вестник. 2017. № 4 (16). С. 75–81.

3. Гафурова Ю. С. Жилищное страхование в России: проблемы развития // Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества. 2016. С. 170–172.

4. Булгаков В. В., Гусева Д. В. Жилищное страхование и его правовое обеспечение // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-6. С. 39–41.

5. Страхование жилья в России: статистика и реалии. URL: http://www.sluchay.ru/статьи_о_страховании/trahovanie-zhilya-v-ossii-statistika-i-realii/ (дата обращения: 22.03.2022).

6. Сусликов В. Н., Чумакова О. Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: проблемы теории и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 65–71.

7. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 года. Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.

8. Коростелева Т. А., Чумакова О. Н. Проблемы социального обеспечения малоимущих семей // Модернизация в России: история, перспективы, проблемы: сборник статей круглого стола, посвященного 20-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 21 октября 2011 г. / отв. ред.: В. П. Пашин. Курск: ГИРОМ, 2012. С. 151–153.

9. Новрузова О. Б., Койчева, М. И. Электронное заключения договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.

10. Миронов М. А., Сурков А., Попов С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (постатейный). М.: Известия, 2006.

11. Цокур Е. Ф. Принципы удовлетворения жилищных потребностей граждан, заложенные в Конституции Российской Федерации // Права человека: история, теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции Курск–Сумы, 9–10 декабря 2010 г. Курск; Сумы: Русское слово, 2010. С. 106–108.

12. Захарова А. С., Цокур Е. Ф. Проблемы реализации жилищных прав несовершеннолетних в Российской Федерации // Права человека: история, теория, практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции: сборник научных статей, Курск, 20–21 сентября 2015 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск: Университетская книга, 2015. С. 172–175.

E. A. Shergunova¹, Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

THE PROBLEMS OF THE HOUSING INSURANCE IN RUSSIA

The article considers the main problems of the housing insurance in Russia. The Autor analyses some pros and contras of the housing insurance in Russia and concludes, that this type of the insurance should be compulsory.

Keywords: *housing; housing insurance; insurance risk; insurance even; insurance contract.*

УДК 347

А. А. Титов¹, **И. В. Шумеев**¹, студенты 2 курса юридического
факультета

Научный руководитель: Н. В. Кравченко¹, преподаватель кафедры
гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ВНЕСУДЕБНОГО БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье проанализированы актуальные проблемы проведения процедуры внесудебного банкротства физических лиц, с учётом статистики количества завершённых дел по процедуре внесудебного банкротства.

Ключевые слова: *банкротство; внесудебное банкротство; физическое лицо; кредитор; гражданин.*

Банкротство физических лиц закреплено в гражданском законодательстве и Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в 2015 году. С 1 сентября 2020 года в Российской Федерации был введен институт внесудебного банкротства физических лиц.

Для того чтобы определить популярность и востребованность правового института, необходимо проанализировать статистику (табл.).

Количество сообщений о внесудебном банкротстве физических лиц
за 2020, 2021 гг.

	О возбуждении	О возврате	О завершении	О прекращении	Доля возбуждений, %
Сен. 2020	390	1 551		2	20%
Окт. 2020	425	1 178		1	27%
Нояб. 2020	391	899		2	30%
Дек. 2020	592	831		2	42%
Янв. 2021	324	378			46%
Фев. 2021	392	502		3	44%
Март 2021	450	506	340	5	47%
Апр. 2021	454	451	400	2	50%
Май 2021	259	292	376	3	47%
Июнь 2021	341	341	592	2	50%
Июль 2021	348	326	335	2	52%
Авг. 2021	366	333	384	6	52%
Сент. 2021	381	332	404	1	53%
Окт. 2021	362	372	424	6	49%
Нояб. 2021	344	301	292	3	53%
Дек. 2021	656	416	346	6	61%
Итого	6 475	9 009	3 863	46	42%

Из таблицы мы можем наблюдать, что в период с 1 сентября 2020 года по 31 декабря 2021 года было опубликовано 6 475 сообщений о возбуждении процедур внесудебного банкротства физических лиц. При этом было возвращено физическим лицам 9 009 заявлений, соответственно доля начатых операций составила 42%. В 2021 году было опубликовано 3 863 сообщений о завершении процесса внесудебного банкротства. Следует отметить, что в 2020 году завершений не было.

Сумма долга граждан за весь период существования внесудебного банкротства физических лиц составляет 2,26 млрд руб. в начатых процедурах, из них 1,35 млрд руб. – в завершенных [1].

Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» четко прописывает условия, при которых возможно проведение внесудебного банкротства физических лиц. К таковым относятся следующие:

1. Общий размер кредитных обязательств составляет не менее 50 тысяч рублей, но не более 500 000 тысяч рублей.
2. Отсутствие имущества у физического лица.

3. Кредитные обязательства должны быть документально подтверждены долговыми обязательствами в виде постановления судебного органа, а на дату подачи заявления все исполнительные производства должны быть завершены на основании того, что все меры по розыску имущества произведены. В свою очередь физическое лицо не должно владеть никаким доходом.

Однако, как показывает практика, в силу своей новизны использование механизма внесудебного банкротства имеет ряд правоприменительных проблем, одна из которых заключается в том, что гражданину необходимо указать всех кредиторов, в противном случае, не произойдет списание задолженности. Кроме этого, отмечается проблема отсутствия механизма своевременного и полноценного информирования всех кредиторов о начале процедуры. В действующем законодательстве специальной нормы нет. По сути, кредиторам (не кредитным организациям, их обязательно уведомляют) ч. 3 ст. 223.4 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предлагает мониторить ежедневно систему «реестра о банкротстве» и отстаивать свои права «самостоятельно, охватывать и создавать процедуру “банкротства” уже в рамках судебного разбирательства» [2, с. 56; 9, С. 194]. Ещё одна проблема заключается в некотором ослаблении защиты прав кредиторов. Например, в случае, если он осведомлен о сделке должника, которую можно признать недействительной, и начинает оспаривать ее в судебном порядке, то не вправе начинать судебную процедуру банкротства, пока решение суда о признании сделки должника недействительной не вступит в силу. Однако внесудебный порядок банкротства длится всего 6 месяцев, поэтому есть существенный риск не успеть вовремя. На основании чего цивилисты рекомендуют дополнить ФЗ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» ст. 223.8 «Приостановление и возобновление внесудебного банкротства» [3, с. 81].

Требование для внесудебного банкротства в виде окончания исполнительного производства является практически невыполнимой задачей для физического лица. Данное обстоятельство обусловлено тем, что судебный пристав-исполнитель в редких случаях завершает исполнительное производство. Более того, он может открывать его повторно. Далее, такое условие внесудебного банкротства, как отсутствие доходов, делает эту процедуру для пенсионеров и инвалидов невозможной. В настоящее время законодательство не устанавливает запрет на взыскание долгов из пенсии по старости, инвалидности в случае, если после удержания денег у должника остается меньше прожиточного минимума. Данные положения закона необходимы для повышения качества и уровня жизни как социально незащищенных слоев населения, так и любых работающих граждан РФ с небольшим доходом [4, с. 414; 5, с. 152].

Нередки случаи, когда в ходе процедуры банкротства должник может передать свое имущество путем заключения организационно-правовых сделок неимущественного характера, тем самым выводя имущество из банкротной массы [6; 7; 8; 9].

Наряду с этим необходимо отметить, что одним из положительных моментов внесудебного банкротства является его бесплатность. Судебное включает в себя три стадии: реализация имущества, реструктуризация долгов и мировое соглашение. Гражданину может быть установлена только реализация имущества, и тогда он должен оплатить депозит суда 25 тысяч рублей, а если добавляется стадия реструктуризация долгов, то необходимо внести еще 25 тысяч рублей. Помимо этого, следует еще оплачивать различные публикации. Тем самым порядок рассмотрения обращения граждан весьма затянут по времени [10].

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что внесудебное банкротство физических лиц является новой процедурой для гражданского права и на сегодняшний день имеет много практических и теоретических проблем, устранение которых видится через внесения соответствующих изменений в гражданское законодательство.

Список литературы

1. Банкротство в России: итоги 2021 года // Статистический релиз Федералресурса. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%202021.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).

2. Плашиннов А. С. Внесудебное банкротство физических лиц. Решение возникшей проблемы или бесперспективная инициатива законодателя? // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 6. С. 52–56.

3. Лаврентьев М. Е. Актуальные проблемы внесудебного банкротства граждан в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2021. № 4. С. 80–81.

4. Фокина С. И. Особенности применения процедуры упрощенного банкротства физических лиц // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы IV Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Комсомольск-на-Амуре, 2021. Ч. 4. 428 с.

5. Коростелева Т. А., Чумакова О. Н. Проблемы социального обеспечения малоимущих семей // Модернизация в России: история, перспективы, проблемы: сборник статей круглого стола, посвященного 20-летию юридиче-

ского факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 21 октября 2011 года / отв. ред.: В. П. Пашин. Курск: ГИРОМ, 2012. С. 151–153.

6. Чумакова О. Н., Сусликов В. Н. Механизм действия предварительного договора и его правовое регулирование // Образование и право. 2017. № 8. С. 147–151.

7. Чумакова О. Н. Способы закрепления гарантий при заключении сделок с использованием конструкции предварительного договора // Научные труды / Российская академия юридических наук. М.: Изд-во «Юрист», 2016. С. 165–167.

8. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.

9. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в эпоху цифровых технологий // Право в современном мире: сборник научных статей по итогам работы IV ежегодного международного круглого стола, Донецк, 23 апреля 2021 г. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2021. С. 193–196.

10. Миронов М. А., Сурков А., Попов С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (постатейный). М.: Известия, 2006.

A. A. Titov¹, I. V. Shumeev¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: N. V. Kravchenko¹, Lecturer of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

CURRENT PROBLEMS OF EXTRA JUDICIAL BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS

The article analyzes the actual problems of conducting the procedure of extrajudicial bankruptcy of individuals, taking into account the statistics of the number of completed cases under the procedure of extrajudicial bankruptcy.

Keywords: *bankruptcy; out-of-court bankruptcy; individual; lender; citizen.*

УДК 347.13

Ж. К. Кубанычбекова¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. Н. Чумакова¹, старший преподаватель кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

НОТАРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Данная статья посвящена вопросам нотариального обеспечения доказательств в сети Интернет. Автор отмечает, что ввиду активного процесса цифровизации важно обеспечить доказательства сети Интернет. В статье анализируются виды нарушений, при которых обеспечиваются доказательства в сети Интернет, а также исследуется процедура такого обеспечения.

Ключевые слова: нотариус; обеспечение доказательств; доказательства; Интернет; проблемы.

С развитием информационных технологий возрастает значимость сети Интернет как наиболее распространённого и основного источника информации. Его активное применение является необходимым условием эффективного функционирования и активного развития организаций. Через Интернет производится поиск деловой информации, изучение спроса и предложения. Являясь уникальным источником информации о товарах и услугах, «всемирная паутина» вне конкуренции, предоставляя пользователям мощный коммуникационный ресурс. Здесь можно получить практически любую необходимую информацию. Однако может возникнуть ситуация, когда в сети Интернет содержится информация, нарушающая права других лиц (например, исключительные авторские права; права на использование товарного знака; распространение сведений, порочащих деловую репутацию; разглашение коммерческой тайны; размещение компрометирующих материалов на политических и иных известных деятелей и др.). Потребность в регулировании «интернет-отношений», их законодательной регламентации назрела давно. В связи с этим одной из проблем является придание доказательственной силы информации, размещенной в сети Интернет.

Судебной практики по делам подобного рода немного, она только начинает появляться. Федеральный закон РФ от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 «Об Основах законодательства Российской Федерации о нотариате» (далее –

Основы) закрепляет такое нотариальное действие, как обеспечение доказательств, но не регулируют процессуальные особенности его совершения. Анализ Основ законодательства Российской Федерации о нотариате 1993 года показывает, что механизм обеспечения доказательств отсутствует. Законодатель умалчивает, каков порядок фиксации нотариусами информации, содержащейся в «глобальной сети». Что касается правовой природы интернет-информации, то с научной точки зрения это все еще нерешенный вопрос. Нотариальное действие по обеспечению подобной информации не очень распространено, но тем не менее периодически за его совершением к нотариусам обращаются граждане и их представители, сегодня лишь единицы нотариусов имеют опыт работы в данной области, многие из них отказываются заниматься обеспечением таких доказательств, ссылаясь на отсутствие теоретической базы подобного действия, отсутствие научно выработанных подходов и рекомендаций по совершению исходного нотариального действия также обуславливает актуальность темы исследования.

Возникает вопрос, что именно необходимо изучить нотариусу, например собирая доказательства в сети Интернет? Можно предположить, что нотариусы устанавливают факт публикации на интернет-сайтах и интернет-страницах с текстовой информацией, в том числе аудио- и видеозаписей, например, на youtube.com, rutube.ru и др. Возможно определение факта публикации в различных мессенджерах, таких как Viber, WhatsApp, Skype, Telegram, Facebook Messenger, в электронных сообщениях с сервисов электронной почты mail.ru, yandex.ru, google.ru, google.com и др., а также и содержащиеся в ней текстовые графические файлы. Число веб-сайтов растет, что и создает необходимость обеспечения доказательств в сети Интернет [1]. Обеспечение доказательств осуществляется для подтверждения нарушения фактов при следующих нарушениях:

- при краже доменов;
- плагиат авторского контента (текстов, аудио- и видеоматериалов);
- при незаконном использовании товарных знаков;
- при размещении рекламы, противоречащей положениям закона о рекламе;
- при размещении клеветнической информации, которая порочит деловую репутацию, честь и достоинство гражданина или юридического лица.

За обеспечением доказательств в Интернете заявитель должен обратиться к нотариусу и конкретно указать причины обеспечения доказательств. Гражданин подает заявление и указывает в нем поэтапный доступ к странице сайта. На основании заявления нотариус осуществляет порядок обеспечения доказательств: осмотр необходимого сайта по указанным этапам в заявлении. Далее от заявителя поступает заявление с указанием сведения о доступе к страницам интернет-сайта. Желательно, чтобы все ссылки, к которым должен

обратиться нотариус, а также и изображения, которые нотариус будет фиксировать, были указаны в заявке. Кроме этого, в заявлении следует указать права заявителя, которые, по его мнению, нарушены. Нотариус должен совершить обеспечение доказательств в день обращения. Необходимо знать также, что нотариус не наделен полномочиями определять авторство. Данные полномочия осуществляются судом. В протоколе дела, которые не рассматриваются в суде, достаточно только указать на обстоятельства, при которых стороны отсутствуют при нотариальном производстве. Однако, когда дело подлежит рассмотрению в суде, нотариус обязан известить все заинтересованные стороны [2].

В.В. Молчанов считает, что в протоколе рассматриваемого дела достаточно указать только на обстоятельства осуществления нотариального производства в отсутствие стороны. Дальнейшее действие нотариуса – осмотр доказательств. Нотариус должен описать компьютер, на котором хранится информация, описать компьютерные программы и всю информацию, которую он увидел. На практике нотариусы пользуются компьютерной программой «Tracert», позволяющей проследить путь доступа от сервера, с помощью которого нотариус вошел в сеть, и до сервера, на котором расположена интересующая информация [3, с. 313].

При исследовании интернет-страницы нотариус должен проверить, содержит ли сайт информацию, которая нарушает права и интересы заявителя. После завершения проверки, нотариус распечатывает материалы-доказательства, заверяет интернет-страницы и составляет протокол осмотра сайта. В протоколе осмотра должны быть указаны следующие сведения:

- перечень действий, совершенных нотариусом;
- описание осмотренных страниц;
- состав доказательств;
- место и дата проведения нотариального заверения сайта;
- данные о заинтересованных лицах;
- данные о нотариусе.

Далее к протоколу осмотра сайта нотариус прилагает все необходимые материалы – доказательства факта правонарушения (это могут быть распечатанные и заверенные интернет-страницы, аудио, видео- и графические объекты и др.). Для обеспечения доказательств в Интернете физическое лицо должно предоставить паспорт, а что касается юридического лица, то – пакет правоустанавливающих документов.

Однако здесь имеются и свои недостатки. К примеру, удостоверяя информацию в сети Интернет нотариус не может гарантировать, что другой человек на своем компьютере видит ту же самую информацию. Сайт можно настроить таким образом, чтобы на посторонние компьютеры шла фильтрация определенного потока информации. В результате при просмотре нотари-

усом интернет-страницы он может увидеть недостоверную, искаженную информацию. В таких случаях помочь может лишь эксперт, являющийся специалистом в данной области. Федеральным законом № 73-ФЗ от 31 мая 2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» нотариус может назначить экспертизу, проведение которой требует специальных познаний.

Следует отметить, что в ФЗ «Об основах законодательства о нотариате» не содержится понятия нотариуса как эксперта. Это означает, что нотариус не может быть экспертом, а лишь способствовать организации экспертизы, которая определит указанную достоверность. Поскольку нотариус при назначении экспертизы руководствуется ФЗ «Об основах законодательства о нотариате», ГК РФ, ГПК РФ и наделяется правом предупреждения эксперта о даче заведомо ложного заключения, то данная процедура будет называться не нотариальной, а судебной. Кроме того, эксперт может быть допрошен судом. Поэтому назначение экспертизы является формальным для нотариуса. Возникает вопрос, в чем заключается целесообразность правового статуса экспертного заключения, подготовленного на основании постановления нотариуса?

Заявитель или эксперт в состоянии заключить договор на проведение экспертного исследования. Статус эксперта имеет принципиальное значение в случае его допроса по заключению, выполненному на основании приказа нотариуса. Например, свидетель опрашивается по любым вопросам, в том числе организационным и процедурным, связанным с обеспечением доказательства, эксперт может быть допрошен только о проведенном им исследовании. При выполнении процессуальных действий по обеспечению доказательств, в том числе назначения экспертизы, нотариус руководствуется ГПК РФ и может назначить экспертизу, не нарушая установленную судебную процедуру их проведения. Кроме того, нотариус обеспечивает доказательства не только в соответствии с ГК РФ, но и правилам, установленным Основами законодательства о нотариате.

Также необходимо разграничивать, каким способом получена информация. По мнению А.В. Бегичева, если касаться информации, расположенной на электронном носителе, то их удаление вероятно [4]. Как показывает судебная практика, в любой момент информация может быть искажена, удалена, может не сохраниться [5].

Суть сводится к следующему: обеспечение доказательств в сети Интернет проводится без извещения заинтересованных лиц. Но речь идет об иностранном элементе, поэтому, на наш взгляд, нотариус обязан поставить в известность заинтересованных лиц (одним из которых является иностранное лицо) в письменной форме, для соблюдения авторских прав в том числе [6].

Как правило, нотариус должен объяснить эксперту его права, обязанности, ответственность за отказ, уклонение от дачи заключения или ответственность за заведомо ложного заключения. В соответствии с ГК РФ эксперт имеет право отказаться от дачи заключения, если он не обладает достаточными знаниями для выполнения возложенной на него обязанности. Заключение дается в письменном формате. Само заключение должно содержать подробное описание произведенных исследований, сделанные в результате их выводы и обоснованные ответы на поставленные вопросы. Предоставление объектов для экспертного исследования является спорным моментом. Иногда в постановлении нотариуса не указываются документы, которые необходимы для производства экспертного исследования. В этом случае нотариус предлагает заинтересованному лицу предоставить эксперту все необходимые документы и материалы, так как сам эксперт по закону не наделен правом сбора материалов. На практике получается, что и заинтересованное лицо не может знать о перечне документов.

Таким образом, нотариусу необходимо в постановлении указывать перечень документов, которые будут предоставлены заявителем. Заключение эксперта подписывается нотариусом. По окончании производства по обеспечению доказательств заинтересованному лицу выдается по одному экземпляру каждого документа, составленного в порядке обеспечения доказательств.

Опираясь на вышесказанное, мы видим, что, несмотря на выявленные пробелы, деятельность нотариуса по обеспечению доказательств имеет важное практическое значение для реализации и защиты прав лиц, участвующих в судопроизводстве. Многие сделки, связанные с организационно-правовыми неимущественными правоотношениями, к сожалению, не подлежат нотариальному заверению, что влечет недобросовестное поведение субъектов правоотношений [7; 8; 9].

Сегодня многие граждане стали чаще обращаться к нотариусам, чтобы зафиксировать факт оскорблений или нарушения авторских прав в сети «Интернет». Рост числа обращений, безусловно, связан с тем, что люди все больше времени проводят в виртуальном мире – это не только общение, но также и творчество, и бизнес. С 29 декабря 2020 г. в законодательство вступили в силу новые изменения, где теперь обращаться к нотариусу за обеспечением доказательств в сети Интернет можно удаленно, не приходя в нотариальную контору. Такое нотариальное действие не требует проверки соответствия воли и волеизъявления и ряда других обязательных действий нотариуса, которые приводятся, к примеру, при удостоверении сделок. Именно поэтому цифровой формат в данном случае не влечет за собой каких-либо рисков, а лишь упрощает жизнь гражданам и представителям бизнеса, чьи права и законные интересы нуждаются в защите.

Список литературы

1. Егорова М. Е. К вопросу о нотариальном обеспечении доказательств, размещенных в сети Интернет. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/64207-voprosunotarialnom-obespechenii-dokazatelstvrazmeshhennykh-seti-internet> (дата обращения: 10.05.2022).
2. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27 августа 2009 г. № 03АП-3124/2009. URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.garant.ru%2Fproducts%2Fipo%2Fprime%2Fdoc%2F52572943%2F&cc_key (дата обращения: 10.05.2022).
3. Молчанов В. В. Доказывания и доказательства // Гражданский процесс. М., 2010. 313 с.
4. Бегичев А. В. Назначение экспертизы нотариусом в порядке обеспечения доказательств // Современное право. 2011. № 8. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru> (дата обращения: 19.05.2022).
5. Решение от 4 октября 2021 г. по делу № А19-5234/2021. URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fsudact.ru%2Farbitral%2Fdoc%2Fh0m9qUuY5EY0%2F> (дата обращения: 10.05.2022).
6. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в эпоху цифровых технологий // Право в современном мире: сборник научных статей по итогам работы IV ежегодного международного круглого стола, Донецк, 23 апреля 2021 г. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2021. С. 193–196.
7. Чумакова О. Н., Сусликов В. Н. Механизм действия предварительного договора и его правовое регулирование // Образование и право. 2017. № 8. С. 147–151.
8. Чумакова О. Н. Способы закрепления гарантий при заключении сделок с использованием конструкции предварительного договора // Научные труды Российской академии юридических наук. 2016. Т. 2, № 18. С. 165.
9. Новрузова О. Б., Койчева М. И. Электронное заключение договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В.Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.

J. K. Kubanychbekova¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. N. Chumakova¹, Senior Lecturer of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

NOTARIZATION OF EVIDENCE ON THE INTERNET

This article is devoted to the issues of notarial provision of evidence on the Internet. The author notes that in view of the active digitalization process, it is important to provide evidence of the Internet. The article analyzes the types of violations in which evidence is provided on the Internet, and also examines the procedure for such provision.

Key words: *notary; provision of evidence; proof; internet; problems.*

УДК 004.45/.77

Е. О. Шепелева¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. Н. Чумакова¹, старший преподаватель кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курска*

ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В РОССИИ И РАЗВИТИЕ «ЦИФРОВОГО НОТАРИАТА»

В данной работе рассматривается такое понятие, как цифровизация, а именно ее активное внедрение в работу государственных органов. Кроме того, автор затрагивает основные направления развития цифровизации нотариата, а также ее современное состояние и перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: *цифровизация; государственные органы; нотариат; информационные системы; электронное правительство; автоматизированная система.*

В настоящее время всё более актуальными становятся научные идеи и достижения, связанные с возможностью дистанционно разрешать различные проблемы. И именно поэтому наиболее значимым направлением социально-экономической сферы является развитие цифровизации всех сфер жизни. Что

касается самого понятия «цифровизация», то в юридической науке нет единого мнения. В основном это можно объяснить тем, что сам процесс цифровизации относится к техническим наукам, но никак не к юридической.

Несмотря на это, нельзя не согласиться с мнением О.А. Полюшкевич, которая считает, что цифровизация – это процесс внедрения и применения инновационных технологий и принципов цифровой экономики в социально-экономических сферах общества, который сопровождается тотальной автоматизацией, роботизацией и внедрением искусственного интеллекта [1, с. 42].

Одним из первых органов, который стал активно продвигать электронные сервисы в своей работе, стал нотариат. Так, первым глобальным шагом на пути к полной цифровизации нотариата можно обозначить создание в 2014 году Единой информационной системы нотариата (далее – ЕИС). В первую очередь, данная система предназначалась как база для хранения всех нотариально удостоверенных документов, но также смогла стать и некой «платформой» для взаимодействия с разного рода органами и реестрами. Для простых граждан удобство ЕИС заключается в возможности дистанционно заказывать и получать различные справки и выписки, которые необходимы для ведения наследственного дела и выдачи свидетельств о праве на наследство, что весьма важно. Кроме этого, нотариус теперь также может проверять наличие различных сведений о завещании, а также устанавливать его содержание просмотра электронного образа в базе.

Далее достаточно важной вехой в развитии цифровизации уже всех государственных органов РФ является Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Этот правовой акт стал действительно важным стимулом для введения коммуникационных и информационных технологий в политическую, экономическую и социальную сферы. Более того, вопрос о развитии цифровизации российского нотариата также не был обделен вниманием [2].

Основная цель данного Указа заключается в обеспечении граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления свободным доступом к информации на всех этапах ее производства и распространения.

Опираясь на данную цель, можно выделить следующие задачи:

- добиться полной «цифровой зрелости» всех сфер жизни, включая образование;
- значительно увеличить доступность жизненно важных услуг в электронном виде для всех слоев населения;
- обеспечить всё население возможностью применения высокоскоростной сети «Интернет»;

• цифровизация органов государственной власти, а также органов местного самоуправления.

Основатель и директор по развитию e-commerce-агентства Compro Максим Наумкин считает, что благодаря данному Указу Российскую Федерацию уже можно внести в топ-5 стран, характеризующихся лучшим темпом развития цифровизации [3].

Следующей ступенью для дальнейшего развития цифровизации государственного управления стало утверждение комплекса информационных систем – «Электронное правительство России». Основной целью программы является повышение качества услуг, предоставляемых государством.

В настоящее время система «Электронное правительство» активно развивается, и с учетом постоянного развития должны быть решены последующие задачи, а именно:

1. Полная информационная трансформация государственного управления, с использованием автоматизированных систем.

2. Внедрение системы межведомственного электронного взаимодействия.

3. Внедрение технологии «Одно окно».

4. Применение системы безбумажного документооборота.

5. Развитие доктрины «Открытое правительство».

Благодаря предоставленной системе разработаны и действуют некоторые основные элементы электронного правительства, в том числе Единый портал государственных и муниципальных услуг; Единая система межведомственного электронного взаимодействия; Национальная платформа распределенной обработки данных и т.д.

Нельзя не отметить значимость информационно-справочной системы – Единый портал государственных услуг, который помогает как физическим, так и юридическим лицам получать нужные им государственные услуги в электронном виде. Например, на данной платформе можно электронно оплатить госпошлину или подать заявление на нужную услугу, а после проверить ее статус обработки.

В итоге все эти информационно-технологические новшества приведут к изменению статуса государственных органов, а затем уже к переходу системы государственного управления на дальнейший этап развития – от «электронного правительства» к «цифровому правительству».

В связи с этим необходимо упомянуть о Распоряжении Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1189-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной системы управления данными и плана мероприятий («дорожной карты») по созданию национальной системы управления данными на 2019–2021 гг.». Цель этого Распоряжения заключается в введении новых прав и обязанностей органов государственной власти, свя-

занных с созданием новой информационной системы, максимально эффективной и действенной.

Более того, нельзя не отметить значимость Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ, вторым названием которого является «Закон о цифровом нотариате». Можно сказать, что этот нормативно-правовой акт внес значительные изменения в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, в первую очередь предоставив возможность самим нотариусам возможность работы в электронном формате.

Конечно, цифровизация государственных органов несет в себе множество преимуществ, в том числе:

1. Введение цифровых технологий поможет заменить труд госслужащих автоматизированной системой, что в свою очередь сократит расходы на содержание государственного аппарата.

2. Уменьшится временная нагрузка как для госслужащих, так и для заявителя.

3. Сократятся коррупциогенные факторы, так как многие процессы будут полностью автоматизированы и не потребуются бумажная волокита в таком большом объеме.

Но также важно отметить, что помимо преимуществ цифровой трансформации государственного управления, существуют и недоработки данной системы, в том числе:

1. Не стоит исключать возможные сбои системы государственного управления, в особенности это случаи, когда сервер перегружен, а пользователю нужно решить срочную проблему.

2. Нельзя забывать про возможность кибератак, что впоследствии приведет к несанкционированному доступу к конфиденциальной информации.

3. Всегда нужно брать во внимание принимаемые нормативно-правовые акты, не противоречат ли они всем информационно-технологическим новшествам [4, с. 15].

Цифровизация должна помочь решить еще одну актуальную проблему – перевод архивных нотариальных документов в цифровой формат и создание единого нотариального цифрового архива [5; 6].

В заключение стоит сказать, что цифровизация несомненно играет важную роль в государственном управлении. По прогнозам специалистов, около 30% действий нотариусов, не требующих удостоверения волеизъявления сторон, будут переведены в дистанционный формат [7, с. 46].

Кроме того, цифровизация договорного процесса позволит сделать гражданский оборот наиболее прозрачным для контрагентов и делового оборота [8; 9; 10].

В настоящее время цифровое право носит более публичный характер и используется государством в качестве государственно-правового регулятора общественной и экономической деятельности [11; 12].

Данный процесс помогает всем пользователям наиболее быстро и качественно решить стоящие перед ними задачи. Но также не стоит забывать и про ряд рисков, которые возникают во время пользования системой. Поэтому необходимо обратить особо внимание на их устранение, что приведет к еще более эффективному решению задач пользователей.

Список литературы

1. Основы цифровизации государственного и муниципального управления: учеб. пособие / О. А. Полношкевич, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, [и др.]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. 163 с.

2. Яковлев-Чернышев В. А. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации: преимущества и риски // *Вестник Административного права и практики администрирования*. 2021. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36011 / (дата обращения: 10.04.2022).

3. Наумкин М. Пять трендов цифровой экономики России в 2019 году // *RUSBASE*. 2019. URL: <https://rb.ru/opinion/ekonomika-rossii/> (дата обращения: 10.04.2022).

4. Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство: цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 5. 135 с.

5. Корман В. К. Информационные технологии в деятельности нотариата в Российской Федерации // *Образование и наука в России и за рубежом*. 2018. № 13.

6. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в эпоху цифровых технологий // *Право в современном мире: сборник научных статей по итогам работы IV ежегодного международного круглого стола*, Донецк, 23 апреля 2021 г. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2021. С. 193–196.

7. Кириллова Е. А. Тенденции развития электронного нотариата в России // *Нотариус*. 2019. № 8. С. 44–46.

8. Чумакова О. Н., Сусликов В. Н. Механизм действия предварительного договора и его правовое регулирование // *Образование и право*. 2017. № 8. С. 147–151.

9. Чумакова О. Н. Способы закрепления гарантий при заключении сделок с использованием конструкции предварительного договора // *Научные труды / Российская академия юридических наук*. М.: Изд-во «Юрист», 2016. С. 165–167.

10. Новрузова О. Б., Койчева М. И. Электронное заключение договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.

11. Миронов М. А., Сурков А., Попов С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (постатейный). М.: Известия, 2006.

12. Блинкова Е. В., Сурков А. Н. Государство как субсидиарный ответчик // Гражданское право. 2012. № 4. С. 7–9.

E. O. Shepeleva¹, 2nd year student Faculty of Law

Scientific adviser: O. N. Chumakova¹, Senior Lecturer

¹*Southwestern State University, Kursk*

TRENDS OF DIGITALIZATION OF STATE BODIES IN RUSSIA AND THE DEVELOPMENT OF THE "DIGITAL NOTARY"

This article discusses such a concept as digitalization, namely its active implementation in the work of state bodies. In addition, the article touches upon the main directions of development of digitalization of notaries, as well as its current state and prospects for further development.

Keywords: *digitalization; government agencies; notaries; information systems; e-government; automated system.*

СЕКЦИЯ 4. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

УДК 347

Д. Р. Ермошин¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Н. В. Кравченко¹, преподаватель кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье проанализированы правовые проблемы гражданско-правового регулирования применения новых медицинских технологий.

Ключевые слова: медицинская деятельность; медицинские технологии; пандемия; COVID-19; искусственный интеллект; телемедицина.

Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) в 2020 году внесла свои коррективы в привычную жизнь граждан не только в Российской Федерации, но и по всему миру в целом. Пандемия COVID-19 оказала огромное влияние на медицинскую деятельность, «обнажив» недочеты и оказав влияние на развитие новых медицинских технологий [1, с. 256].

Системы здравоохранения всего мира столкнулись с кризисом и сложностями, начиная от оказания помощи людям на дому, заканчивая изоляцией их друг от друга в целях недопущения распространения коронавирусной инфекции [2, с. 80]. Изоляция, карантин, трудности в передвижении и запретная нагрузка на медицинский персонал дали толчок развитию информационных технологий в медицине. Ни для кого не секрет, что система здравоохранения – это одна из сфер, где цифровизация протекает слишком медленно. Обусловлено это, как правило, некоторыми причинами, начиная от специфики деятельности, заканчивая беспокойством по поводу защиты персональных данных пациентов и персонала в том числе. В связи с этим медицина, работая с самым ценным в мире – человеческой жизнью, с осторожностью принимает нововведения. Однако, как было указано выше, COVID-19 внес свои коррективы, и врачам пришлось быстрее адаптироваться к ситуации и максимально задействовать и использовать технические возможности для помощи пациентам.

В первую очередь, широкое распространение получила телемедицина. Стоит отметить, что ее развитие зародилось еще в конце XX века, однако до сегодняшнего дня оно шло довольно медленно. Телемедицина в Российской Федерации на законодательном уровне закреплена с 2018 года в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где раскрыты понятие и сущность данного института.

Физиологическая индивидуальность человека также предопределяет разное протекание болезни: кто-то оказывался в ковидариях, так называемой «красной зоне», а кто-то обходился лечением дома, не имея ярко выраженных симптомов коронавирусной инфекции [3, с. 276]. И если в первом случае со стороны медиков за пациентом ведется тщательное наблюдение круглые сутки, то, когда заболевший с подтвержденным диагнозом новой коронавирусной инфекции не нуждался в госпитализации и высокопоточном кислороде и находился дома, у врачей появилась возможность наблюдать за его физическим состоянием с помощью телемедицины.

Важно отметить, что не только частная медицина, но и государственные структуры здравоохранения взяли на вооружение инновационные технологии удаленного консультирования. Начала развиваться система телемедицинских консультаций между специализированными учреждениями, благодаря которым доктора региональных клиник могли оперативно получать совет от специалистов федеральных медицинских центров.

Однако, несмотря на стремительное развитие телемедицины, проблемы с ее применением возникали и возникают по сей день. В частности, это связано с тем, что в нашем большом государстве далеко не везде есть Интернет и жители ряда регионов и местностей не могут воспользоваться online-консультацией врачей. Также проблема кроется в сознании большинства людей, которым крайне важен именно очный визит к доктору, где будет уже поставлен диагноз или дана рекомендация по лечению [4, с. 5]. В настоящее время также отсутствуют правовые инструменты полноценной идентификации сторон при дистанционном прохождении обследования и лечении, не определен правовой статус оператора иной информационной системы, обеспечивающей доступ к получению телемедицинских услуг и имеющей доступ к медицинской тайне. В разрезе договорного регулирования дистанционное обследование представляет собой предварительную услугу (предварительный договор), опосредующую заключение основной услуги- договора об оказании медицинских услуг [5; 6; 7].

В целом, несмотря на такие трудности, считаем, что это мощный прорыв в медицинской деятельности, поскольку, несмотря на огромное расстояние между специалистами, в том числе и разделение их государственными

границами, телемедицинские технологии помогают взаимодействовать даже на международном уровне.

Еще одно направление, которое активно стало развиваться именно в пандемию COVID-19 – это использование искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект (ИИ) – это по-настоящему ценная технология, которая имеет потенциал в жизни всего современного человечества. Наряду с телемедициной, искусственный интеллект развивается медленнее, но уже в мае 2021 года в *Nature Medicine* было опубликовано исследование клиники Мауо по использованию искусственного интеллекта в диагностике низкой фракции выброса у бессимптомных и малосимптомных пациентов на основании ЭКГ. Развитие цифровизации также способствует прогрессу ИИ [8].

Однако и здесь имеется ряд нерешенных правовых проблем. Одной из них можно назвать риск ошибочного выставления диагноза. Использование методов реконструкции и анализа снимков с помощью искусственного интеллекта для постановки диагноза и определения лечения может в конечном итоге нанести вред пациентам, поскольку даже мелкие погрешности «на входе» могут привести к принципиально разным диагнозам на выходе. Опасения имеют право на существование. Опытный врач, взглянув на снимок, сможет отличить дефект изображения от какого-нибудь образования. Или попросит сделать диагностику ещё раз. ИИ на сегодняшний день так не умеет. В таком случае остается неурегулированным вопрос гражданско-правовой ответственности в случае причинения вреда здоровью [9].

Еще одной существенной проблемой, которая заботит современное общество, – это сохранение персональных данных каждого гражданина. К сожалению, применение и использование ИИ в любой сфере жизни не может гарантировать сохранение конфиденциальности. Видится, что для решения данной проблемы необходимо разработать правовые механизмы защиты персональных данных, а также предусмотреть меры гражданской ответственности за их разглашение.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие медицинских технологий ускорилося и набрало обороты в разгар пандемии COVID-19. Вместе с тем еще существует ряд проблемных вопросов правового характера применения новых медицинских технологий, которые требуют детального изучения и законодательной проработки путей их решения.

Список литературы

1. Кравченко Н. В. Инновационные медицинские технологии и реализация права на жизнь и здоровье (на примере вакцинации): гражданско-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 255–262.

2. Тимербулатов В. М., Тимербулатов М. В. Здоровоохранение во время и после пандемии Covid-19 // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2020. № 2. С. 77–86.

3. Бузин В. Н., Сон И. М. Организация медицинской помощи в амбулаторных условиях в период пандемии: мнение населения // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2021. № 3. С. 265–280.

4. Кулькова И. А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. 2020. № 1. С. 5–10.

5. Чумакова О. Н., Сусликов В. Н. Механизм действия предварительного договора и его правовое регулирование // Образование и право. 2017. № 8. С. 147–151.

6. Чумакова О. Н. Способы закрепления гарантий при заключении сделок с использованием конструкции предварительного договора // Научные труды / Российская академия юридических наук. М.: Изд-во «Юрист», 2016. С. 165–167.

7. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 10, № 5. С. 71.

8. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в эпоху цифровых технологий // Право в современном мире: сборник научных статей по итогам работы IV ежегодного международного круглого стола, Донецк, 23 апреля 2021 г. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2021. С. 193–196.

9. Богдан В. В. Причинение вреда вследствие недостатков товаров (работ, услуг) как частный деликт в условиях развития современной медицины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 25–32.

D. R. Yermoshin¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: N. V. Kravchenko¹, Lecturer of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

SOME LEGAL PROBLEMS OF THE USE OF NEW MEDICAL TECHNOLOGIES

The article analyzes the legal problems of civil law regulation of the use of new medical technologies.

Keywords: *medical activity; medical technologies; pandemic; COVID-19; artificial intelligence; telemedicine.*

СЕКЦИЯ 5. МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЕЩНОГО ПРАВА: КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

УДК 347.25

А. А. Пономарева¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. А. Коротких¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

ФОРМИРОВАНИЕ СОСЕДСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматриваются соседские права в Российской Федерации, анализируется проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», связанный с закреплением соседских прав. Проводится разграничение сервитута и соседских прав.

Ключевые слова: соседские права; проект поправок в Гражданский Кодекс РФ; римское право; ограниченное право собственности; сервитут.

Одной из самых обсуждаемых проблем гражданского права за последнее время является введение соседских прав в Гражданский Кодекс РФ. Соседские правоотношения, по сравнению с западными странами, в Российской Федерации не получили должного закрепления. Возможной причиной отсутствия закрепления данных норм является менталитет населения, которое воспитывалось в СССР, где с соседями в основном складывались дружественные отношения. При возникавших спорах можно было договориться об устранении нарушения с соседом, на крайний случай вызывали полицию. Немаловажным фактором являлось и отсутствие частной собственности на землю, что не позволяло установить нормы соседского права. Однако после распада Советского Союза Российская Федерация вышла на новый уровень экономического развития, обусловивший появление частной собственности на землю.

Соседские правоотношения не являются новшеством для права, они были разработаны ещё в Древнем Риме. Основными их постулатами были:

1. Сосед должен был терпеть незначительное выпячивание стены соседа.

2. Дозволять соседу проход для сбора плодов, упавших на землю соседа.

3. Сосед не может протестовать против проникновения дыма, паров и иных выделений со стороны соседа, если они проникают в умеренном количестве и вызваны нормальной эксплуатацией соседнего участка и т. д. [1, с. 195].

Попытки установления норм соседского права в Российской Федерации были выдвинуты в проекте Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Законопроект). Однако законодательного закрепления нормы, касающиеся соседских правоотношений, не получили.

При нарушении прав собственника из-за действий соседа на принадлежащем ему участке, как правило, соседские права защищаются негаторным иском, при рассмотрении которого немаловажная роль отводится принципу добросовестности. Однако доказать недобросовестное поведение соседа не всегда удается. Обращаясь к статистике, при споре соседей исковые требования в большинстве случаев остаются без удовлетворения, т.к. согласно нормам, которые существуют на данный момент, действия ответчика являются правомерными. Районные суды отказывают в удовлетворении исков, дела доходят до Верховного Суда, где решения нижестоящих судов оспариваются. Данные ситуации показывают, что принятие и закрепление соседских прав является необходимым.

В Законопроекте соседские права рассматриваются как ограничения права собственности. Согласно Законопроекту соседское право будет регулировать возведение построек на чужом участке, что может вводить ограничения для собственника на построение многоэтажного объекта, построение объекта рядом с забором соседа, имеющего покатую крышу, т.к. при выпадении осадков может повредиться конструкция каких-либо соседских сооружений.

Вводится запрет на возведение конструкций, нарушающих сток воды с соседнего участка, и посадку растений, которые могут навредить соседскому участку (например, тенью или ветхостью дерева, которое может принести имущественный ущерб). Помимо запретов и ограничений соседи приобретают и право нахождения на чужом участке во время ремонтных работ. Законопроект заимствует нормы из римского права о терпимости к дыму соседа, если он выделяется в разумных количествах. Нормы терпимости также касаются и шума от соседей.

В Законопроекте предлагается норма, отличающаяся от римского права. В римском праве плоды с момента отделения от плодоприносящей вещи (*separatio*), т.е. с того момента, с которого плоды становятся отдельной вещью, принадлежали только собственнику последней [2, с. 113]. Согласно За-

конопроекту граждане смогут собирать плоды, упавшие на земельный участок с дерева или куста, расположенного на соседнем участке, если соглашениями между соседями не предусмотрено другое [3]. По сути, в данной норме право дается обеим сторонам: соседу – право на использование чужих плодов, собственнику – решать судьбу своих плодов: не препятствовать соседу в его правах или договориться об абсолютном праве на плоды. Данные договорно – управомачивающие отношения советуют принципам гражданско- правового регулирования [6; 7; 8; 10].

В некоторых аспектах соседские права совпадают с сервитутом, что может вызвать определенные затруднения, например, право находиться на соседском участке во время ремонтных работ. По сути, сервитут может установить такое право, как и соседские права. Однако, на наш взгляд, у данных норм ограниченного вещного права есть существенные отличия.

Сервитут, как и соседские права, с одной стороны, являются ограниченными вещными правами. С помощью сервитута можно установить пропуск на чужую территорию, точно так же как и в режиме соседских прав. Однако сервитут может быть возмездным и безвозмездным, требует соглашения собственника земли, на которой будет находиться сервитут, регистрации в ЕГРН. Что касается соседских прав, они возникают из положения участников-соседей. Если сосед занимается ремонтными работами и ему необходимо попасть на чужой участок, то пропустить соседа для собственника будет являться обязанностью в силу закона. Если сервитут является средством расширения территории, на которой можно устанавливать правовой режим, то соседские права защищают интересы соседей.

Закрепление соседских прав в Гражданском Кодексе РФ является необходимым, т.к. споры соседей встречаются всё чаще, а объективных норм для защиты собственных интересов недостаточно, что усложняет процедуру судебного разбирательства по данным вопросам. Нормы Законопроекта являются ограничением права собственника, однако они являются рациональными, исходят из принципа терпимости. В отличие от существующего сервитута они призваны обеспечивать интересы соседей с помощью закона, что позволит облегчить регулирование отношений между участниками.

Список литературы

1. Сюбаева Ю. Д. Эволюция соседского права на различных этапах развития земельных отношений // Пробелы в законодательстве. 2017. № 6. С. 195–198.

2. Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право: учебник. М.: Юриспруденция, 2000. 314 с.

3. Горохова З. О соседских правах и других земельных новшествах // Бюллетень недвижимости. 2020. URL: <https://www.bn.ru> (дата обращения: 04.05.2022).

4. Виниченко Ю. В. К вопросу о понятии соседского права // Сибирский юридический вестник. № 3(54). 2011. С. 49–55.

5. Пасынкова Т. О. Соседское право и сервитут в гражданском праве: соотношение понятий, перспективы развития // МНСК-2018: Государство и право. 2018. С. 150–151.

6. Чумакова О. Н., Сусликов В. Н. Механизм действия предварительного договора и его правовое регулирование // Образование и право. 2017. № 8. С. 147–151.

7. Чумакова О. Н. Способы закрепления гарантий при заключении сделок с использованием конструкции предварительного договора // Научные труды / Российская академия юридических наук. М.: Изд-во «Юрист», 2016. С. 165–167.

8. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.

9. Коростелева Т. А., Чумакова О. Н. Проблемы социального обеспечения малоимущих семей // Модернизация в России: история, перспективы, проблемы: сборник статей круглого стола, посвященного 20-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 21 октября 2011 г. / отв. ред.: В. П. Пашин. Курск: ГИРОМ, 2012. С. 151–153.

10. Новрузова О. Б., Койчева М. И. Электронное заключение договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.

A. A. Ponomareva¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. A. Korotkikh¹, Ph.D. in Law, Associate Professor
of the Department of Civil Law

¹*Southwestern State University, Kursk*

FORMATION OF NEIGHBORHOOD RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article discusses neighbor's rights in the Russian Federation, analyzes the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation, related to the

consolidation of neighbor's rights. A distinction is made between servitude and neighboring rights.

Keywords: *neighbour's rights; draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation; Roman law; limited property right; servitude.*

УДК 347.21

А. Ю. Труфанова¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. А. Коротких¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Статья посвящена специфике правового статуса земель сельскохозяйственного назначения. В статье выявляются проблемы при осуществлении принципов гражданского оборота земель сельскохозяйственного назначения. Рассматривается проблема сложности и вовлеченности земель сельскохозяйственного назначения в гражданский оборот как особой категории земельных участков, анализируется введение в законодательство новшеств, позволяющих обеспечить развитие в сфере сельского хозяйства на основе усовершенствования действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: *земли сельскохозяйственного назначения; правовой статус; право собственности; гражданский оборот; недвижимость.*

Институт недвижимости в настоящее время является эпицентром, вокруг которого происходят различные события: множество коллизий, которые возникают при регулировании деятельности данного института, а также внесение новшеств и изменений в законодательство, регулирующие данные правоотношения. Правовое регулирование вопросов недвижимости представляет собой сложный процесс с множеством особенностей. Так, оборот объектов недвижимости может регулироваться в договорном порядке как имущественных, так и неимущественных правоотношений [1; 2].

Гражданский Кодекс РФ устанавливает объекты недвижимости в ст. 130. Сфера недвижимости охватывает различные законы и нормативно-правовые

акты, такие как Гражданский кодекс, Земельный кодекс, Градостроительный кодекс, Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости», Федеральный закон «О государственном кадастре недвижимости» и другие.

К категории недвижимости, которая наделена признаками индивидуальной определенности, принадлежности к материальному миру, особой экономической ценности и другими, в гражданском праве относится земельный участок. [3, с. 161] Признаком, который индивидуализирует земельный участок, является граница земельного участка. Так, по мнению В.А. Алексеева, единственным индивидуализирующим признаком земельного участка является местоположение его границ [4]. Особым видом недвижимости, который имеет множество особенностей и тонкостей, являются земельные участки сельскохозяйственного назначения. Земли сельскохозяйственного назначения – земли, находящиеся за границами населенного пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей. Данная категория охраняется государством особенно, потому что земли сельхозназначения являются основополагающим средством производства, а следовательно, от эффективности их использования зависит продовольственное благосостояние и экономика страны.

Гражданский оборот земель сельскохозяйственного назначения имеет сложную структуру, поэтому быстро заключить договор купли-продажи с любым лицом такого земельного участка или воспользоваться иным правовым инструментом перехода права собственности невозможно. ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» устанавливает ряд правил.

Во-первых, принцип целевого использования. Земельный участок должен строго использоваться в целях осуществления деятельности в сфере сельского хозяйства, то есть разведение скота, выращивание зерновых и иных культур, производство сельскохозяйственных продуктов.

Во-вторых, закон предусматривает возможность для субъектов РФ устанавливать предел площади земельных участков в одном муниципальном районе, находящихся в собственности у одного лица, то есть для каждого муниципального района Российской Федерации существует определенный предел площади, который может находиться в праве собственности у одного лица. Так, например, в Симферопольском районе площадь участков в праве собственности не может превышать 1000 гектар, а площадь участков в праве собственности и в другом праве не может быть более 10000 гектаров [5].

В-третьих, закон наделяет субъектов РФ правом преимущественной покупки в отношении земельного участка сельскохозяйственного назначения, то есть при продаже земельного участка собственник должен уведомить субъект о продаже. В случае, если субъект РФ отказывается от покупки зе-

мельного участка, то тогда у правообладателя возникает право на продажу участка третьему лицу.

В-четвертых, преимущественным правом на приобретение земельных долей в праве на земельные участки сельскохозяйственного назначения, в случае их возмездного отчуждения, законодатель наделил других участников общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения. Однако при реализации этого права собственники зачастую сталкиваются с препятствиями со стороны правоотчуждателем земельных долей. Так сельсоветы, осуществляющие правомочия собственников земельных долей от имени соответствующих муниципальных образований, в настоящее время стали злоупотреблять правом и отказывать в заключении договоров купли-продажи физическим лицам и юридическим лицам, имеющим право преимущественной покупки. Так, в Арбитражном суде Курской области был признан отказ сельсовета незаконным в заключении договора купли-продажи восьми земельных долей сельскохозяйственного назначения [6].

В-пятых, иностранные лица и компании не могут приобрести в право собственности земельный участок, находящийся на территории РФ. Такие лица обладают правом заключать лишь договор аренды с собственником участка. Данная норма закона олицетворяет особый режим охраны природных ресурсов нашей страны.

Важное значение для эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения имеет их вовлеченность в оборот. Чем больше участков эффективно используется – тем лучше для сохранения земельных участков сельскохозяйственного назначения и экономики страны. Но очень часто встречаются ситуации, которые противоречат закону. В связи с подорожанием цен на удобрения для различных культур, сельскохозяйственную технику, расходные материалы стала наблюдаться тенденция неиспользования земель сельскохозяйственного назначения. Появилось много судебной практики, когда земли изымают у собственника в связи с их неиспользованием. Например, Арбитражным судом Московской области было вынесено решение об изъятии у собственника – главы КФХ земельного участка сельскохозяйственного назначения в связи с неиспользованием. Собственник был подвержен административному наказанию по ст. 8.8 КоАП РФ, также в ходе ежегодных проверок в течение 6 лет ему выдавались предписания, которые он не исполнял [7].

Современные условия ведения сельского хозяйства и агробизнеса обуславливают необходимость корректировки текущего законодательства и внесения в него новшеств. Рассматривая вопрос целевого использования земель, стоит отметить, что с 1 марта 2022 года в силу вступил ФЗ «О внесении изменений в статью 77 Земельного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (№ 299-ФЗ от 02.07.2021), со-

гласно которому можно построить дом для членов крестьянского (фермерского) хозяйства на земле сельхозназначения. Представляется, что данная норма обеспечит возможность более эффективно использовать земли сельскохозяйственного назначения, позволит развивать семейный бизнес в форме крестьянско-фермерских хозяйств, а также обеспечивать внутренний рынок качественной продукцией в полном размере. Кроме того, представляется, что указанные нововведения сделают осуществление предпринимательской деятельности в форме КФХ более привлекательным, что обусловит процессы реорганизации [8]. На самом деле, постройка дома для членов КФХ на земельном участке, на котором происходит деятельность по ведению сельского хозяйства, наделяет фермеров возможностью уделять больше времени выращиванию культур и разведению животных, а также сокращать расходы на транспортное обеспечение и эффективно использовать время. Но стоит отметить, что строительство домов на земле сельскохозяйственного назначения было разрешено и до вступления в законную силу данного закона, но лишь на землях СНТ и ДНП. С появлением новой нормы закона можно теперь построить дом в зоне СХ-1 (зона сельхозугодий) и СХ-2 (зона сельскохозяйственного производства). При этом обязательно должны быть соблюдены условия: до трёх этажей, площадь строения не более 500 м² и не превышение более чем на 25% площади жилого дома от общей площади земельного участка. Также такой жилой дом на земельном участке должен быть один.

Таким образом, можно сделать вывод: земли сельскохозяйственного назначения имеют огромную ценность для государства, поэтому имеют особый правовой статус, который ограничивает круг лиц, которые могут обладать правом собственности, и устанавливает специальные правила по использованию и участию данного вида земель в гражданском обороте. Предусмотрен особый порядок обращения граждан по владению и пользованию землями сельхозназначения [9].

Развитие сферы сельского хозяйства в целом зависит от вовлеченности сельхозземель в гражданский оборот. Для этого муниципальные районы должны заниматься деятельностью по выявлению бесхозяйных земельных участков такого типа, а также не препятствовать получению гражданам и компаниям права собственности на земельные участки и заключению договора аренды. Для наиболее быстрого результата повышения эффективности использования сельскохозяйственных земель необходимо усовершенствовать законодательство о гражданском обороте земель сельскохозяйственного назначения и наделить органы местного самоуправления полномочиями по отслеживанию вовлеченности таких земель в районах.

Список литературы

1. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.

2. Чумакова О. Н. Способы закрепления гарантий при заключении сделок с использованием конструкции предварительного договора // Научные труды Российской академии юридических наук. 2016. Т. 2, № 18. С. 165.

3. Дорин А. С. Правовые проблемы понятия земельного участка в действующем отечественном законодательстве // Молодой ученый. 2020. № 1 (291). С. 161–163.

4. Алексеев В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей: учебное пособие для вузов // Образовательная платформа Юрайт: сайт. URL: <https://urait.ru/bcode/473452> (дата обращения: 14.05.2022).

5. Правовые особенности земель сельскохозяйственного назначения // Симферопольский район: офиц. портал. URL: <https://simfmo.rk.gov.ru/document/show/19715> (дата обращения: 02.05.2022).

6. Решение Арбитражного суда Курской области от 23.12.2021 № А35-3663/2021 // Система Юрист – справочная система практических разъяснений от судей. URL: <https://www.1jur.ru/#/document/98/66516638> (дата обращения: 02.05.2022).

7. Решение Арбитражного суда Московской области от 27.12.2021 № А41-65627/2021 // Система Юрист – справочная система практических разъяснений от судей. URL: <https://www.1jur.ru/#/document/98/66640880> (дата обращения: 02.05.2022).

8. Коротких О.А. Правовые аспекты перехода права собственности в случае реорганизации юридического лица // Юрист. 2007. № 7. С. 41–44.

9. Блинкова Е. В., Сурков А. Н. Государство как субсидиарный ответчик // Гражданское право. 2012. № 4. С. 7–9.

A. Y. Trufanova¹, 2nd year student of the Faculty of Law Southwest

Supervisor: O. A. Korotkikh¹, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

LEGAL STATUS AND FEATURES OF AGRICULTURAL LANDS

This article is devoted to the specifics of the legal status of agricultural lands, their features and legal features. The problems in the implementation of the

principles of civil turnover of agricultural lands are also identified, the problem of the involvement of all agricultural lands in civil turnover as a special valuable category of land plots and the introduction of innovations in the legislation in the field of agriculture that will preserve the current involvement of such lands in civil turnover and ensure development in the field of agriculture are considered.

Keywords: *agricultural land; legal status; ownership; civil turnover; real estate.*

УДК 347.233.5

Л. Н. Юрлов¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. А. Коротких¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЗАЛОГА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

В данной статье автор предпринял попытку изучения правового положения залога в системе отечественного гражданского права и определения направления развития данного института.

Ключевые слова: *залог; ипотека; вещное право; ограниченные вещные права; вотчинное право.*

Свое начало залоговое право берет в Римском частном праве. В развивающемся торговом обороте большое значение стали получать кредитные отношения. Римлянам были известны две формы кредита: личный и реальный.

Личный кредит не всегда мог в нужной степени гарантировать действительное получение кредитором денежных средств, личной ответственности должника было недостаточно, данная проблема решалась участием поручителя.

Реальный кредит состоял в том, что из всего имущества должника выделяется определенный объект и именно из стоимости этого объекта кредитор, в случае неоплаты, гарантированно получает необходимые средства для погашения задолженности должника.

Исторически первой формой обеспечения обязательств стала *fiducia*, при которой вещь передавалась кредитору в собственность, а должнику оставалась только возможность предъявления к кредитору личного иска после

уплаты долга, однако в указанном случае кредитор получал прав значительно больше, чем было необходимо.

Непосредственно же залоговое право «как особый вид абсолютных прав» сформировалось при аренде земельных участков. Заключенный договор аренды снабжался залогом на все имущество арендатора, завезенное им на этот участок [1, с. 107].

Развитому римскому праву было известны две формы залога: *pignus* и *hypotheca*. Пигнус предполагал передачу кредитору владения вещью, а ипотека такого права кредитору не предоставляла.

Таким образом, залог изначально нес функцию обеспечения обязательства и отдельно от него существовать не мог, поэтому он имеет акцессорный характер, то есть следует за судьбой личного обязательства.

Отечественному дореволюционному праву тоже был известен залог. Свод Законов Российской Империи детально регулирует его в четвертой книге X тома, именуемой «Об обязательствах по договорам», таким образом, закон считал залог средством обеспечения исполнения обязательств.

Статья 432 X т. Свода Законов РИ, описывающая право неполной собственности, прямо не упоминает институт залога, однако говорит о случаях отделения от права собственности права распоряжения, что имеет место при установлении данного права.

В разъяснении Правительствующего Сената от 1895 г. № 8 указывается, что «собственник закладываемого имущества передает залогодержателю вещное право на это имущество как источник уплаты долга и создает, таким образом, такое обеспечение долга, которое по распоряжению должника ни умалено, ни отнято быть не может», из чего следует, что практика признавала залог вещным правом [2].

В научной юридической литературе того времени большинство цивилистов также считало залог именно вещным правом.

Так, К. П. Победоносцев писал, что «право залога стоит как бы на границе между вотчинных и личных прав, примыкая к первым преимущественно по вотчинному характеру обеспечения, которое составляет его содержание» [3, с. 192].

И. А. Покровский относил залоговое право к одной из групп ограниченных вещных прав, которую он называл правами на получение известной ценности из вещи, указывая, что «здесь имеет значение ценность меновая» [4, с. 206–207]. Л. А. Кассо считал, что залог принадлежит к вещным правам, но с оговоркой, что «среди них он занимает обособленное место» [5, с. 6].

Среди сторонников обязательственной природы залогового права можно назвать В. М. Хвостова, считавшего должником в залоге всякого держателя вещи, так как она «является тем медиумом, через посредство которого обязательство связывается со своим должником» [6, с. 102].

Проект Гражданского Уложения рассматривал залог как самостоятельную группу вотчинных прав, не относя их при этом к вотчинным правам в чужом имуществе.

Нужно отметить, что разногласия относительно правовой природы залога характерны не только для отечественного права.

Сторонники обязательственного подхода пытаются объяснить конструкцию залога через постоянное присутствие в ней должника и кредитора как сторон обязательства.

Так, попытка объяснить тесную связь, возникающую между кредитором и заложенной вещью, была предпринята Бринцем, объяснявшим это правовое явление через ответственность, возникающую у самой заложенной вещи. Соответственно, то лицо, которое обладает вещью, и является должником, что выводилось из аналогии с первоначальным видом ответственности должника в римском праве, когда кредитор захватывал само лицо должника [6, с. 102–103].

На наш взгляд, при смене собственника вещи, обремененной залогом, сама вещь выходит за границы изначально установленного между кредитором и должником обязательственного отношения, так как обязательство дает право требовать от лица совершения определенных действий, но никак не от вещи. Однако в этом случае кредитор не мог бы получить стоимость вещи, ибо она уже не принадлежит должнику, а он сам не имеет на нее прав, тогда как при ограниченном вещном праве связь между кредитором и вещью сохраняется даже после смены ее собственника.

В советское время право залога существовало, однако залог земельных участков был невозможен по причине того, что собственность на земельные участки принадлежала государству.

ГК РСФСР 1922 г. относил залог к вещным правам, однако в ГК РСФСР 1964 г. категории вещных прав уже не было, поэтому залог вновь стал рассматриваться как способ обеспечения исполнения обязательств.

После перехода страны к рыночным отношениям, было признано право частной собственности на земельные участки, а в новом ГК РФ закреплено право залога недвижимости, именуемое ипотекой, куда входит и залог земельного участка.

В ГК РФ нормы об ипотеке располагаются в разделе третьем общей части обязательственного права, в гл. 23 «Обеспечение исполнения обязательств», из этого следует, что действующий закон снова смотрит на залог как на способ обеспечения обязательств, хотя в ГК РСФСР 1922 г. оставшийся залог движимых вещей и прав был вещным правом и перестал быть им только при исчезновении самой подотрасли в ГК РСФСР 1964 г.

Абзац 2 п. 4 ст. 334 ГК РФ в редакции от 21 декабря 2013 г. № 367 ФЗ указывает, что к ипотеке должны применяться правила о вещных правах, что

еще раз подчеркивает вещно-правовую природу залога земельных участков, при этом в перечень ограниченных вещных прав, установленный ст. 216 ГК РФ, залог пока не включен. К залогам движимых вещей и прав это указание не относится.

Так, Е. А. Суханов считает, что залоговое право было и остается ограниченным вещным правом, а законодательное решение о его искусственном разделении представляется малоудачным [7, с. 227].

Таким образом, в условиях системного подхода к модернизации подотрасли вещного права в современном законодательстве России, учитывая отсутствие полноценной регламентации вещного права в ГК РФ и назревшую необходимость в ее создании, вызванную развивающимся экономическим оборотом, можно говорить о потребности принятия предложенных ранее изменений. В данном случае речь идет о введении полноценного раздела «вещное право» с детальной его регламентацией в соответствии с классическими пандектными представлениями, в котором залог недвижимости будет включен в перечень ограниченных вещных прав.

Список литературы

1. Хвостов В. М. Система римского права. М.: Юрайт, 2022. 540 с.
2. Тютрюмов И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books> (дата обращения: 18.05.2022).
3. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права / под. ред. К. П. Победоносцева. М.: Статут, 2002. 800 с.
4. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2016. 352 с.
5. Кассо Л. А. Понятие о залоге в современном праве. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1898. 324 с.
6. Хвостов В. М. Система римского права: конспект лекций. Ч. II: Вещное право. М.: Тип. Вильде, 1908. 132 с.
7. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

L. N. Yurlov¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. A. Korotkikh¹, Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

ON THE LEGAL NATURE OF THE COLLATERAL IN PROPERTY LAW

In this article, the author has attempted to study the legal status of the pledge in the system of domestic civil law and determine the direction of development of this institution.

Keywords: *pledge; mortgage; real right; limited real rights; patrimonial right.*

УДК 347.233.5

Л. Н. Юрлов¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. А. Коротких¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

ПРАВО ЗАСТРОЙКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В данной статье автор исследует происхождение права застройки, его содержание, применение данного института в отечественном праве в исторической перспективе, рассматривает вопрос о дальнейшей судьбе данного института в современном праве России.

Ключевые слова: *суперфиций; римское частное право; право застройки; ограниченные вещные права; вещное право.*

Право застройки известно со времен римского частного права, в котором оно возникло из наследственной аренды участков из состава государственных земель, передаваемых частным лицам за определенную плату для постройки зданий и сооружений.

Со временем из области публичных отношений такая аренда перешла в область отношений частных, в которых также стала активно применяться, получив наименование суперфиций (superficies).

Преторы стали предоставлять субъекту данного права – суперфициарию – защиту, аналогичную во многом защите собственника, то есть против всех третьих лиц. Однако в римском праве существовал принцип *superficies solo cedit*, в соответствии с которым строение, возведенное на участке собственника, рассматривалось как приращение к вещи, а соответственно право собственности на это приращение обретал собственник. Поэтому суперфициарий получал на возведенное строение ограниченное вещное право, обеспечивающее ему прочную юридическую связь с вещью, тогда как аренда в чистом своем виде такой связи не давала.

Римское право характеризовало суперфиций как наследственное, отчуждаемое и возмездное право, имеющее более широкое содержание в сравнении с сервитутом, вследствие чего право собственности, обремененное суперфицием, получало вторичное значение. Устанавливалось данное право по договору, по завещанию либо по давности [1, с. 337].

Суперфиций был известен гражданскому праву Российской империи и был введен законом от 23 июня 1912 г. «О праве застройки».

В этом законе данное право характеризовалось как вещное, срочное, возмездное, отчуждаемое и наследуемое, а его предметом являлся земельный участок, который можно было использовать только для цели застройки.

В. И. Синайский видел смысл введения права застройки в облегчении жилищной нужды, так как малообеспеченные люди смогут воздвигнуть постройки на чужой земле на продолжительный срок на праве вещном, обеспечивающем прочность их владения. При этом он подчеркивал «громадную» социальную цель этого закона, заключенную в облегчении экономического положения малоимущих классов [2, с. 205–206].

Право застройки могло быть установлено только путем заключения договора и на срок от 36 до 99 лет. При этом соблюдался принцип *superficies solo cedit*, так как застройщик получал ограниченное вещное право, а по истечении срока договора постройка подлежала либо сносу, либо передавалась собственнику участка за вознаграждение, а право собственности последнего восстанавливалось в силу «упругости».

Из дореволюционного гражданского права институт застройки перешел в гражданское право РСФСР.

В соответствии со ст. 71 ГК РСФСР 1922 г. договоры о предоставлении городских участков под застройку заключались коммунальными отделами с кооперативными объединениями или иными юридическими лицами, а равно с отдельными гражданами на срок до 49 лет для каменных и до 20 лет для прочих строений.

После истечения срока договора постройка оставалась в собственности государства, а застройщику выплачивалась компенсация.

Право застройки являлось отчуждаемым и могло быть обременено залогом.

Просуществовал институт застройки до 1949 г., после чего был заменен бессрочным пользованием, устанавливаемым в административно-правовом порядке при покупке или постройке домов.

При возвращении нашей страны к рыночным отношениям институт застройки не был восстановлен. Вместо него строения на чужой земле регулируются нормой о самовольной постройке и положениями об аренде земельных участков.

В соответствии с п. 3 ст. 222 ГК РФ суд может признать право собственности на самовольную постройку (при соблюдении ряда условий) только за собственником земельного участка, на котором возведена постройка, либо за лицом, которому этот участок принадлежит на праве пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования.

Если речь идет об аренде участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, то п. 8 ст. 39.8 ЗК РФ предусматривает возможность заключения договора аренды с целью застройки участка. Однако в данном случае существенное значение имеет: кто будет осуществлять эту застройку и с какой целью.

Земельный участок может быть предоставлен гражданину для ИЖС сроком на 20 лет. Если участок предоставляется для строительства (кроме ИЖС и размещения линейных объектов), срок устанавливается от 3 до 10 лет, исключение составляет предоставление участка в аренду, если на нем уже находятся строения, в таком случае срок аренды составит до 49 лет.

Такое урегулирование данных отношений, как отмечает Р. С. Ииев, можно назвать «обязательно-правовым суррогатом права застройки» [3, с. 452].

Изменения сложившегося положения были предложены в Концепции развития вещного права, в Концепции развития гражданского законодательства и, наконец, сформулированы в соответствующем законопроекте.

В указанных актах содержится предложение о введении ограниченного вещного права застройки.

Оно имеет следующие черты:

- 1) Распространяется на всех субъектов.
- 2) Распространяется на все земельные участки, как принадлежащие государству и муниципалитету, так и принадлежащие частным лицам.
- 3) Концепции предусматривают срок действия договора от 50 до 199 лет, в законопроекте же было предложено установить либо бессрочный характер, либо на срок от 30 до 100 лет.
- 4) Является отчуждаемым.

5) Право застройки не может быть разделено на право на землю и право на строение.

6) Платность.

7) Устанавливается договором, после чего обязательна государственная регистрация права.

Соответственно, право застройки представляет собой ограниченное вещное право владения и пользования чужим земельным участком с целью строительства на нем здания (сооружения) и его последующей эксплуатации [4, с. 248].

Некоторые исследователи считают, что данное право имеет более тесную связь со зданием, нежели с земельным участком, но, на наш взгляд, стоит учитывать, что право застройки сохраняется у застройщика даже в случае разрушения постройки [5, с. 278].

Таким образом, право застройки, являясь ограниченным вещным правом, имеет преимущества перед используемой сегодня арендой, так как предоставляет лицу более прочную юридическую связь с земельным участком и постройкой, не зависящую от личности собственника земельного участка.

Застройка получит большее распространение по кругу субъектов, кроме того, распространится и на участки, находящиеся в частной собственности.

Право застройки может быть обременено залогом, что позволит получать банковские кредиты для финансирования строительства.

Так же будут застраиваться земельные участки, принадлежащие государству, что послужит большему использованию земельных ресурсов, так как в данный момент сохраняется господство государственной и муниципальной собственности на землю (свыше 90%) [4, с. 246].

При этом исторический опыт применения данного института в отечественном законодательстве не находит в себе каких-либо оснований, могущих воспрепятствовать возрождению права застройки в современной России.

Список литературы

1. Хвостов В. М. Система римского права. М.: Юрайт, 2022. 540 с.
2. Русское гражданское право / под. ред. В. И. Синайского. Киев: Типо-литография «Прогресс», 1917. Вып. 1. 263 с.
3. Ииев Р. С. Право застройки в современном гражданском праве России // Научные труды РАЮН. 2019. С. 451–454.
4. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

5. Яблочкина Е. А. О месте права застройки в системе прав на земельные участки // *Современные проблемы социально-гуманитарных наук*. 2016. С. 274–280.

L. N. Yurlov¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. A. Korotkikh¹, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

THE RIGHT OF DEVELOPMENT IN DOMESTIC CIVIL LAW

In this article, the author explores the origin of the right of development, its content, the application of this institution in domestic law in a historical perspective, considers the question of the future fate of this institution in modern Russian law.

Keywords: *superficius; Roman private law; building law; limited property rights; property law.*

СЕКЦИЯ 6. НОВЕЛЛЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

УДК 347. 65/. 68

В. Р. Бабенкова¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. А. Коротких¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Данная статья посвящена рассмотрению проблем правового регулирования нового для российского права института наследственного договора. Проводится анализ российского и зарубежного законодательства. Предприняты попытки найти возможные пути решения выявленных проблем с целью обеспечения баланса между правами и законными интересами потенциального наследодателя и наследников в рамках данного договора.

Ключевые слова: наследственный договор; наследство; наследодатель; наследник; правовое регулирование.

Наследственный договор как основание наследования не является новшеством для большинства современных стран мира, так как применяется повсеместно уже более ста лет. Однако история его возникновения и развития демонстрирует, что учение о договорах наследования зародилось в Германии, и только в конце XIX века наследственный договор был признан германским законодательством. Благодаря рецепции германского права наследственный договор впоследствии стал основой для правопреемства других наций. В отечественном праве зарубежный опыт также играет немаловажную роль, хотя и применяется с учетом исторически сложившихся особенностей [1]. В России данное основание наследования появилось сравнительно недавно – в 2019 году, несмотря на неоднократные попытки его внедрения ранее.

Хоть и отсутствует обширная судебная практика по проблемным вопросам применения положений ст. 1140.1 ГК РФ, уже на данный момент можно выделить ряд несовершенств и возможных пробелов, с которыми могут столкнуться правоприменители.

Так, одной из проблем применения наследственного договора в Российской Федерации является множественность наследственных договоров.

Прежде всего п. 8 ст. 1140.1 Гражданского кодекса указывает и устанавливает право наследодателя заключить наследственный договор не только с одним, но и несколькими потенциальными наследниками, в соответствии с буквой закона. Исходя из данного положения, наследодатель правомочен заключить договор сразу с несколькими контрагентами относительно одного и того же имущества.

Поскольку все наследственные договоры могут подразумевать выполнение определенных обязанностей потенциальными наследниками по отношению к наследодателю, то возникает сомнение по поводу добросовестности наследодателя и его возможности злоупотребления своим правом, появлением мошеннических схем [2, с. 127].

Только лишь второй абзац вышеуказанного пункта регулирует вопрос, который содержит правило, что в случае заключения нескольких наследственных договоров с разными наследниками в отношении одного и того же имущества, в случае принятия наследства применяется более ранний наследственный договор. Следовательно, может возникнуть ситуация, при которой наследодатель заключает несколько возмездных наследственных договоров, предусматривающих его пожизненное содержание, в отношении, к примеру, квартиры. После смерти наследодателя квартира перейдет по наследству только лицу, содержавшему наследодателя по первому, ранее других заключенному договору.

Е.Ю. Петров предлагает рассмотреть возможность заключения нового наследственного договора с тем же имуществом в качестве права наследодателя в любое время в одностороннем порядке отказаться от наследственного договора.

Можно было бы поставить вопрос о возможности применения к данным отношениям п. 4 ст. 10 ГК РФ о праве лица, чьи права были нарушены недобросовестным поведением другого лица, требовать возмещения причиненных убытков. Однако наследник может узнать о своем нарушенном праве только после смерти наследодателя, когда выяснится, что имущество являлось предметом ранее заключенного наследственного договора и перешло к другому наследнику.

По мнению Е. Ю. Петрова, заключение двух наследственных договоров по поводу одного и того же имущества с разными наследниками «маловероятно по техническим причинам», благодаря возможности нотариуса проверить наличие прежде заключенного наследственного договора в единой информационной системе [3, с. 602]. Но, к сожалению, полномочия нотариуса в данной сфере до сих пор окончательно не урегулированы. Однако здесь регистрация наследственного договора все же дает хоть и «техническую» уве-

ренность, на практике не редки мошеннические схемы, где заключаются несколько договоров по распоряжению имуществом без таковой регистрации – предварительный договор [4; 5; 6].

Поэтому, принимая во внимание двусторонний характер наследственного договора, необходимо учитывать не только интересы наследодателя как распорядителя своей последней воли, но и интересы наследников. Целесообразно было бы ограничить право наследодателя заключать наследственный договор в отношении одного и того же имущества с разными лицами.

Еще один аспект касается прав наследодателя распоряжаться своим имуществом, и возникающая в связи с этим проблема защиты наследника при возмездном наследственном договоре.

Важно отметить, что согласно п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ наследодатель имеет право распоряжаться своим имуществом любым способом, который он выберет, даже если его действия лишают наследника прав наследования в связи с потерей имущества по договору. Этот пункт существенно отличает наследственный договор от тех договоров наследования, которые предусмотрены иностранным законодательством. Данную норму законодатель определил императивной, поскольку соглашение об ином будет считаться ничтожным.

С одной стороны, данная норма защищает абсолютное право собственности наследодателя, соответствует конституционному праву на неприкосновенность собственности и свободу осуществления правомочий собственника, гарантированных ст. 35 Конституции РФ, и не ограничивает права наследодателя.

С другой стороны, данное положение ставит будущего наследника в неблагоприятное положение, его интересы не защищаются. Например, наследник в соответствии с возмездным наследственным договором добросовестно исполняет распоряжения наследодателя, осуществляет уход и содержит наследодателя, рассчитывая в перспективе получить наследство от последнего, но в итоге его не получает. Как же в данной ситуации защитить интересы наследника? Решением может стать внедрение нормы, предусматривающей обязанность наследодателя, в случае отчуждения им наследственного имущества, включенного в наследственный договор, компенсировать реальные расходы наследника, связанные с добросовестным исполнением им своих обязанностей, до дня отчуждения указанного имущества.

Законодательство зарубежных стран, в которых институт наследственного договора прошел множество этапов «адаптации» и эволюции, гарантирует интересы обеих сторон договора, что показывает положительный результат на практике.

Так, можно учесть положительный опыт Германского гражданского уложения, которое в § 2286 закрепляет «механизм ответственности за непра-

вомерные действия наследодателя», тем самым воспользоваться немецкой моделью [7, с. 139]. А именно в случае, если будет доказано, что наследодатель совершил дарение с умыслом причинить вред наследнику по договору, наследник по договору после перехода наследства может потребовать от одаряемого вернуть дар на основании правил о возврате неосновательно полученного.

По мнению Е. М. Тужиловой-Орданской и Ю. В. Атнабаевой, наследственный договор стоит относить к категории рисковых, хоть и изначально риск отсутствует. Однако, исходя из вышеизложенного, риск существует как в безвозмездном, так и возмездном наследственном договоре, поскольку во втором случае существует возможность понести убытки, а компенсация может быть получена только в случае отказа наследодателя от договора в одностороннем порядке [8, с. 38].

Кроме того, если условиями наследственного договора в отношении наследника предусмотрено исполнение каких-либо обязанностей после смерти наследодателя, то п. 2 ст. 1140.1 ГК РФ устанавливает круг лиц, имеющих право требовать исполнения таких обязанностей по договору [9, с. 87]. В данной связи непонятно, каким образом будет осуществляться отслеживание надлежащего исполнения обязанностей наследником по наследственному договору после получения им свидетельства о праве на наследственное имущество, которое являлось предметом наследственного договора. Соответственно, стороны договора могут рассчитывать только на добросовестность друг друга.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент нормы ст. 1140.1 ГК РФ детально разъясняющие вопросы, касающиеся наследственного договора, не являются безупречными. Поэтому обобщение судебной практики, внесение указанных законодательных поправок помогут искоренить проблемы заключения и исполнения наследственного договора, последующих споров и судебных разбирательств.

Список литературы

1. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // Провинциальные научные записки. 2017. № 1 (5). С. 104–106.
2. Белоотченко Е. А. Наследственный договор в рамках реформирования российского наследственного права // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledstvennyy-dogovor-v-ramkah-reformirovani-ya-rossiyskogo-nasledstvennogo-prava> (дата обращения: 10.05.2022).
3. Петров Е. Ю. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. 656 с.

4. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.

5. Чумакова О. Н. Преддоговорные правоотношения: на основе сравнительно-правового анализа соглашения о намерениях и предварительного договора // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы Шестого международного круглого стола, Шахты, 29 сентября 2018 г. Шахты: КОНВЕРТ, 2018. С. 78–80.

6. Чумакова О. Н. Предварительный договор: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 4(21). С. 50–55.

7. Гребенкина И. А. Совершенствование наследственного права: все ли предлагаемые изменения обоснованны? // Lexrussia. 2016. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-nasledstvennogo-prava-vse-li-predlagaemye-izmeneniya-obosnovanny> (дата обращения: 10.05.2022).

8. Тужилова-Орданская Е. М., Атнабаева Ю. В. Наследственный договор и договор пожизненного содержания с иждивением: соотношение понятий // Наследственное право. 2018. № 4. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/94207-nasledstvennyj-dogovor-dogovor-pozhiznennogo-soderzhaniya-izhdiveniem-sootnoshenie> (дата обращения: 10.05.2022).

9. Данилов Е. П. Наследственные споры. Комментарии. Судебная и адвокатская практика. Образцы документов: справ. издание / Международный Союз (Содружество) адвокатов. Изд. 7-е, перераб. и доп М.: Зебра Е, 2007. 469 с.

V. R. Babenkova¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. A. Korotkikh¹, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INHERITANCE CONTRACT

This article is devoted to the consideration of the problems of legal regulation of the institution of the inheritance contract, which is new for Russian law. The analysis of Russian and foreign legislation is carried out. Attempts have been made to find possible solutions to the identified problems in order to ensure a balance between the rights and legitimate interests of the potential testator and heirs under this agreement.

Keywords: *inheritance contract; inheritance; testator; heir; legal regulation.*

УДК 347.672.5

М. И. Крюкова¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. А. Коротких¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СУПРУГОВ: НЕОБХОДИМОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В данной статье рассматривается вопрос о причинах и последствиях внедрения совместного завещания супругов в законодательство РФ и особенности его применения на территории РФ. Анализируется разница между завещанием, составленным единолично, и завещанием супругов. Исследуются особенности отмены или изменения совместного завещания супругов.

Ключевые слова: наследование; завещание; супруги; совместное завещание супругов; законодательство.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что вопросы в области наследственного права сегодня приобретают все большую популярность и важность, поэтому требуют для их решения грамотного юридического подхода. Понятие наследования было известно праву ещё несколько тысячелетий назад. Это положение аргументировано тем, что независимо от эволюционного развития общества, экономической или политической ситуации наследственные и имущественные отношения будут существовать абсолютно в любом государстве и в любой исторический период. А вместе с социализацией общества, усложнением его структуры в принципе расширяется и круг вопросов гражданско-правового регулирования, в частности наследственных отношений. Это является причиной вечной актуальности наследственного права [1].

Сегодня законодательство предусматривает право наследования по закону и по завещанию. Наследование по завещанию юридически представляет собой одностороннюю сделку. Она основана на самостоятельном распоряжении гражданина, обладающего дееспособностью в полном объеме, на случай смерти в отношении его имущественных прав и обязанностей. Завещание вправе составить как один гражданин, так и граждане, состоящие в браке в момент его заключения. Сама процедура составления завещания должна соответствовать установленным в законе требованиям, в частности положени-

ям, указанным в гл. 62 ГК РФ и гл. XI Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

Регулирование имущественных отношений между супругами реализует институт совместного завещания супругов, который был введен на территории РФ не так давно. Данные изменения существенно расширяют свободу усмотрения наследодателей по распоряжению имуществом после своей смерти и позволяют им предпринять меры, направленные, в частности, на защиту принадлежащего им имущества от «неясностей». Но это мнение неоднозначно.

Институт совместного завещания супругов начал действовать с 1 июня 2019 года и получил юридическое закрепление в ст. 1118 ГК РФ. Он подлежит нотариальному удостоверению. Данный институт наследственного права предоставляет возможность лицам, состоящим в законном браке, составлять совместное завещание. Так, согласно законодательству, они могут:

1. Завещать общее имущество и имущество каждого из них любому лицу.
2. Самостоятельно определять доли наследников в наследственной массе и имущество, входящее в наследственную массу.
3. Лишить наследства одного, нескольких или всех наследников без объяснения причин.
4. Добавить иные завещательные распоряжения, предусмотренные ГК РФ, в частности, завещательный отказ и завещательное вложение [2].

Совместное завещание предполагает взаимное согласие супругов касательно дальнейшей судьбы их имущества, а также взаимообусловленность воли сторон. Согласованность означает юридическое заключение единого акта, в котором отражается воля в отношении наследства каждого из супругов в отдельности. Взаимообусловленность предполагает реализацию конкретных распоряжений одного супруга лишь в результате выполнения распоряжения вторым, то есть они взаимны.

Но при этом существует проблема в правовом регулировании совместного завещания супругов, что связано с особенностями в его отмене или изменении. Так, один из супругов в любое момент, в том числе после смерти второго, вправе составить другое завещание. Важно то, что оно будет отменять условия ранее составленного совместного завещания. Получается, законодательство не даёт никаких гарантий для супругов, что завещание останется неизменным и будет полностью исполнено. И только уже на практике прояснится, будут ли супруги реализовывать его в полной мере. Исходя из этого, всегда есть такая вероятность, что один из супругов не сочтёт нужным исполнить волю второго и в итоге вовсе отменит совместное завещание после его смерти.

Если нотариус удостоверяет последующее завещание одного из супругов или удостоверяет распоряжение одного из супругов об отмене их совместного завещания при жизни обоих супругов, то он, в свою очередь, обязан уведомить другого супруга о факте совершения данных действий. Данные обстоятельства являются исключаяющими. Они ставят под сомнение желание составления совместного завещания.

Весьма новым в гражданском законодательстве является и то, что совместное завещание утрачивает силу в случаях расторжения брака и признания его недействительным до или после смерти одного из супругов. В законе указана возможность признания совместного завещания недействительным в соответствии с основаниями, закрепленными в ГК РФ.

При жизни супругов совместное завещание может быть оспорено одним из них путем обращения в суд. После смерти супругов или одного из них его могут оспорить лица, чьи права и законные интересы были нарушены этим завещанием. Поэтому завещание супругов следует рассматривать как два отдельных завещания, составленных в форме одного документа, которые не являются безотзывными [3, с. 3–7].

Рассматривая отличительные черты данного института, можно отметить, что согласно классическому завещанию, после смерти одного из супругов первоначальному разделу подлежит совместная собственность, а лишь после принимается решение о наследстве и наследниках. Совместное же завещание представляет собой общую волю супругов. Оно не предусматривает необходимости в разделе, ведь заранее определяется, в каком порядке, кому и какое имущество переходит в зависимости от ситуации. Так, совместное завещание позволяет оказать некую защиту второму супругу, на чью долю выпадает вдовство, от «юридических боёв» наследников за квадратные метры. Ведь в данном завещании предусмотрено, что любой раздел имущества возможен, когда из жизни уйдут оба человека. И именно из-за того, что в равной мере учитываются интересы обоих супругов, в России наблюдается, как граждане, состоящие в браке, активно составляют совместные завещания, несмотря на все нюансы.

Однако вопрос об актуальности внедрения института совместного завещания супругов в наследственном праве РФ остаётся дискуссионным. Открытым остаётся вопрос касательно необходимости внедрения данного института и его преимущества перед классическим завещанием. Это явление не может быть объяснено ни с точки зрения экономической ситуации в стране (так как в РФ не имеется налога на наследство), ни социальными причинами (так как в РФ супруги могут составить классическое завещание). В связи с этим одной из основополагающих причин включения в Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217 такого института, как совместное завещание супру-

гов, является желание усовершенствовать устройство наследственных правоотношений на примере западной правовой системы.

Действительно, институт совместного завещания предусмотрен законодательством Германии. Также он существует в законодательстве отдельных штатов США, в Англии, Азербайджане, Грузии, Туркменистане, в странах Балтики, а с 2004 года появился в законодательстве Украины. Установлено, что при принятии Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217 была взята рецепция рассматриваемого института из указанных источников. В то время как в России подобные завещания не предусматривались [4, с. 271].

В качестве ещё одной предпосылки возникновения совместного завещания супругов стоит выделить присоединение Республики Крым, а именно возникшая в связи с этим необходимость решения судьбы совместных завещаний, составленных на его территории, которые признавались и разрешались украинским законодательством, однако на тот момент запрещались российским. Это обосновано тем, что регулирование всех отношений, в том числе и наследственных, на данной территории осуществлялось по украинскому законодательству до заключения «Договора между РФ и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов». Договор был подписан в Москве 18 марта 2014 года. Данное положение также регулировалось и Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. N 6-ФКЗ «О принятии в РФ Республику Крым и образовании в составе РФ новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Вышеперечисленные факторы вызвали необходимость интегрирования в российскую правовую систему этих субъектов РФ [5].

Основополагающим было принятие 26 июля 2017 года Федерального закона №201-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введение в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». В данной ситуации Российское законодательство даёт возможность в виде исключения применение украинского законодательства к наследственным отношениям «новых» российских граждан, это допускалось только в переходный период, в дальнейшем территории Крыма и Севастополя полностью подчиняется российской юрисдикции.

Так, институт совместного завещания супругов является своего рода «новизной» в наследственном праве современной России. Имея разного рода предпосылки своего зарождения в российской правовой системе, он тем не менее законодательно расширяет возможности супругов касательно распоряжения и распределения их имущества. Во многом это продиктовано множественностью потенциальных наследников супругов, а также многодетностью супругов [6]. При этом в совместном завещании супруг вправе распоряжаться не только имуществом, которое принадлежит ему, но и своей долей

в общем имуществе супругов. Отношение к совместному завещанию супругов неоднозначно, что объясняется определёнными проблемами в правовом регулировании и неоднозначностью в его отмене и изменении. Стоит отметить организационно-имущественный характер данного договора как основной сделки по распоряжению имуществом [7; 8].

В целом сложно отметить острую необходимость во внедрении совместного завещания супругов в законодательство РФ. Как показывает историческая справка, это обусловлено в большей степени политической ситуацией, нежели чем какими-либо реальными проблемами в регулировании вопроса о наследовании. Тем не менее практика показывает, что сегодня это новшество пользуется спросом, и многие граждане, состоящие в браке, активно его реализуют, несмотря на все «подводные камни» в его правовом регулировании. Это обусловлено тем, что супруги совместно распоряжаются дальнейшей судьбой имущества в целях избежания споров и ссор между наследниками. Также за пережившим супругом сохраняется всё имущество после смерти другого супруга, что облегчает его положение. Все эти факторы говорят об актуальности данного института в современных реалиях.

Список литературы

1. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // *Провинциальные научные записки*, 2017. № 1 (5). С. 104–106.
2. Зимина И. Р. Сетевое издание «Совместное завещание супругов или наследственный договор – что предпочесть?» // *Адвокатская газета*. 2019. № 12 (293). URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/sovместное-zaveshchanie-suprugov-ili-nasledstvennyy-dogovor-chto-predpochest/> (дата обращения: 10.05.2022).
3. Блинков О. Е. О совместном завещании супругов: быть или не быть? // *Наследственное право*. 2015. № 3. С. 3–7.
4. Гонгало Ю. Б. Основы наследственного права России, Германии, Франции. М.: Статут, 2015. 271 с.
5. Решение Армянского городского суда Республики Крым от 19 октября 2015 года по делу № 2-576/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/p37j2gLN1tVP/> (дата обращения: 10.05.2022).
6. Коростелева Т. А., Чумакова О. Н. Проблемы социального обеспечения малоимущих семей // *Модернизация в России: история, перспективы, проблемы: сборник статей круглого стола, посвященного 20-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 21 октября 2011 г.* / отв. ред.: В. П. Пашин. Курск: ГИРОМ, 2012. С. 151–153.
7. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота в сфере заключения сделок с недвижимо-

мостью // Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы 1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Бриг, 2016. С. 63–65.

8. Чумакова О. Н. Способы закрепления гарантий при заключении сделок с использованием конструкции предварительного договора // Научные труды / Российская академия юридических наук. М.: Изд-во «Юрист», 2016. С. 165–167.

M. I. Kryukova¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. A. Korotkov¹, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

JOINT WILL OF THE SPOUSES: THE NEED FOR IMPLEMENTATION AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

This article discusses the causes and consequences of the introduction of a joint will of spouses into the legislation of the Russian Federation and the specifics of its application in the territory of the Russian Federation. The difference between a will drawn up alone and a spouse's will is analyzed. The features of the cancellation or modification of the joint will of the spouses are investigated.

Keywords: *inheritance; will; spouses; joint will of spouses; legislation.*

УДК 347.6

К. А. Лубенцева¹, **У. Ю. Пикула**¹, студенты 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Н. В. Кравченко¹, преподаватель кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ

В статье проанализированы актуальные проблемы правового регулирования наследования по завещанию и предложены возможные варианты их решения. В частности, рассмотрен вопрос взаимодействия

нотариусов и Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, благодаря которому нотариус может получать информацию о дееспособности наследодателя. Освещены условия и проблемы совместного завещания супругов и пути их решения.

Ключевые слова: завещание; наследование; дееспособность; имущества; совместное завещание; обязательная доля.

Завещание в российском гражданском праве представляет собой одностороннюю сделку, которая в случае смерти завещателя определяет дальнейшее формирование правовых отношений по распоряжению его имуществом и, как свидетельствуют статистические данные, является распространенной формой вступления в наследство. По всей России за первую половину 2021 года нотариусами было зарегистрировано 263 тысячи завещаний. Данные цифры практически на четверть больше, чем за тот же период прошлого года [1].

Однако, несмотря на это, данный гражданско-правовой институт сопровождается рядом проблем. Рассмотрим некоторые из них.

Завещание оформляется на основании требований гражданского законодательства в установленном порядке и форме, вступает в силу с момента открытия наследства. В силу ст. 1118 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) завещание совершается:

1. Полностью дееспособным гражданином.
2. Лично наследодателем.
3. Как одним гражданином, так и состоящими в браке (совместное завещание супругов).

Одной из наиболее актуальных проблем правового регулирования наследования по завещанию остается определение дееспособности завещателя. В соответствии со ст. 22 ГК РФ гражданская дееспособность является неотчуждаемой и не подлежит ограничению на основании воли субъекта гражданско-правовых отношений, за исключением случаев, предусмотренных законодательством [2, с. 566].

Следует отметить, что определение дееспособности производится нотариусом как визуально, то есть через беседу с завещателем для оценки адекватности его поведения и так далее, так и через проверку документов, удостоверяющих личность, где указан возраст.

Вопрос заключается в том, что Основы законодательства Российской Федерации о нотариате должным образом этот процесс не регулируют. Цивилисты предполагают, что решить данную проблему можно посредством обращения в медицинские учреждения для получения информации о дееспособности гражданина. Однако возникает другая проблема, связанная с тем,

что процедура составления завещания усложнится и потеряет свою актуальность. Данное обстоятельство является негативным для гражданского права.

Попытки решения проблемы определения дееспособности завещателя были предприняты в 2018 году, когда началось сотрудничество нотариата и Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). К полномочиям Росреестра относится внесение сведений о признании граждан недееспособными или ограниченно дееспособными в Единый государственный реестр недвижимости. Здесь аспект цифровизации нотариальной деятельности во многом упрощает правоотношения сторон [3, с. 120]. Названные сведения направляются уполномоченным работником аппарата суда в орган регистрации прав в срок не более чем за три рабочих дня со дня вступления в силу судебного акта о признании гражданина ограниченным в дееспособности или признанным недееспособным. Нотариус же имеет право обратиться в Росреестр с запросом о предоставлении сведений о признании правообладателя недееспособным или ограниченно дееспособным [4, с. 120].

Рассмотренное выше нововведение имеет положительные черты, однако характеризуется незавершенностью. Если суд признаёт гражданина недееспособным или ограничивает в дееспособности, то Росреестр должен внести такие сведения, однако в законодательстве данное условие ничем не подкреплено. В результате чего возникает риск получения нотариусом недостоверных сведений из Росреестра о дееспособности гражданина, обратившегося за удостоверением завещания.

Другой проблемой наследования по завещанию является новелла гражданского права в виде совершения совместного завещания супругами. Данное нововведение породило много споров и разногласий.

Российское законодательство установило, что совместное завещание супругов осуществляется на основании определенных условий [5, с. 621].

Однако на практике возникает ряд проблем относительно совместного завещания супругов. Например, даже если супруги в завещании укажут, что все имущество наследует переживший супруг, дальнейший порядок наследования после смерти может измениться.

Неясность вызывает вопрос об обязательной доле (ст. 1149 ГК РФ). На сегодняшний день правовой нормы по ее расчёту в данной ситуации нет. Что делать обязательным наследникам в случае, когда они имеют право на свою долю, а наследственная масса будет образована только после смерти второго супруга? Решение данной проблемы предполагается в выделении обязательной доли заранее. Представляется логичным, что такие наследники должны получать право на нее, не дожидаясь смерти пережившего супруга [6, с. 342].

Помимо этого, совместное завещание предусматривает возможность отказа от завещания одним из переживших супругов. При этом супруг не

обязан сообщать причины, по которым он решил отказаться от совместного завещания. Гражданским законодательством правовые последствия такого отказа не предусмотрены, в связи с чем в данной ситуации возникает проблема относительно исполнения воли умершего завещателя, к примеру, в организационно-договорных отношениях, возникших еще до смерти наследодателя [7; 8].

На сегодняшний день институт совместного завещания является несовершенным и не урегулирован должным образом. На данный момент оно сопровождается рядом проблем и не используется в полном объеме гражданами. В то же время появление данного института в отечественном праве представляет безусловную ценность и направлено на его развитие и совершенствование [9]. Для того, чтобы устранить возникающие спорные вопросы, необходимо проводить изменения российского законодательства по совершенствованию института наследования.

Список литературы

1. В России за год на 22% выросло количество завещаний. URL: <https://newvz.ru/info/226772.html> (дата обращения: 02.05.2022).

2. Хамукова М. У. Проблема ограниченности способов проверки нотариусом дееспособности гражданина при удостоверении завещания // Аллея науки. 2018. № 3. С. 565–568.

3. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в сети Интернет в эпоху цифровых технологий // Объекты авторского права и смежных прав и их правовой режим по гражданскому законодательству РФ / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2021. С. 34–40.

4. Тришин Н. А. К вопросу о проблемах проверки дееспособности лица при удостоверении завещания нотариусом // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 12. С. 119–122.

5. Банникова И. В. Некоторые проблемы института совместного завещания супругов // Аллея науки. 2021. № 1. С. 620–623.

6. Цыбульская А. Д. Актуальные проблемы совместных завещаний супругов // Молодой ученый. 2020. № 18. С. 341–343.

7. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота в сфере заключения сделок с недвижимостью // Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы 1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 63–65.

8. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота в сфере заключения сделок с недвижимостью // Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы

1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 63–65.

9. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // Провинциальные научные записки. 2017. № 1 (5). С. 104–106.

К. А. Lubentseva¹, U. Yu. Pikula¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: N. V. Kravchenko¹, Lecturer of the Department of Civil law

¹Southwest State University, Kursk

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INHERITANCE BY WILL

The article analyzes the current problems of legal regulation of inheritance by will and suggests possible solutions to them. In particular, the issue of interaction between notaries and the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography, through which a notary can receive information about the testator's legal capacity, was considered. The conditions and problems of the joint will of the spouses and ways to solve them are highlighted.

Keywords: will; inheritance; legal capacity; property; joint will; mandatory share.

УДК 347.6

А. Ю. Мяснянкина¹, К. Д. Хрипунова¹, студенты 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Н. В. Кравченко¹, преподаватель кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКРЫТОГО ЗАВЕЩАНИЯ

В статье рассмотрены актуальные проблемы правового регулирования закрытого завещания и предложены возможные пути разрешения имеющихся практических и теоретических проблем.

Ключевые слова: закрытое завещание; наследование; нотариус; наследственное право; толкование завещания.

Отечественное право, отражая социальные, экономические, политические процессы современного общества, нуждается в постоянном совершенствовании и модернизации [1]. Несмотря на то что институт наследования действует с 1 марта 2002 года, до сих пор в гражданском законодательстве существуют определенные пробелы его урегулирования. Особые трудности вызывает институт закрытого завещания и практика его применения.

В соответствии со ст. 1126 ГК РФ закрытое завещание составляется исключительно завещателем и не подлежит предоставлению иным лицам, в том числе нотариусу. Завещатель составляет закрытое завещание собственноручно, подписывает его и в заклеенном конверте передает нотариусу в присутствии двух свидетелей, которые ставят на этом конверте свои подписи.

Казалось бы, процедура оформления закрытого завещания полностью определена. Вместе с тем одним из актуальных вопросов закрытого завещания является то, что впоследствии его могут признать недействительным. Данная проблема имеет место быть, когда закрытое завещание составляет гражданин без определенных навыков составления юридических документов и без соответствующего образования. Проблема грамотности текста закрытого завещания затрудняет его последующее толкование. Также завещатель может написать текст двусмысленно, а при толковании во внимание принимается буквальный смысл содержащихся слов и выражений.

Чтобы избежать правовых последствий в виде недействительности закрытого завещания, необходимо внести коррективы в процедуру по его составлению. Гражданин должен составлять закрытое завещание у нотариуса, в отдельно выделенной комнате. Перед оформлением волеизъявления в виде закрытого завещания нотариусу следует должным образом проконсультировать наследодателя по процедуре составления, разъяснить положения обо всех требованиях, предъявляемых ГК РФ. Полагаем, что если законодательно предусмотреть вышеуказанный порядок составления закрытого завещания, то количество признания их недействительными значительно снизится.

Иная проблема процедуры закрытого завещания видится в формулировке законодателя «собственноручно написано». Соответственно, произошло ограничение по использованию технических средств. Данное ограничение является не совсем обоснованным, поскольку возникает проблема своеобразия почерка завещателя. Нотариус при оглашении закрытого завещания может не разобрать почерк завещателя или прочитать иначе, чем в нем написано. Поэтому полагаем, что необходимо допустить написание закрытого завещания с помощью технических средств. Цифровизация нотариальной деятельности позволяет соблюсти конфиденциальность сторон и унифицировать документооборот [2].

В этом случае целесообразно предусмотреть, что завещатель должен ставить подпись на закрытом завещании в присутствии нотариуса и двух

свидетелей, однако без его прочтения. Можно также предусмотреть аудио- или видеозапись [3, с. 211].

Говоря о проблемах правового регулирования закрытого завещания, необходимо отметить, что в заклеенном конверте может находиться не завещание, а иные документы или информация, которые не имеют отношения к наследованию.

Из вышеназванной ситуации вытекает иная проблема, которая проявляется в оглашении завещания. К примеру, в заклеенном конверте содержалось не закрытое завещание, а документы, порочащие честь какого-либо гражданина. Тогда возникает вопрос – как в такой ситуации поступать нотариусу? Должен он зачитывать такую информацию или нет? На практике, такое завещание не зачитывается, о чем делается соответствующая отметка в протоколе и указываются причины его непрочтения [4, с. 213].

Актуальным остается вопрос написания закрытого завещания на иностранном языке. В связи с тем, что соблюдается принцип тайности закрытого завещания, нотариус не может проконтролировать язык его составления. Данное положение вызывает споры, поскольку при прочтении закрытого завещания, составленного на иностранном языке, нотариус может не обладать знаниями такого языка. Полагаем, что в такой ситуации следует прибегать к услугам переводчика.

Несмотря на имеющиеся проблемы правового регулирования закрытого завещания, оно имеет положительные стороны. К примеру, принцип тайности закрытого завещания негласно предоставляет завещателю безопасность от покушения на его жизнь и здоровье, поскольку наследополучатель неизвестен.

Необходимо отметить, что в настоящее время практика применения закрытого завещания является достаточно небольшой, что обусловлено рассмотренными выше проблемами и иными жизненными обстоятельствами. Во-первых, не все граждане осведомлены о существовании правового института. Во-вторых, завещатель, как правило, не желает самостоятельно составлять документы, указывать имущество и как он хочет им распорядиться. Многие граждане прибегают к использованию завещания в нотариальной форме или не составляют его вовсе. В-третьих, как правило, этим начинают заниматься люди преклонного возраста, которым в силу своего возраста уже затруднительно составлять его самостоятельно [5, с. 209].

Закрытое завещание действует в Российской Федерации с 2002 года, однако проблемные вопросы не разрешаются на протяжении всего периода его существования. Нотариусы отговаривают граждан от составления закрытого завещания, упоминая о его недостатках и рисках признания недействительным. Следует отметить, что этот риск гораздо выше, чем в отношении обычного завещания.

Законодатель отдает приоритет наследованию по завещанию и в случае его отсутствия наследование происходит по закону. Таким образом, недействительность закрытого завещания приводит к наследованию по закону и явно нарушает волю завещателя. Данный вопрос является достаточно серьезным для института наследования. Принцип свободы договорного регулирования и волеизъявления должен превалировать и в наследственных правоотношениях [6; 7].

Таким образом, закрытое завещание не является идеальным институтом наследования. Решение проблем правового регулирования закрытого завещания видится во введении возможности использования механических средств при написании закрытого завещания и должном консультировании нотариусом завещателя перед его составлением. Устранение вышеназванных проблем приведет к эффективности закрытого завещания и его частому использованию.

Список литературы

1. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // *Провинциальные научные записки*. 2017. № 1 (5). С. 104–106.
2. Чумакова О. Н. Защита авторских прав в сети Интернет в эпоху цифровых технологий // *Объекты авторского права и смежных прав и их правовой режим по гражданскому законодательству РФ* / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2021. С. 34–40.
3. Кеньшева М. В. Проблемы правового регулирования закрытого завещания // *Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 3-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 6 т.* Курск, 2018. № 1. 372 с.
4. Воробьева Е. П., Краснова Т. В. Закрытое завещание: проблемы нотариальной практики // *INTERNATIONAL JOURNAL OF PROFESSIONAL SCIENCE*. 2018. № 3. С. 17–20.
5. Гаргола Е. С. Закрытое завещание // *Молодой ученый*. 2014. № 1. С. 208–211.
6. Чумакова О. Н. Предварительный договор: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2016. № 4(21). С. 50–55.
7. Чумакова О. Н. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2018. Т. 10, № 5. С. 71.

A. U. Myasnyankina¹, K. D. Khripunova¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: N. V. Kravchenko¹, Lecturer of the Department of Civil law

¹*Southwest State University, Kursk*

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF A CLOSED WILL

The article deals with topical problems of legal regulation of a closed will and suggests possible ways to resolve the existing practical and theoretical problems, will interpretation.

Keywords: *testament closed; problems; inheritance; notary; gaps; legislation.*

УДК 347.6

Д. В. Федичева¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. Н. Чумакова¹, старший преподаватель кафедры гражданского права

¹*Юго-Западного государственного университета, г. Курск*

СТАТУС ЛИЧНЫХ ФОНДОВ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Институт личного фонда является новеллой гражданского права, появившись в Гражданском кодексе Российской Федерации с внесением изменений в 2021 г. ФЗ-287-ФЗ от 1 июля 2021 г. «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации». Данная статья посвящена рассмотрению понятия личного фонда, как актуального в нынешних условиях института прижизненных фондов. В работе рассмотрены такие вопросы, как правовое положение личного наследственного фонда, а также преимущества и недостатки, которые появились в законодательстве с образованием указанного юридического лица.

Ключевые слова: *личный фонд; наследственный фонд; гражданское право; наследственное право; юридическое лицо; наследство; завещание.*

Ценность права определяется его ролью в жизни общества [1]. Право призвано регулировать те процессы, которые в нем происходят. С проведе-

нием реформирования гражданского законодательства РФ появился совершенно новый для нашей правовой системы институт – личный фонд, который был закреплен в результате внесения поправок 1 июля 2021 г. в Федеральный закон № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», содержащий новые положения о некоммерческих организациях – фондах. В соответствии с принятыми изменениями личные фонды постепенно становятся эффективным «инструментом» управления имуществом. С таким институтом сталкивается гражданин РФ, который является человеком, потерявшим из-за смерти своего родственника, желанием которого было создание личного фонда ещё при жизни. Анализируя данную тему, можно сказать о том, что существует и другая точка зрения, связанная с выделением иной цели личного фонда. Так, по мнению, П.В. Крашенинникова, главной целью внедрения личного фонда в российское законодательство является развитие предпринимательских отношений, конечной целью которых является получение прибыли [2]. Схожей позиции придерживаются и юристы А.И. Дулкарнаев, О. Ваганова, рассматривающие институт личного фонда как «специальную форму юридического лица; способ сохранения “жизни” бизнеса в случае смерти владельца и защиты интересов членов его семьи с целью получения доходов от бизнеса» [3]. Иначе говоря, это некоммерческая организация, которая предоставляет гражданам дополнительные возможности распоряжения своим имуществом на случай смерти. К тому же личный фонд является как бы инструментарием для управления имуществом после смерти в направлении, которое выберет сам наследодатель еще при жизни. Так, государственный деятель, профессор П. В. Крашенинников под личным фондом понимает «новый и эффективный способ управления имуществом, капиталом, которые остаются после смерти наследодателя» [2]. Обобщая сказанное, личные фонды могут носить как «прижизненный» характер, так и порождать наследственные правоотношения.

В европейских странах институт наследственного права появился намного раньше и действует до сих пор, так как является неотъемлемой частью их законодательства. В России, несмотря на то что личный фонд существует небольшое количество времени, уже наметились как положительные, так и отрицательные моменты его реализации в действующей правовой системе РФ. Таким образом, можно сделать вывод о том, что с появлением нового института, регулируемого наследственным правом, граждане РФ расширили свое правосознание и обрели поддержку в решении вопросов, которые возникали как до получения наследства, так и после него.

Анализируя текст закона, можно говорить о том, что согласно ст. 123.20-4 ГК РФ личным фондом признается учрежденная на определенный

срок либо бессрочно гражданином или после его смерти нотариусом унитарная некоммерческая организация, осуществляющая управление переданным ей этим гражданином имуществом или унаследованным от этого гражданина имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления. Современные ученые придерживаются той точки зрения, что понятие личного фонда, которое предложено российским законодательством, является сложным для понимания людей, не обладающих знаниями буквы закона.

Личный фонд является альтернативным способом распоряжения имуществом, которое было приобретено гражданином в ходе принятия наследства от наследодателя. В настоящее время целью создания таких фондов является приумножение денежных средств, которые имелись у наследодателя, а также их правильное использование. Например, при жизни человек имел довольно прибыльный бизнес и акции в крупной компании, однако, заболев тяжелым смертельным заболеванием, написал завещание, в котором указал, что наследник обязан часть полученного в ходе наследства имущества и доходов от активов направить на помощь малоимущим семьям, беженцам и другим нуждающимся людям. Личный фонд в данном случае будет создан в благотворительных целях, для гарантии исполнения условий наследодателя. Важно указать при жизни желание создания такой организации, так как личный фонд должен быть создан по инициативе завещателя, для контроля исполнения условий завещания наследником.

Согласно ч. 1 ст. 123.17 ГК РФ фондом признается унитарная некоммерческая организация, не имеющая членства, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов и преследующая благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели. Однако стоит отметить, что фонд может заниматься коммерческой деятельностью, так как он не только осуществляет деятельность по управлению полученным в порядке наследования имуществом, но и направляет, а также распределяет доход от управления между физическим и юридическими лицами. Данные действия, используемые наследственным фондом в ходе реализации своей деятельности, являются абсолютным признаком коммерческой организации и заставляют задуматься о противоречии, так как основной функцией наследственного фонда фактически является управление имуществом, денежными активами, в некоторых случаях бизнесом, полученным наследником в ходе принятия наследства, а эти функции подразумевают получение прибыли и противоречат понятию фонда в гражданском праве.

Исследуя институт личного фонда в законодательстве, нельзя не сказать о том, что согласно ст. 1124 ГК РФ нотариус является основополагающим субъектом при создании наследственного фонда. Нотариус – это лицо,

которое фиксирует просьбы завещателя и после открытия наследства выполняет ряд распорядительных действий, направленных на создание нового элемента права – наследника [4]. Именно он ведет наследственное дело после смерти наследодателя и должен получить электронный образ наследственного фонда со всем необходимыми для его образования документами, поскольку это является его должностной обязанностью. Следует отметить тот факт, что нотариус не имеет права на проверку принадлежности завещаемого фонду имущества и других благ, а также доступ к иным документам, которые не касаются дела об открытии наследственного фонда. Данный аспект во многом затрудняет понимание нотариусом обстоятельств дела, к примеру, если имущество фонда распределено, задействовано в неформальных сделках организационного характера, таких как предварительный договор [Там же].

Основной анализ волеизъявления завещателя нотариусом должен проводиться на предмет соблюдения в удостоверяемых документах всех требований закона, предписанных для создания наследственного фонда [5].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что личный фонд является новым институтом в гражданском законодательстве, который регулируется нормами наследственного права, а также закреплен в действующем ГК РФ. Личный фонд, несмотря на незначительное время действия в России, представляется актуальным инструментом как института наследственного права, так и «прижизненного» способа управления имуществом. Кроме того, он является актуальным в современных условиях для цивилистической науки и правоприменительной практики.

Список литературы

1. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // *Провинциальные научные записки*. 2017. № 1 (5). С. 104–106.
2. Крашенинников П. В. Наследство до востребования // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2017/07/31/krasheninnikovnasledstvennyj-fond-novyj-sposob-upravleniia-imushchestvom.html> (дата обращения: 02.05.2022).
3. Дулкарнаев А. И., Ваганова О. Наследственный фонд: как работает новый способ распоряжения имуществом. Дополнительные возможности наследования бизнеса // *Экономика и жизнь*. URL: <https://www.eg-online.ru/article/400666/> (дата обращения: 10.05.2022).
4. Чумакова О. Н. Предварительный договор: Отдельные аспекты гражданско-правового регулирования // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. 2016. № 4(21). С. 50–55.
5. Литвиненко Д. А. Проблемы правового регулирования процедуры создания наследственного фонда // *Право и политика*. 2021. № 12. 102–116 с.

DOI: 10.7256/2454-0706.2021.12.37016. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37016 (дата обращения: 29.04.2022).

D. V. Fedicheva¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. N. Chumakova¹, senior lecturer

¹*Southwest State University, Kursk*

THE STATUS OF PERSONAL FUNDS IN CIVIL RELATIONS

The Institute of personal fund is modern in the Civil Law of the Russian Federation. This article is devoted to the consideration of the concept of a personal fund as an institution relevant in the current conditions, which appeared in civil legislation and is regulated by the norms of inheritance law. The paper considers such issues as the legal status of the inheritance fund, as well as the advantages and disadvantages that appeared in the legislation with the formation of the inheritance fund.

Keywords: *inheritance fund; personal fund; civil law; inheritance law; legal entity; inheritance; will; inherited person.*

УДК 347.66

В. С. Мяснянкина¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. Н. Чумакова¹, старший преподаватель кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

ИНСТИТУТ НЕДОСТОЙНЫХ НАСЛЕДНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье подробно рассмотрен институт недостойных наследников. Проанализировано развитие и изменения данного института в России. В работе затронуты практические вопросы реализации способа защиты прав наследников, вытекающих из ст. 1117 ГК РФ.

Ключевые слова: *наследственное право; институт недостойных наследников; недостойный наследник; наследодатель; завещание.*

Нормы права, содержащиеся в юридических актах, призваны отражать реалии жизни [1]. Институт наследования – один из самых древних и востре-

бованных институтов гражданского права. В реалиях нашего времени наследственное право продолжает развиваться как одна из самых важных и популярных подотраслей гражданского права, в связи с тем, что оно выступает средством защиты прав и законных интересов наследников и наследодателя, его кредиторов, а также наследственного имущества и наследственных прав. Можно утверждать, что в этой связи законодатель включил в ГК РФ нормы, содержащие определение, понятие недостойных лиц и создающие для них препятствия при наследовании имущества наследодателя.

Неоценимый вклад в развитие теоретических аспектов наследственного правопреемства внесли как зарубежные, так и отечественные учёные, среди которых особо выделились В.А. Рыбаков, В.И. Серебровский, Е.А. Суханов, В.А. Тархов, К.Б. Ярошенко, а также О.С. Иоффе. В настоящее время особого внимания заслуживают работы следующих цивилистов, которые продолжают аналогичные исследования: О.Е. Блинков, С.П. Гришаев, В.В. Долинская.

На сегодняшний день данный институт достаточно подробно регламентируется ст. 1117 ГК РФ. Стоит отметить, что в самом названии данной статьи содержится понятие «недостойные наследники» в отличие от предыдущих редакций советского периода. В цивилистической доктрине существует множество мнений, касающихся данной категории наследников. Например, Д. Ф. Латыпова считает, что «это граждане, которые не имеют права наследовать, лишены обязательной доли в наследстве и обязаны возратить, если незаконно получили таковую» [2, с. 55]. По мнению Н.Е. Тихановой, «это лица, формально подпадающих под категорию наследников, но которые не призываются к наследованию» [3, с. 105]. Следовательно, можно сказать о том, что данное понятие носит оценочный характер, но законодатель достаточно четко определил категории вышеупомянутых лиц, оставив возможность оценки исключительно суду. Особенно актуальным данный институт выглядит в множественности наследников многодетных и малоимущих семей [4].

Во-первых, основанием для отстранения лица от наследования является совершение данным лицом умышленных противоправных действий, которые обязательно должны быть направлены против наследодателя или его последней воли, отражённой в завещании, а также других наследников.

Во-вторых, он может быть признан таковым, если содействовал или пытался содействовать призванию наследников наследодателя или других лиц к наследованию, либо содействовал увеличению причитающейся ему или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке. На основании переданной копии решения суда нотариус определяет, имеются ли основания для признания наследника недостойным согласно п. 53 Приказа Минюста России № 156. В случае положительного результата он исключает последнего из состава наследников. При этом, как

показывает судебная практика, нет необходимости вынесения судом решения о признании наследника недостойным, потому что являются основанием к отстранению от права на наследование любые действия по отношению к наследодателю, которые носят противоправный характер и установлены приговором суда [5].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что при совокупности вышеперечисленных условий отстранение такого наследника относится к компетенции нотариуса, в производстве которого находится дело. Любые незаконные действия нотариуса можно оспорить, например, если он отказывается исключать вышеупомянутого наследника, в отношении которого вступил в законную силу приговором суда. В судебной практике также встречаются ситуации, когда наследники при наличии надлежащего приговора суда самостоятельно без обращения к нотариусу в судебном порядке подают иск о том, чтобы признать наследника недостойным. Но суды не принимают к рассмотрению данные исковые заявления, в противном случае, если такая ситуация имеет место быть, производство по делу прекращается.

Как упоминалось выше, такая классификация предполагает совершение «противоправных действий», нацеленных против наследодателя. Законодатель не приводит даже примерный список оснований для лишения права наследования, но на практике к ним относят противоправные действия с завещанием, например, его подделка или хищение, давление на наследников, чтобы они перестали претендовать на блага из перечня завещания, а также действия, направленные на использование физического или психологического давления на наследодателя для того, чтобы последний составил или отменил действующее завещание. Согласно п. 19 (а) Постановления Пленума Верховного Суда № 9 «О судебной практике по делам наследования» вышеупомянутые действия в п. 1 ст. 1117ГК РФ носят исключительно умышленный характер, независимо от целей и мотивов, а также вне зависимости от наступления последствий [6].

Интересным является и тот факт, что законодатель даёт возможность гражданам наследовать имущество, которое им было завещано после утраты ими права наследования. Утратить данное право наследник может после смерти, а также и при жизни наследодателя. Но только при жизни наследодателя наследник может получать наследство, если первый уже после утраты последнего права на наследство примет решение завещать ему имущество. Следовательно, можно говорить о том, что на практике в данном случае проявляется приоритет принципа свободы завещания.

Кроме того, признание наследника недостойным производится в отношении не всех возможных наследодателей, а исключительно определённых. Наглядно данное положение раскрывается в ситуации, когда в результате умышленного отравления матери сын признаётся недостойным наследником, но

теряя право на наследование имущества своей матери, при этом сохраняя данное право в отношении имущества отца.

Во-вторых, по закону родители не будут являться наследниками имущества своих детей, если они в судебном порядке были лишены родительских прав и не восстановлены в них ко дню открытия наследства. Но из данного правила есть исключение, так как наследование представляется возможным по завещанию, составленному совершеннолетними детьми.

В-третьих, по требованию заинтересованного лица суд отстраняет от наследования по закону граждан, которые злостно уклонялись от выполнения обязанностей, которые они должны были исполнять в силу закона по содержанию наследодателя. Согласно п. 20 вышеупомянутого Постановления Пленума ВС РФ у наследника обязанность по содержанию наследодателя возникает и определяется алиментными обязательствами. Все лица, подпадающие под вышеуказанную категорию, а также их обязанности закреплены в ст. 80, 85, 87, 89, 93–95 и 97 СК РФ. Они обязаны уплачивать алименты, а также в свою очередь имеют право требовать предоставления им алиментного содержания. Как показывает статистика, на практике часто возникают споры в силу того, что сами наследники буквально понимают положения законодательства о здравоохранении, семейного права, а также законодательные положения социальной поддержки населения. В процессе рассмотрения данных споров и установлении факта «злостного уклонения» наследниками от своих обязанностей суд осуществляет дискретное полномочие по правовой квалификации оценочных обстоятельств в соответствии с законом перед наследодателем.

Каждый случай такого уклонения от обязательств рассматривается в соответствии с учетом причин, а также продолжительности неуплаты денежных средств. И если будет подтвержден факт злостного уклонения по содержанию наследодателя, то суд отстраняет такого наследника по вышеуказанному основанию. Кроме того, если действия алиментнообязанного наследника направлены на сокрытие объективного размера дохода, заработной платы, смены места жительства или работы и других аналогичных действий в этих целях, то они тоже будут являться уклонением от выполнения вышеуказанных обязательств.

В данных ситуациях иск об отстранении от наследования подаётся по общим правилам определения подсудности, установленных ст. 22 и 24 ГПК РФ, любым лицом, которое в свою очередь заинтересовано в признании к наследованию, увеличении доли наследства, причитающейся именно ему, а также отказополучателем, включая лицо, на права и законные интересы которого может повлиять переход наследственного имущества. Важно уточнить, что суды в данной ситуации не принимают во внимание доводы истцов, касающиеся уклонения ответчика от выполнения обязательств по уходу за

нетрудоспособным наследодателем и оказания ему помощи, например, материальной, с которым у него имеется родственная связь, так как вышеуказанные обстоятельства не являются основанием для отстранения лица от наследства и признания его недостойным. В ситуации, когда происходит подача искового заявления, а ответчик уже успел принять наследство, то в него практикующие юристы советуют включать требование о возврате имущества, неосновательно полученное из состава наследства ответчиком.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемой статье ГК РФ есть как проблемы теоретического характера, так и проблемы, которые наиболее ярко проявляют себя на практике и требуют тщательной проработки и доработки законодателем в соответствии с новыми современными реалиями. Но несмотря на их наличие, по нашему мнению, в действующем законодательстве довольно удачно и чётко сформулирован субъективный состав лиц, которые призываются к наследованию. Что в свою очередь способствует безапелляционному проведению демаркационной линии в отношении тех, кто лишен права на получение наследства в соответствии с законом. Сам институт недостойных наследников, несмотря на то что теоретические аспекты о нём находятся только в одной статье ГК РФ, является важным и весомым регулятором отношений между наследником, наследодателем, его кредиторами, наследственным имуществом и наследственными правами. Но в некоторых случаях данного теоретического объёма регулирования оказывается недостаточным и появляется острая необходимость для обращения к судебной практике, которая в свою очередь наиболее динамична и быстрее реагирует на актуальные «потребности» граждан, принимающих участие в гражданском обороте.

Список литературы

1. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // *Провинциальные научные записки*. 2017. № 1 (5). С. 104–106.
2. Латыпова Д. Ф. Недостойные наследники: некоторые актуальные проблемы судебной практики // *Евразийская адвокатура*. 2013. № 4. С. 55–57.
3. Тиханова Н. Е. Основания и механизм признания наследника недостойным // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2014. № 4. С. 105–109.
4. Коростелева Т. А., Чумакова О. Н. Проблемы социального обеспечения малоимущих семей // *Модернизация в России: история, перспективы, проблемы: сборник статей круглого стола, посвященного 20-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 21 октября 2011 года* / отв. ред.: В. П. Пашин. Курск: ГИРОМ, 2012. С. 151–153.
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2019 № 88-1598/2019. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

[cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=1701&#iRkG6ThbvXBtZob](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/?) (дата обращения: 15.04.2022).

6. О судебной практике по делам о наследовании: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/? (дата обращения: 28.04.2022).

7. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданско оборота в сфере заключения сделок с недвижимостью // Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы 1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 63–65.

V. S. Myasnyankina¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. N. Chumakova¹, senior lecturer

¹*Southwest State University, Kursk*

THE INSTITUTE OF UNWORTHY HEIRS: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

The article discusses in detail the institution of unworthy heirs. The development and changes of this institute in Russia are analyzed. The paper touches on practical issues of implementing a method of protecting the rights of heirs arising from Article 1117 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: *inheritance law; the institution of unworthy heirs; unworthy heir; testator; will.*

УДК 347.63

Д. М. Федянина¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. Н. Чумакова¹, старший преподаватель кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

ЭМБРИОН IN VITRO В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

В статье рассматривается правовое положение эмбриона in vitro как субъекта наследственных правоотношений, а также основные факторы,

вливающие на формирование правового статуса эмбриона. В статье исследуются точки зрения относительно правовой природы эмбриона *in vitro*, автор рассматривает различные подходы в цивилистической доктрине, а именно, является ли таковой субъектом права или представляет собой особый объект наследственных правоотношений.

Ключевые слова: правовой статус; субъект; объект; эмбрион; вспомогательные репродуктивные технологии; наследство.

Правовые нормы «являются идеальными формами ориентации человека в окружающей его социальной действительности. Нормы права «подсказывают» модели поведения в конкретных жизненных ситуациях, определяя его границы и возможные последствия» [1]. За последние два десятилетия вспомогательные репродуктивные технологии (далее – ВРТ) стремительно шагнули вперед, вследствие чего появились новые общественные отношения, объектом которых зачастую выступает эмбрион человека. Однако сфера правового регулирования ВРТ, в том числе и в России, во многом отстает. Проблема определения правового статуса эмбриона является одним из актуальных вопросов современного права и представляет собой предмет спора в современной цивилистике. Значимость установления гражданско-правового статуса эмбриона кроется в его потенциальной способности стать человеком, следовательно, необходимо четко установить режимы распоряжения и использования и правовой статус: субъект, объект или предмет правоотношений?

В соответствии с ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Согласно Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» медицинскими критериями рождения являются: рождение ребенка при сроке беременности 22 недели и более, вес ребенка при рождении 500 гр. и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах), длина тела ребенка при рождении 25 см и более, дышит и проявляет другие признаки жизни. Исходя из чего, можно сделать вывод, что эмбрион не является носителем основных прав и свобод, поскольку, согласно действующему законодательству, эмбрион не является человеком.

Следует отметить сложившуюся тенденцию к правовой квалификации, которая свойственна романо-германской системе, в том числе подавляющему большинству отечественных юристов. Суть такой квалификации – эмбрион не является субъектом правоотношений, а только их объектом. Это можно проследить и в Федеральном законе «О трансплантации органов и (или) тка-

ней человека» (далее – Закон «О трансплантации»), в Уголовном кодексе РФ, в Законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В ст. 2 Закона «О трансплантации» эмбрион признаётся частью тела человека, связанной с его воспроизводством, и относится к категории «органы, их части и ткани». Что касается Уголовного кодекса, то во всех статьях, связанных с эмбрионами, например, ст. 105 (убийство) или 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) речь идёт об отягчающих обстоятельствах, когда уничтожение эмбриона или плода (законодатель не разделяет данные понятия) приносит вред здоровью матери или усиливает общественную опасность деяния. Всё вышеперечисленное иллюстрирует наиболее распространённую точку зрения на эмбрион как объект правоотношений.

В юридической науке существует позиция, согласно которой эмбриону следует придать ограниченную правоспособность, а положения о правах эмбриона на жизнь должны быть закреплены в Конституции РФ. Так, предлагается отразить право эмбриона на рождение, которое будет означать конституционную гарантию правоспособности зачатого, но неродившегося лица. К примеру, А. А. Рыжова утверждает, что конституционное закрепление права на жизнь эмбриона с момента зачатия может рассматриваться в качестве основы для правомерного использования человеческих эмбрионов. Данное положение отразит право на жизнь как абсолютную ценность, что способствует формированию гуманного и оправданного отношения к человеческому эмбриону в современном российском обществе [2].

В пользу теории об эмбрионе как субъекте правоотношений ученые также выделяют право наследования, где за нерожденным ребенком признается право на наследство [3, с. 10]. Российским гражданским правом действительно предусмотрены некоторые права нерожденного ребенка.

Так, в ст. 1116 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) отображен перечень лиц, которые могут призываться к наследованию. Среди прочих также включены лица, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Содержание данной нормы косвенно позволяет сделать вывод о том, что в некоторых случаях эмбрион может выступать в качестве субъекта правоотношений. Таким образом, признавая эмбрион наследником, законодатель имеет в виду то, что право на наследование у него возникнет в случае рождения [4, с. 80]. Зачатый ребенок может стать субъектом права, но не следует рассматривать его в качестве обладателя правоспособности и другими правами до рождения.

Такого же мнения придерживается и Г. Б. Романовский, по мнению которого, признанным субъектом права возможно стать только с момента рождения. На сегодняшний день закон не признает эмбрион человека правоспособным, то есть не придает ему статус субъекта права. Российскому законо-

дателю следует учитывать интересы неродившихся детей, но не признавать их правоспособность [5, с. 5].

Субъективные права возникают лишь у существующего, реально субъекта. Однако, как замечает И. А. Михайлова, дискуссия о возможности признания возникновения правоспособности с момента зачатия, а не с момента рождения систематически поднимается. В Государственной Думе разрабатывали законопроект, предусматривающий внесение в ГК РФ «о фактическом, хотя и частичном признании правоспособности зачатых, но не рожденных лиц в действующем законодательстве путем признания за ними права на жизнь и права на наследство» [4, с. 12].

А. А. Рыжова [2] приводит пример трудов Е. К. Шотт и Д. В. Лоренц, которые также отталкиваются от наследственного права, когда приводят примеры из зарубежного опыта. Так, Гражданский кодекс Нидерландов содержит положения о том, что зачатый, но неродившийся ребенок считается появившимся на свет, если эта презумпция соответствует его интересам. Согласно Гражданскому кодексу Японии, все физические лица с момента рождения обладают полной правоспособностью. Эти права распространяются также на нерожденного ребенка при возникновении деликтных правоотношений и наследовании.

Поскольку ГК РФ допускает призвание к наследованию не только граждан, находящихся в живых к моменту открытия наследства, но и зачатых при жизни наследодателя и родившихся живыми после открытия наследства, в нем содержатся правила, обеспечивающие защиту прав и законных интересов таких наследников. Так, в соответствии со ст. 1166 ГК РФ при наличии зачатого, но еще не родившегося наследника раздел наследства может быть осуществлен только после рождения такого наследника. Соглашения о разделе наследства, совершенные до рождения наследников, упоминаемых в названной статье, являются ничтожными сделками. Организационно договорные отношения также неприемлемы к закреплению еще не рожденных наследников [6; 7]. Потенциальными наследниками в данном случае могут быть как будущие дети умершего, так и другие (например, будущие дети родственников, указанных в завещании). Согласно п. 2 ст. 48 Семейного кодекса РФ, если ребенок родился в течение трехсот дней с момента смерти супруга матери ребенка, отцом ребенка признается бывший супруг матери, если не доказано иное. Таким образом, законодатель строго ограничивает временной промежуток с момента зачатия до момента рождения наследника. А если потенциальный наследник рождается живым по истечении трехсот дней с момента смерти наследодателя? Сейчас это действительно возможно. Медицинские технологии в настоящее время развиваются с большой скоростью (что не может не радовать), внедряется множество методик лечения, в том числе и вспомогательные репродуктивные технологии, включая суррогатное

материнство, которые закреплены в России на законодательном уровне, а в частности, регулируются Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ и Семейным кодексом РФ. Указанная отрасль правоотношений требует существенной доработки в этом направлении, так как метод экстракорпорального оплодотворения имеет возможность криоконсервации (замораживания) эмбрионов наследодателя на неопределенный период времени, что существенным образом может повлиять на судьбу потенциального наследника.

Подводя итог касательно правового положения эмбриона, то стоит отметить, что к объекту гражданских правоотношений эмбрион в полной мере не относится, хотя бы потому, что ст. 128 ГК РФ, содержащая перечень объектов гражданских прав, не относит эмбрион к таковым. Человеческая жизнь, бесспорно, является высшей ценностью, поэтому приравнивание эмбриона к вещи недопустимо. Соответственно, эмбрион имеет особый гражданско-правовой статус. Итак, эмбрион – это объект, ограниченный в обороте, режим использования и распоряжения, который должен быть строго урегулирован национальным и международным законодательством. Как субъект правоотношений эмбрион *in vitro* раскрывается в основном в наследственных вопросах, что закреплено в гражданском кодексе РФ, однако данный статус имеет ряд особенностей, которые возникают из-за плохого развития сферы правового регулирования ВРТ, в том числе и в России.

Список литературы

1. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // Провинциальные научные записки. 2017. № 1 (5). С. 104–106.
2. Рыжова А. А. Эмбрион как субъект конституционного права // Наука. Общество. Государство: электрон. научный журнал: сайт. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ryzhova_aa_16_4_07.pdf (дата обращения: 15.05.2022).
3. Журавлева Е. М. Проблемы наследования насчитуром в рамках действия договора суррогатного материнства // Наследственное право. 2013. № 1. С. 10–13.
4. Михайлова И. А. Начало и конец физической личности в трудах Д. И. Мейера // LEX RUSSICA (НАУЧНЫЕ ТРУДЫ МГЮА). 2019. № 8 (153). С. 9–16.
5. Романовский Г. Б. Анонимность доноров половых клеток и современное семейное право // Семейное и жилищное право. 2010. № 5. С. 3–8.
6. Чумакова О. Н. Предварительный договор: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 4(21). С. 50–55.

7. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 10, № 5. С. 71.

D. M. Fedyanina¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. N. Chumakova¹, Senior Lecturer of the Department of Civil Law

¹*Southwestern State University, Kursk*

IN VITRO EMBRYO IN HEREDITARY LEGAL RELATIONS

The article examines the legal status of the embryo in vitro as a subject of hereditary legal relations, as well as the main factors influencing the formation of the legal status of the embryo. The article examines the points of view regarding the legal nature of the embryo in vitro, the author considers various approaches in the civil doctrine, namely, whether such a person is a subject of law or is a special object of hereditary legal relations.

Keywords: *law; legal status; subject; object; embryo; assisted reproductive technologies; inheritance.*

УДК 347.6

К. А. Афанасьева¹, **Е. С. Малеева**¹, **А. Л. Овцынов**¹, студенты 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. Н. Чумакова¹, старший преподаватель кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА

В данной статье рассматривается относительно новый институт гражданского права – наследственный договор, а также проблемы его правовой конструкции. Введение данного института вызывает у многих известных ученых дискуссии, так как здесь раскрывается проблема

незащищенности стороны рассматриваемого договора, а именно потенциального наследника. Актуальность данной статьи заключается в том, что в Российском законодательстве продолжается процесс совершенствования института наследственного договора в наследственных правоотношениях.

Ключевые слова: наследственный договор; институт; наследственное право; потенциальный наследник; наследование.

Как отмечается в юридической литературе, «право ценно в силу его реальной способности влиять на жизнь во благо общества и его членов. И эта реальность обусловлена связанностью права с властью, посредством которой право воплощается в жизнь» [1, с. 105]. В современном законодательстве Российской Федерации в новой редакции Гражданского кодекса РФ наследственный договор определяется ст. 1140.1 ГК РФ через право наследодателя заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию.

Мнения ученых касательно данного понятия расходятся, тем самым создавая значительные проблемы и порождая множество споров. И.В. Матвеев, проведя исследование положений о наследственном договоре зарубежных стран, установил, что под наследственным договором понимается соглашение наследодателя и наследника, по которому после смерти наследодателя все наследственное имущество либо его часть переходят подписавшему договор наследнику [2, с. 36]. П. В. Крашенинников определяет понятие наследственного договора, как «распоряжения на случай смерти, выраженном в договоре между потенциальным наследодателем и потенциальными наследниками, о переходе прав на имущество наследодателя» [3, с. 89]. Раскрытие сущности наследственного договора является сложным процессом и трактуется по-разному. Одни исследователи полагают, что предметом договора является имущество, другие раскрывают действительную суть данного договора как основания наследования. Здесь прослеживается организационно-имущественной характер договорных отношений по аналогии с такими организационными договорами, уже закрепленными в ГК РФ [4; 5; 6; 7].

Немаловажным является определение правовой природы наследственного договора, создавая при этом множество споров среди ученых. Некоторые из них отмечают двойственную правовую природу наследственного договора, которая включает в себя договорное обязательство и завещательное распоряжение.

Сравнивая институты наследственного договора и завещания, можно проследить схожесть в том, что оба института являются распоряжением будущего наследодателя по поводу перспективы своего имущества и определению будущих наследников, заключаются в выражении воли наследодателя и разрешении вопроса о переходе прав на имущество после смерти наследодателя. К примеру, П. С. Никитюк указывал, что «под наследованием по завещанию понимается переход прав и обязанностей умершего к лицам, указанным им в совершенном при жизни распоряжении о судьбе его имущества на случай смерти» [8, с. 31]. Из этого следует, что наследственный договор, как и завещание, являются распоряжением будущего наследодателя по поводу перспективы распоряжения имуществом и определяют круг будущих наследников. Однако в силу п. 5 ст. 1118, п. 2 ст. 154 ГК РФ завещание является односторонней сделкой, которая создает права и обязанности после открытия наследства, для совершения которой необходимо и достаточно выражения воли одной стороны, а договор является сделкой двусторонней, согласно п. 3 ст. 154 ГК РФ для заключения которого необходимо выражение согласованной воли всех сторон. Следовательно, наследственный договор в первую очередь является сделкой, порождающей возникновение прав и обязанностей, поскольку направлен на возникновение наследственных правоотношений, а также является сделкой двусторонней, т.е. договором.

Но существуют и другие позиции. Некоторые правоведы придерживаются мнения о том, что природа наследственного договора больше тяготеет к наследственному праву и что признак возмездности является категорией обязательственного права и не может рассматриваться применительно к наследственному договору. Немецкий правовед К. Шельхаммер отмечает, что «наследственный договор не может быть ни возмездным, ни безвозмездным, это иная категория – распоряжение на случай смерти» [9, с. 243].

Правовая природа носит смешанный характер, в связи с чем наследственный договор является основанием наследования, т.е. распоряжением на случай смерти, чем порождает абсолютные правоотношения, возникающие с момента смерти, и договором, порождающим относительные правоотношения, содержащие предусмотренные им обязанности, если это предусмотрено договором.

При заключении завещания и наследственного договора следует отдавать приоритет наследственному договору как двусторонней сделке, над завещанием – как сделки односторонней, в том числе в целях защиты контрагентов наследодателя.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Севастопольского городского суда рассмотрела дело по апелляционной жалобе на решение Гагаринского районного суда г. Севастополя, согласно которому одна из сестер В. А. обратилась в суд с иском к Л. А. о признании права собственности на

1/4 долю в праве собственности на квартиру в порядке наследования после смерти их старшей сестры Е. А., после смерти которой открылось наследство в виде 3/4 доли в праве собственности на квартиру. Еще при жизни Е. А. составила завещание, в котором все принадлежащее ей имущество завещала В. А. Однако от нотариуса В. А. узнала, что старшей сестрой был составлен наследственный договор, в котором она свое имущество завещала Л. А., зарегистрировав право собственности на имущество. Определением Гагаринского районного суда г. Севастополя была осуществлена замена стороны по делу В. А. (в связи с ее смертью) правопреемником С. А. В удовлетворении исковых требований С. А. было отказано, потому что наследственный договор между Е. А. и Л. А. был заключен после составления Е. А. завещания в пользу Л. А., последнее фактически утратило свою силу [10].

Таким образом, вопросы изменения и прекращения договора также законодателем урегулированы не в полной мере и могут вызвать на практике достаточно проблем.

Согласно п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ у наследодателя есть право заключить один или несколько наследственных договоров с одним или несколькими потенциальными наследниками. При этом наследодатель вправе заключить договор по поводу одного и того же имущества с разными контрагентами, откуда возникает проблема злоупотребления наследодателем своим правом, поскольку все наследственные договоры могут предусматривать определенные обязанности потенциальных наследников.

Е. Ю. Петров предлагает рассматривать заключение нового наследственного договора с тем же имуществом, как право наследодателя совершить в любое время односторонний отказ от наследственного договора, о котором будет идти речь далее. Как отмечает автор, заключение двух наследственных договоров по поводу одного и того же имущества с разными наследниками «маловероятно по техническим причинам», благодаря возможности нотариуса изучить электронный образ ранее заключенного договора в единой информационной системе [11, с. 144].

С учетом двустороннего характера данного договора, при котором должны учитываться интересы не только наследодателя как распорядителя своей последней волей, но и наследника, целесообразным было бы ограничить право наследодателя заключать наследственный договор в отношении одного и того же имущества с разными лицами.

Еще одной проблемой при заключении наследственного договора является риск ранней смерти потенциального наследника по наследственному договору. Пунктом 4 ст. 1140.1 ГК РФ закреплено правило неотчуждаемости и непередаваемости возникающих из наследственного договора прав и обязанностей стороны договора. Ю. Петров также отмечает, что вопрос о судьбе

ранее произведенного исполнения в случае более ранней смерти контрагента законодатель оставил открытым [12, с. 167].

Для предотвращения данной ситуации сторонам следует заранее позаботиться об этом. Некоторыми авторами предлагается при заключении наследственного договора включать условие о подназначении наследника. Подназначение наследника является завещательным распоряжением и также может быть включено в содержание наследственного договора.

Справедливым решением О. С. Черепанова считает предусмотреть законодателем возможность предъявления права требования наследниками контрагента возврата полученных по договору сумм, т.е. «произведенного исполнения», либо полноценным включением в состав наследников [12, с. 28–29].

Наиболее рациональным решением на данный момент многими представляется возможность включения оговорки в текст наследственного договора о правах наследников контрагента получить имущество наследодателя в качестве переживших третьих лиц. Однако что в решении с подназначением наследника, что в данном варианте существуют свои неопределенности.

Рассматривая предлагаемые решения данного вопроса, можно сделать вывод, что понудить наследодателя заключить новый наследственный договор или составить завещание в пользу наследников контрагента невозможно, иначе будет нарушена свобода завещания. Возлагать обязанность на наследодателя возместить исполненное по договору наследникам контрагента не представляется возможным, поскольку в таком случае договор станет рискованным для самого наследодателя, особенно в ситуации, когда получение денежных средств по договору является основным источником существования.

Наиболее универсальным решением было бы по общему правилу предоставить наследникам контрагента возможность заменить умершую сторону по наследственному договору, если иное не предусмотрено договором.

Немаловажной остается и проблема защиты наследника при возмездном наследственном договоре. Пунктом 12 ст. 1140.1 ГК РФ закреплено право наследодателя после заключения наследственного договора совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества и иным образом распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя. Данную норму законодатель определил императивной, поскольку соглашение об ином будет считаться ничтожным.

С одной стороны, данная норма защищает абсолютное право собственности наследодателя, соответствует конституционному праву на неприкосновенность собственности и свободу осуществления правомочий собственника, гарантированное ст. 35 Конституции РФ, не ограничивает права наследода-

теля. С другой стороны, данное положение ставит будущего наследника в неблагоприятное положение, его интересы не защищаются, особенно если наследственным договором предусмотрена обязанность приобретателя наследства выполнить определенные действия, то есть имеется возмездный договор. В итоге наследник может добросовестно исполнять свою обязанность, ухаживать всю жизнь за наследодателем, учиться в автошколе для получения водительских прав и т.д., но может так и не получить имущество. Гражданский кодекс РФ не закрепил нормы, которые предоставили защиту наследнику. Очевидно, что без какой-либо защиты контрагента по наследственному договору вся конструкция вряд ли окажется работоспособной. Наследственный договор хоть и нельзя отнести к рисковому, так как изначально риск отсутствует, однако, исходя из вышеизложенного, риск существует как в безвозмездном, так и в возмездном наследственном договоре, просто во втором случае есть вероятность понести убытки, взыскание которых предусмотрено только при одностороннем отказе наследодателя от договора.

Конструкция наследственного договора, закрепленная в действующем ГК РФ, является достаточно новым институтом гражданского права, однако на данный момент менее всего используется как основание наследования, поскольку способна породить множество проблем, ставя стороны в крайне невыгодное положение. При доработке законодателем правового регулирования наследственного договора, устранении пробелов и закреплении механизмов защиты сторон, можно сказать с уверенностью, что наследственный договор станет важным элементом российской правовой системы, пользующимся доверием, и будет пользоваться спросом.

Список литературы

1. Коротких О. А., Хорошильцев, А. И. К вопросу о ценности права // *Провинциальные научные записки*. 2017. № 1 (5). С. 104–106.
2. Матвеев И. В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2015. № 1. С. 78–95
3. Крашенинников П. В. *Наследственное право: учебник*. 3-е изд. М.: Статут, 2018. 129 с.
4. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.
5. Сусликов В. Н., Чумакова О. Н. *Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: пробле-*

мы теории и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 65–71.

6. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота в сфере заключения сделок с недвижимостью // Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы 1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 63–65.

7. Чумакова О. Н., Сусликов В. Н. Механизм действия предварительного договора и его правовое регулирование // Образование и право. 2017. № 8. С. 147–151.

8. Никитюк П. С. Наследственное право и наследственный процесс (проблемы теории и практики). Кишинев: Штиница, 1973. 258 с.

9. Schellhammer K. ErbrechnachAnspruchsgrundlagen. 3 neubearb. Aufl. Heidelberg [u.a.]: Muller, 2010. 542 с.

10. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Севастопольского городского суда от 04.08.2016 №33-2226/2016 // Правосудие: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 10.05.2022).

11. Петров Е. Ю. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. 656 с.

12. Черепанова О. С. Наследственный договор как новелла российского гражданского права (критический анализ некоторых положений) // Нотариус. 2019. № 2. 134 с.

K. A. Afanasyeva¹, E. S. Maleeva¹, A. L. Ovtsynov¹, 2nd year students of the Faculty of Law

Supervisor: O. N. Chumakova¹, Senior Lecturer of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

ON THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF THE INHERITANCE CONTRACT

This article discusses such a new institution as the hereditary contract and its legal construction problem. The introduction of this institution causes discussion among many well-known scientists, since it reveals the problem of the insecurity of the party in question, namely the potential heir. The relevance of this article lies in the fact that the Russian legislation continues the process of improving inheritance law.

Keywords: *inheritance contract; institution; inheritance law; potential heir; inheritance.*

УДК 347.672

В. В. Стрельникова¹, А. Л. Овцынов¹, студенты второго курса
юридического факультета

Научный руководитель: О. Н. Чумакова¹, старший преподаватель
кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СУПРУГОВ: ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Данная статья посвящена изучению содержания совместного завещания супругов, его характеристики и актуальности в современных наследственных правоотношениях.

Ключевые слова: *имущество; наследование; супруги; завещание; наследник.*

Совместное завещание супругов появилось в 2019 году и было включено в ст. 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации. Этот правовой институт регулирует те наследственные правоотношения, которые возникают на почве волеизъявления супругов создать совместное завещание.

Хоть этот вид наследственных правоотношений появился в России относительно недавно, для Англии, США, Италии, Дании, Швеции совместное завещание супругов – давно неотъемлемая часть гражданского права в области наследственных правоотношений. На Украине этот правовой институт функционирует с 1 января 2004 года с момента вступления в силу нового Гражданского кодекса Украины.

Стоит отметить, что совместные завещания наиболее широко распространены в Германии. Для отечественной правовой системы это значимо, так как наследственное право Германии отражает классические подходы континентальной системы права, к которой принадлежит и право России [1; 2].

Как справедливо отмечено в юридической литературе, «верное объективное отражение интересов общества, его членов и действенность права» определяют юридическую ценность права, «которые делают его благом для общества и для его членов» [3, с. 105]. Институт совместного завещания супругов вызывает множество спорных моментов как на практике, так и в ци-

вилистической доктрине. Что же касается профессиональной среды нотариусов, на данный момент данная правовая новелла не пользуется популярностью, однако при дальнейшем развитии наследственных правоотношений спрос на данное нотариальное действие будет увеличиваться.

Совместное завещание супругов, согласно Гражданскому Кодексу Российской Федерации, предполагает следующее содержание их прав: самостоятельно определять наследственную массу, включаемую в завещание, завещать имущество каждого из супругов или их общее имущество любым лицам по своему усмотрению, распределять доли наследников, а также лишать наследства наследников по закону, имея возможность при этом не указывать причины такого решения, вносить иные распоряжения в завещание, за исключением тех, которые противоречат нормам гражданского права [4, с. 59].

Данный институт наследственных правоотношений также не исключает правила о выделении обязательной доли в наследстве, даже в случаях, когда эта необходимость возникла уже после составления завещания.

Также данный вид завещания не обошел стороной и положения о недостойных наследниках и запрете их участия в наследовании. Те обстоятельства, по которым наследник может быть признан недостойным, подтверждаются в судебном порядке [5, с. 22]. Также законодателем оставлен нераскрытым вопрос, связанный с запретом наследования недостойными наследниками (ст. 1117 ГК РФ). Гражданский кодекс в данном случае не дает разъяснений по поводу того, как будут определяться недостойные наследники – в отношении одного из них или к каждому. Некоторые ученые понимают это как признание недостойным наследника в отношении одного из завещателей, должно влечь признание его недостойным в отношении обоих составителей совместного завещания. В случае же разграничения недостойных наследников по отношению к каждому из наследодателей могут возникнуть существенные противоречия, определяемые тем фактом, что конкретный наследник будет недостойным только лишь по отношению к одному, а не обоим супругам, составившим совместное завещание [5, с. 87].

Нельзя не упомянуть еще об одном важном принципе – принципе тайны завещания. Данное условие соблюдается обоими супругами, составившими совместное завещание, кроме того, в случае смерти одного из супругов нотариус и исполнитель завещания, душеприказчик вправе разглашать только ту часть завещания, в которой содержатся положения, относящиеся к погибшему.

Законодатель устанавливает следующие случаи утраты силы совместного завещания супругов:

- признание как до, так и после составления завещания, брака недействительным;
- расторжение брака в данном случае не имеет значение был: брак расторгнут при жизни обоих супругов или в случае смерти одного из них;

- составление одним из супругов последующего отдельного завещания;
- признание незаконности волеизъявления одного из супругов при составлении данного вида завещания;
- если один из супругов изъявит желание отменить совместное завещание.

Данные положения закреплены в ст. 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации. Поскольку права супругов при составлении совместного завещания равны, возможностью его отмены может воспользоваться каждый из них.

Итак, совместное завещание представляет одностороннюю сделку, в которой наследодателями являются лица, состоящие в статусе супругов, в положениях которого каждый из них изъявляет свою волю. Фундаментом для решения составления совместного завещания и распоряжения их имуществом в этом случае служат доверительные отношения между супругами, т.к. процедура реализации такого юридического действия представляет собой разрешение судьбы определенного имущества с момента открытия. Так, мы можем охарактеризовать совместное завещание супругов как дящуюся сделку под условием, аналогом которой можно назвать заключение предварительного и основного договора в гражданских правоотношениях. [6; 7; 8].

Проблемой гражданского законодательства в данной сфере наследственных правоотношений является противоречие между определением совместного завещания и его практическим смыслом. Само определение говорит нам о том, что это односторонняя сделка. В свою очередь п. 5 ст. 1118 поясняет, что завещание является волеизъявлением гражданина, на которое не могут оказывать влияние третьи лица, совместное же завещание предполагает согласие двух супругов [9, с. 4].

Таким образом, всё вышеизложенное свидетельствует о том, что наследственное право не является недвижимым комплексом правовых норм, оно развивается, доказательством чего служит появление новых правовых институтов, которым является и совместное завещание супругов. Дальнейшая регламентация его положений и усовершенствование данного института позволит более активно развивать принцип свободы завещания, даст новые возможности распоряжаться своим имуществом субъектам брачных отношений.

Список литературы

1. Владимирова Н. В., Гаврилов В. Н. К вопросу о введении в Российской Федерации института совместного завещания супругов // Студенческий: электрон. научный журнал. Новосибирск: Изд-во АНС «СибАК», 2017. № 3(3). С. 78–81.

2. Казанцева А. Е. Совместное завещание супругов: имеющиеся проблемы // *Наследственное право*. 2019. № 3. С. 32–35.
3. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // *Провинциальные научные записки*. 2017. № 1 (5). С. 104–106.
4. Антонова А. А. Совместное завещание супругов как новый институт гражданского права // *Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей IV Международной научно-практической конференции*. Пенза, 2020. С. 59–61.
5. Полетаева Е. Л., Чигрина Е. В. К вопросу о совместном завещании супругов как бесконфликтном способе распоряжения наследственным имуществом // *Наследственное право*. 2020. № 2. С. 20–24.
6. Мамай Е. А., Мамай Е. О. Совместное завещание супругов как новый институт в российском наследственном праве // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2020. № 2. С. 84–88.
7. Чумакова О. Н. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49: комментарии к толкованию условий предварительного договора // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 71–80.
8. Чумакова О. Н. Предварительный договор: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. 2016. № 4(21). С. 50–55.
9. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданско оборота в сфере заключения сделок с недвижимостью // *Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы 1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов*, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 63–65.
10. Блинков О. Е. О совместном завещании супругов в российском наследственном праве: быть или не быть? // *Наследственное право*. 2015. № 3. С. 3–7.

V. V. Strelnikova¹, **A. L. Ovtynov**¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. N. Chumakova¹, Senior Lecturer, Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

JOINT WILL OF THE SPOUSES: TRENDS IN LEGAL REGULATION

This article is devoted to the study of the content of the joint will of spouses, its characteristics and relevance in modern inheritance legal relations.

Keywords: *property; inheritance; spouses; will; heir.*

СЕКЦИЯ 7. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО И СЕМЕЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РФ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

УДК 347.238; 347.736

И. В. Безлепкин¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. Н. Чумакова¹, старший преподаватель
кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОВМЕСТНОГО БАНКРОТСТВА СУПРУГОВ

В данной статье рассматриваются фундаментальные положения института банкротства в сфере семейных правоотношений на основании действующего законодательства и судебной практики. Анализируется совместное банкротство супругов, порядок обращения взыскания на совместную собственность супругов, принципы формирования конкурсной массы.

Ключевые слова: *совместная собственность супругов; должник; обращение взыскания; супруги; конкурсная масса; ответственность; кредитор; реализация имущества.*

Прежде всего необходимо отметить, что основу семейных отношений составляет презумпция общности, закреплённая отечественным законодателем в ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) и определяющая особенности реализации российского законодательства о банкротстве. Презумпция общности имущества супругов выражается в двух моментах: 1) право собственности на совместное имущество принадлежит одновременно нескольким лицам (супругам); 2) возможностью реализации права собственности в одинаковой мере обладают все лица, которым принадлежит общее имущество. Однако режим общей собственности супругов не следует применять в случаях, когда всё полученное по обязательствам использовалось исключительно в личных целях и никак не затрагивало нужды и интересы семьи. Особенно этот аспект отражается на многодетных малообеспеченных семьях [1].

Например, денежные средства, полученные путём заключения договора займа и потраченные на покупку нового оборудования для предприятия будущего супруга-должника, не поступают в семейный бюджет и не расходуются в интересах семьи, а значит, не могут являться предметом общих обязательств супругов. В таком случае займодавец не сможет реализовать своё право на взыскание общего имущества в соответствии со ст. 45 СК РФ. Аналогичным образом необходимо рассматривать ситуацию, связанную с банкротством супруга-должника. Определение понятия «нужды семьи» пока так и не закреплено в современном законодательстве, что вызывает некоторые споры среди правоприменителей [2, с. 105].

В случае неспособности удовлетворения в полном объёме требований кредитора по денежным обязательствам и исполнения обязанности по уплате обязательных государственных платежей физическое лицо, а также и индивидуальный предприниматель признаётся арбитражным судом несостоятельным должником. Банкротство физических лиц рассматривается законодателем как способ избавления от долгов для граждан, попавших в тяжёлое материальное положение.

В Российской Федерации институт банкротства физических лиц был введён в 2015 году Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ. Причём изначально планировалось передать дела о банкротстве физических лиц для разбирательств судам общей юрисдикции. Однако позже мнение изменилось: отечественный законодатель посчитал, что арбитражные суды будут эффективнее справляться с данной категорией дел ввиду уже имеющегося опыта рассмотрения дел о банкротстве юридических лиц. Тем не менее, несмотря на уже сформировавшуюся судебную практику, до сих пор остаются некоторые пробелы в правовом регулировании [3].

В п. 1 ст. 45 СК РФ закрепляется общее правило ответственности супруга-должника: при наличии обязательств у одного из супруга-должника взыскание в обязательном порядке осуществляется только лишь на движимое и недвижимое имущество, принадлежащее этому супругу-должнику. В ситуации, когда данного имущества оказывается недостаточно для полного исполнения обязательств, кредитор может потребовать выдел доли супруга-должника, которая полагалась бы этому супругу-должнику при разделе общего имущества супругов, для последующего обращения взыскания на неё. При подобном разделе имущества действует принцип паритета сторон, то есть доли супругов автоматически являются одинаковыми, если иное не предусмотрено договором между супругами [4, с. 138].

Общее имущество супругов – это имущество, нажитое супругами во время брака. Данное положение регламентировано ст. 34 СК РФ. В свою очередь ст. 256 ГК РФ расширяет данное понятие: помимо имущества, приобретённого во время действия законно установленных супружеских отношений,

общим имуществом супругов может являться имущество, находившееся в собственности у одного из супругов до заключения брака и продолжающее принадлежать исключительно ему во время брака (т.е. как личная вещь), если будет установлено, что в такое имущество были совершены различные вложения из семейных средств, существенно увеличившие его рыночную стоимость. Рассмотрением данного вопроса занимается суд: только он обладает правом наделения подобного имущества статусом общего.

Конкурсная масса – всё имущество должника, как движимое, так и недвижимое, и имеющееся у него на день принятия решения арбитражным судом о признании его банкротом. В конкурсную массу попадает также имущество, приобретённое после принятия решения о банкротстве. Существуют некоторые исключения, которые не позволяют обращать взыскание на часть имущества в соответствии в ГПК, в том числе на одежду, обувь, выплаты, предназначенные для содержания иных лиц (социальная пенсия, пособие на ребёнка и т. д.) [5, с. 102].

Довольно сложным и спорным является вопрос, связанный с выделением конкурсной массы. Действующее российское законодательство регламентирует два правовых режима имущества супругов: законный и договорной. Законный режим представляется наиболее простым и закрепляется в ст. 34 СК РФ. Однако даже здесь есть некоторые исключения. Так, имущество, приобретённое во время брака, далеко не всегда будет находиться в общей совместной собственности супругов, предусмотренной законным режимом имущества супругов. Также супруги имеют право изменить законный режим имущества на договорной при помощи гражданско-правовых договоров (соглашение о разделе общего имущества, брачный договор) и продажи имущества друг другу или подарка [6, с. 1–2]. В связи с этим одной из правовых проблем является недобросовестное использование гражданско-правовых договоров, в частности, использование брачного договора в целях вывода имущества из конкурсной массы. В судебной практике имеются случаи признания брачного договора недействительным в связи с его использованием для обмана кредитора.

Так, 25 ноября 2014 г. супруги А.Б. Макаров и С.Н. Макарова, состоящие в официальном браке, заключили между собой брачный договор. При помощи данного договора супруги изменили режим совместного имущества с законного на договорной. Договор устанавливал, что всё недвижимое имущество переходит в собственность С.Н. Макаровой. 15 августа 2016 г. её супруг А.Б. Макаров был признан банкротом, вследствие чего началась реализация имущества должника. Арбитражный управляющий обратился в арбитражный суд с иском о признании данного брачного договора недействительным, поскольку своими положениями он выводил имущество из конкурсной массы. Суд первой инстанции, а в последующем и суд апелляционной ин-

станции пришли к выводу о том, что супруги злоупотребили своим правом, нарушив законные права кредитора путём целенаправленного изменения содержания конкурсной массы. Таким образом, брачный договор был признан недействительным в соответствии с п. 1 и п. 2 ст. 10 ГК РФ [7].

Ещё одной правовой проблемой является совместное банкротство супругов. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 в п. 7 отмечается, что суд имеет право в целях экономии объединить два дела о банкротстве супругов в одно. Главный недостаток подобного правового явления – ситуация, при которой у одного из супругов есть иные кредиторы, никак не связанные с другим супругом. Однако некоторые суды продолжают отказывать в проведении совместного банкротства ввиду отсутствия соответствующей правовой нормы.

Например, арбитражный суд в Новосибирской области отказал в удовлетворении жалобы об объединении двух дел о банкротстве в одно. Причём суд указал, что такое объединение является правом суда, а не его обязанностью, а наличие брака, предоставившее двум гражданам статус супругов, не даёт основания объединять два аналогичных дела в одно производство [7]. По этой причине положение Постановления Пленума ВС РФ о возможности объединения двух дел в одно производство до сих пор остаётся формальным, поскольку решение об объединении принадлежит исключительно суду.

С.В. Воронина в одной из своих научных работ, посвящённой вопросу формирования конкурсной массы должника, являющегося супругом, выделяет проблему коллизии норм Семейного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ и Федерального закона о несостоятельности (банкротстве). Она акцентирует своё внимание на том, что ФЗ о банкротстве устанавливает специальный режим раздела имущества, при котором вначале всё совместное имущество супружеской пары реализуется, а затем уже после его реализации супруг должника получает часть денежных средств, вырученных от реализации общего имущества. Настоящее положение закреплено в п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве. Отсюда и наблюдается коллизия между п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве и ч. 1 ст. 45 СК РФ, ст. 255 ГК РФ, п. 4 ст. 213.25 Закона о банкротстве, в которых указывается, что при обращении взыскания на имущество супруга-должника необходимо предварительно выделить его долю из общего имущества. Таким образом, закон противоречит не только иным правовым актам, но и самому себе, говоря в одном случае о возможности выделения долей в общей собственности супругов и дальнейшем проведении реализации имущества, а в другом о проведении реализации имущества без выделения долей [8, с. 29].

Во многих случаях на практике супруг может вывести имущество из банкротной массы путем заключения предварительного договора, что является уклонением от обязанностей должника [9; 10].

Из всего вышесказанного следует, что в действующем российском законодательстве наблюдается большое количество пробелов в сфере банкротства физических лиц: отсутствие чётко установленной правовой нормы о возможности объединения двух дел о банкротстве супругов в одно производство для ускорения работы и экономии времени, недобросовестное использование гражданско-правовых договоров и т.д. Однако главной проблемой, требующей скорейшего разрешения, является выделение доли супруга-должника. Допускается возможность дополнения Закона о банкротстве рядом условий обращения взыскания на общее имущество в случае наличия обязательств у одного из супругов, как того предусматривает ст. 45 СК РФ. В противном случае необходимо вносить правки в ст. 235 ГК РФ, а именно: банкротство супруга-должника рассматривать как самостоятельный способ прекращения права собственности.

Список литературы

1. Коростелева Т. А. Чумакова О. Н. Проблемы социального обеспечения малоимущих семей // Модернизация в России: история, перспективы, проблемы: сборник статей круглого стола, посвященного 20-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 21 октября 2011 г. / отв. ред.: В. П. Пашин. Курск: ГИРОМ, 2012. С. 151–153.

2. Белова Т. В. К вопросу о праве общей собственности должника-гражданина или индивидуального предпринимателя при формировании и реализации конкурсной массы // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. №4. С. 101–108.

3. Сазонов В. Е. Институт банкротства физических лиц // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/institut-bankrotstva-fizicheskikh-lits/> (дата обращения: 03.04.2022).

4. Неганова М. А. Обращение взыскания на имущества должника, находящееся в общей совместной собственности супругов // Вестник науки и творчества. 2017. № 2. С. 137–144.

5. Нарбекова А. В., Нестурова Т. И. Институт банкротства супругов // ОГАРЁВ – ONLINE. 2019. № 16. С. 1–5.

6. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18 июля 2019 г. по делу №А14-14987/2015. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=149847929806013337001484539> (дата обращения: 02.04.2022).

7. Решение Арбитражного суда Новосибирской обл. от 09.12.2015 г. по делу №А45-20897/2015 // Электронное правосудие. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 02.04.2022).

8. Воронина С. В., Салимов А. С. Конкурсная масса супруга-должника: межотраслевой аспект // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. № 3. С. 26–30.

9. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданско оборота в сфере заключения сделок с недвижимостью // Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы 1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 63–65.

10. Новрузова О. Б., Койчева М. И. Электронное заключение договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В.Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.

I. V. Bezlepkin¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. N. Chumakova¹, Senior Lecturer of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

PROBLEMATIC ASPECTS OF JOINT BANKRUPTCY OF SPOUSES

This article discusses the fundamental provisions of the institution of bankruptcy in the field of family relations on the basis of current legislation and judicial practice. The joint bankruptcy of the spouses, the procedure for foreclosure on the joint property of the spouses, the principles of formation of the bankruptcy estate are analyzed.

Keywords: *joint property of spouses; debtor; foreclosure; spouses; bankruptcy estate; liability; creditor; sale of property.*

СЕКЦИЯ 8. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ПРАВОВЫХ РЕФОРМ

УДК 346

А. А. Базаров¹, аспирант кафедры гражданского права

Научный руководитель: Е. А. Шергунова¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

ПРИНЦИП ЛОКАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ-ПРАВОВАЯ ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО РЫНКА

В условиях развития информационно-телекоммуникационной сети Интернет происходит увеличение объема информационного оборота, активное развитие цифрового рынка. Современные правовые нормы не предоставляют эффективные механизмы контроля за информационным предпринимательством, что приводит к нарушению прав и свобод. Принцип локализации данных позволит сформировать правовую систему защиты участников информационного рынка.

Ключевые слова: предпринимательство; информация; локализация; данные; локализация.

Информационно-телекоммуникационные технологии как неотъемлемая часть жизни современного государства и общества являются стратегическим направлением экономического, технологического и научного развития. Универсальность, эффективность информационно-технических разработок оказывает непосредственное воздействие на степень развития различных отраслей экономики. Более того, в современных условиях развития IT-сектора применение информации и данных нацелено не только на улучшение, оптимизацию и модернизацию традиционных отраслей экономики (сельское хозяйство, металлургия, нефтеперерабатывающая промышленность и другие), но и является центральным местом организации самостоятельного, нового экономического рынка – информационного.

Широкое распространение информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – Интернет) и электронно-вычислительных систем любых видов (компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны, умные телевизоры и

другое) сформировало возможность по доступному и свободному созданию и распространению развлекательных, познавательных и научных информационных материалов с применением технологий указанной сети. В результате активной интеграции не только крупных промышленников, предпринимателей, бизнесменов в информационный рынок, но и отдельных физических лиц существенно увеличивается общий объем информационного рынка и его финансовые показатели в целом. Применение информационных технологий и использование результатов информационного рынка представляется положительной практикой для сокращения издержек как для традиционной экономики, так и для виртуальной (цифровой / информационной). Однако, несмотря на многочисленные преимущества по сокращению издержек, предоставляемые информационными сетями, современный правовой подход к организации национальных рынков представляет угрозу для национальной безопасности Российской Федерации.

Как отмечается в п. 10 раздела III Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, «расширение областей применения информационных технологий, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, одновременно порождает новые информационные угрозы». Распространение информационных технологий является закономерным процессом современности в результате активного научно-технического прогресса. Однако работа в области информационной безопасности представляется наиболее востребованной в связи с её новизной и огромной актуальностью для правоохранительных органов Российской Федерации, физических и юридических лиц, использующих информационные технологии в процессе своей деятельности. Внедрение новых вычислительных систем в повседневную жизнь усиливает эффект информационно-пространственной конвертации [1], в результате которой происходит бесконтрольная обработка огромных массивов данных об окружающем нас пространстве.

В современной правовой доктрине уделяется достаточно большое внимание вопросу безопасности персональных данных, представляющих наибольший интерес у информационных коммерческих компаний, например такими авторами как Б.И. Нефёдов [2], Д.Р. Салихов [3], К.В. Нам [4] и другими. Получаемая информация о конкретном пользователе позволяет создавать «карту» его интересов, психологический портрет, определять его социальный и экономический уровень. Помимо этого, прорабатывается вопрос определения правовой природы Больших данных (с англ. Big Data), представляющие на сегодняшний день определенную угрозу национальной безопасности, в связи с отсутствием нормативной базы их регулирования. Более того, Большие данные достаточно часто обладают пограничным состоянием между простыми данными и персональными данными, в результате чего дать надлежащую правовую оценку представляется затруднительным.

Однако, уделяя усиленное внимание исключительно персональным данным и Большим данным, акцентируя внимание на определенные виды информационных объектов, не разрешается системный вопрос обеспечения всецелой безопасности информационного рынка Российской Федерации, который заключается не только в коммерческом обороте персональных сведений о деятельности конкретных лиц, но и представляет собой оборот любой информации, информационной продукции (аудиовизуальные произведения, изображения, текстовые материалы, программное обеспечение различного вида использования и другое) на территории РФ. Именно этот вопрос встал наиболее остро в последние время.

В связи с нестабильной политэкономической обстановкой в мире, сложившейся в результате проведения специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины, определенные зарубежные страны, являющиеся в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р недружественными государствами, осуществляют «подрывную деятельность» на информационном рынке Российской Федерации. Множество отечественных юридических и физических лиц потеряли полный или частичный доступ к информационной продукции в результате односторонних действий иностранных компаний, прямо противоречащих законодательству Российской Федерации. Например:

1) Nintendo eShop – ограничен доступ к приобретенной и новой информационной продукции [5];

2) Microsoft [6], Sony [7] прекратили продажи в собственных онлайн-магазинах, ограничен функционал игровых приставок компаний;

3) Spotify полностью приостановили работу в России [8]. Наличие оплаченной подписки не позволит пользователям из России пользоваться онлайн-сервисом;

4) EA [9], Ubisoft [10], CD Project RED [11] и другие компании, полностью прекратили продажу продукции на территории РФ;

5) и многие другие цифровые магазины и информационные сервисы.

Массовый уход информационных компаний, отказ от возврата денежных средств физическим и юридическим лицам за непредоставленную информационную продукцию являются серьезным ударом по информационному рынку Российской Федерации. Некоторые компании, несмотря на наличие внешнеполитического давления со стороны государственных органов, заявили о временном прекращении деятельности на территории РФ и о желании будущего возвращения. Независимо от исхода, вернуться ли компании или нет на отечественный информационный рынок, стоит констатировать факт не только огромных экономических потерь, но и информационных. Потребители потеряли возможность приобретать как ранее распространяемые на территории Российской Федерации информационные продукты, так и готовящиеся к распространению, потеряли доступ к уже приобретенному.

Одним из эффективных способов обеспечения безопасности отечественного информационного рынка – нормативное закрепление принципа локализации данных. Автором [1] ранее предлагался механизм правовой локализации механизмов обработки персональных данных граждан Российской Федерации, однако изменяющиеся обстоятельства в цифровом сегменте экономики свидетельствуют о том, что отсутствие жестких механизмов физического контроля над всей информацией приводит к существенным злоупотреблениям контрагентов. Принцип локализации данных для предпринимательской деятельности в сети Интернет предполагает обязательное размещение вычислительного программного обеспечения, необходимого для функционирования цифровых магазинов и сервисов, а также информационной продукции, распространяемой на территории Российской Федерации на технической аппаратуре, расположенной на территории РФ. Аналогичный подход встречается в законодательстве Китайской Народной Республики [12; 13]. В дополнение к принятому Федеральному закону от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации», предусматривающего регистрацию юридического лица иностранными компаниями на территории Российской Федерации (на данный момент ограниченный перечень компаний), реализация принципа локализации данных в сфере информационного предпринимательства обеспечит правовые и технические механизмы решения следующих проблем:

1) минимизация угрозы информационной безопасности при обработке персональных данных на территории иностранного государства;

2) обеспечение информационной безопасности и стабильности информационного рынка Российской Федерации;

3) минимизация угрозы ограничения доступа к информационной продукции иностранными компаниями в связи с её территориальным и постоянным размещением на территории РФ;

4) расширение и развитие информационно-вычислительных комплексов на территории РФ, появление новых дата-центров;

5) устранение ограничений в области финансового оборота. Денежные средства за информационные продукты перечисляются на счета юридических лиц, зарегистрированных на территории РФ;

6) невозможность одностороннего прекращения договора в связи с наличием внешнеполитического давления на контрагента;

7) наличие возможности государственного технического контроля и управления информационной продукцией, размещенной на территории Российской Федерации. Возможность эффективно блокировать информацию, запрещенную к распространению на территории Российской Федерации.

Исходя из вышеизложенного, современная парадигма организации правового и государственного контроля за развитием информационного рын-

ка, или цифровой экономики в целом, представляется недостаточно эффективной [16; 17].

Размещение информации и информационной продукции за пределами Российской Федерации не позволяет государственным органам надлежащим образом обеспечивать контроль над информационной продукцией, а также предоставлять эффективные правовые и технические механизмы противодействия незаконным ограничениям к иностранной информационной продукции. Принцип локализации данных способен разрешить вышеуказанные проблемы, стабилизировать и обезопасить информационное предпринимательство в Российской Федерации. Принцип локализации данных – ключевой принцип формирования новой информационной государственной политики.

Список литературы

1. Базаров А. А. Информационно пространственная конвертация, коммерческий информационный оборот – развитие рынка данных и его контроль локализацией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 6. С. 22–35.

2. Нефедов Б. И., Истомина Н. А. Особенности формирования межсистемных правовых образований для регулирования защиты персональных данных при их трансграничной передаче // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 164–181.

3. Салихов Д. Р. Пандемия и персональные данные: как распространение новой коронавирусной инфекции бросает новые вызовы персональным данным // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 46–50.

4. Нам К.В. Особенности развития правового регулирования оборота и защиты персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. № 5. С. 73–89.

5. Доступность Nintendo eShop и магазина тем в вашем регионе. URL: <https://www.nintendo.ru/-/Nintendo-Switch/-Nintendo-eShop--1379026.html> (дата обращения: 19.05.2022).

6. Microsoft приостановила работу в России. URL: <https://rg.ru/2022/03/04/microsoft-priostanovila-rabotu-v-rossii.html> (дата обращения: 19.05.2022).

7. Sony прекратила продажи PlayStation и закрыла PlayStation Store в России из-за событий на Украине. URL: <https://www.ixbt.com/news/2022/03/10/sony-playstation-playstation-store.html> (дата обращения: 19.05.2022).

8. Spotify приостанавливает работу в России – Часто задаваемые вопросы. URL: <https://support.spotify.com/ru-ru/article/russia-service-suspended/> (дата обращения: 19.05.2022).

9. Update on Electronic Arts titles in Russia and Belarus. URL: <https://www.ea.com/news/update-on-electronic-arts-titles-in-russia-and-belarus?isLocalized=true> (дата обращения: 19.05.2022).

10. Ubisoft Stops Sales in Russia, Following Major Rivals. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-07/ubisoft-stopping-sales-in-russia-following-major-rivals> (дата обращения: 19.05.2022).

11. CD Projekt и Bloober Team приостановят продажу своих игр в России и Беларуси. URL: <https://3dnews.ru/1061301/cd-projekt-i-bloober-team-priostanovyat-prodagu-svoih-igr-v-rossii-i-belarusi> (дата обращения: 19.05.2022).

12. Трощинский П.В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования // Право и цифровая экономика. 2021. № 1. С. 44–58.

13. Новрузова О. Б., Койчева М. И. Электронное заключения договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.

14. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданско оборота в сфере заключения сделок с недвижимостью // Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы 1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 63–65.

15. Чумакова О. Н. Предварительный договор: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 4(21). С. 50–55.

16. Блинкова Е. В, Сурков А. Н. Государство как субсидиарный ответчик // Гражданское право. 2012. № 4. С. 7–9.

17. Сурков А. Н. Правовые особенности «аутсорсинга» в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военное право. 2012. № 4. С. 138–151.

A. A. Bazarov¹, Postgraduate student of the Department of Civil Law

Supervisor: E. A. Shergunova¹, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

THE PRINCIPLE OF DATA LOCALIZATION - THE LEGAL BASIS FOR THE NATIONAL SECURITY OF THE INFORMATION MARKET

In the context of the development of the Internet and, there is an increase in the volume of information turnover, the active development of the digital market.

Modern legal norms do not provide effective mechanisms for monitoring information entrepreneurship, which leads to violation of rights and freedoms. The principle of data localization will allow to form a legal system for the protection of information market participants.

Keywords: *entrepreneurship; information; localization; data; market.*

УДК 347.19

А. А. Кораблёва¹, студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: О. А. Коротких¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ В РОССИИ

В статье проводится сравнительный анализ правового статуса крестьянского (фермерского) хозяйства в качестве юридического лица и без образования юридического лица, рассматриваются особенности и некоторые проблемы правового регулирования.

Ключевые слова: *крестьянское (фермерское) хозяйство; юридическое лицо; индивидуальный предприниматель; сельское хозяйство; родство; свойство.*

Право призвано объективно отражать интересы общества и его членов, а потому оно должно отвечать реалиям современного этапа развития государства и общества [1], учитывать преобразования, которые происходят во всех его сферах. Крестьянские (фермерские) хозяйства стали одними из первых субъектов предпринимательской сельскохозяйственной деятельности на постсоветском пространстве. Закон РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» определял крестьянское (фермерское) хозяйство как самостоятельный хозяйствующий субъект, который наделен правами юридического лица и представлен конкретным гражданином, группой лиц либо семьей. В соответствии с законом деятельность осуществлялась на основе использования имущества, а также земельных участков, находящихся в их пользовании, в пожизненном наследуемом владении, в аренде или в собственности. Оно представляло собой форму свободного предпринимательства, построенную на принципах экономической выгоды.

Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», заменивший Закон РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» наполнил дефиницию несколько отличающимся содержанием. В соответствии с ним фермерское хозяйство в Российской Федерации является объединением граждан, которые связаны родством или свойством и осуществляют совместную производственную или другую хозяйственную деятельность на основе их личного участия и общей собственности. При этом не исключается возможность создания фермерского хозяйства одним гражданином. Как видно из определения, законодатель не указывает, что КФХ наделяется правами юридического лица. Напротив, в п. 3 ст. 1 говорится, что фермерское хозяйство теперь может быть зарегистрировано без образования юридического лица, однако к предпринимателям-фермерам применяются положения гражданского законодательства Российской Федерации, регулирующие коммерческую деятельность юридических лиц.

На сегодняшний день возможны две формы осуществления деятельности фермерским хозяйством: в качестве юридического лица и без образования такового путем заключения соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства или без его заключения. Так, соглашение о создании КФХ является организационно-имущественным договором и относится к группе организационных соглашений, таких как предварительный договор [2; 3].

По своей сути КФХ являются разновидностью индивидуального предпринимательства, но при желании граждане могут объединиться в простое товарищество (ст. 257 ГК РФ). На базе же общего имущества уже может быть создано юридическое лицо в виде хозяйственного товарищества или производственного кооператива в соответствии со ст. 259 ГК РФ. Важно рассмотреть правовой статус каждой из форм.

Исходя из содержания понятия, законодателем выделяются две основные черты КФХ, характеризующие его обособление в гражданском законодательстве: родство, или свойство, и общее имущество [4, с. 155].

В ст. 86.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации указывается, что гражданин или граждане, которые ведут совместную сельскохозяйственную деятельность без образования юридического лица, имеют право на создание юридического лица – крестьянского (фермерского) хозяйства. В таком случае их объединение наделено рядом особенностей, среди которых:

- добровольный характер;
- личное участие членов в деятельности КФХ;
- участниками (членами) могут быть только граждане (не индивидуальные предприниматели и не юридические лица);

- образовано для осуществления совместной производственной или иной хозяйственной деятельности в сфере сельского хозяйства;
- обязанность участников (членов) КФХ – внести имущественные вклады;
- субсидиарная ответственность участников (членов) по обязательствам;
- запрет для участников (членов) одного фермерского хозяйства – быть участниками (членами) другого фермерского хозяйства.

Важно заметить, что в России до сих пор отсутствует специальный федеральный закон, который бы содержал правовые нормы, касающиеся разработки учредительных документов, создания уставного (складочного) капитала КФХ, а также нормы, посвященные вопросам управления фермерским хозяйством как юридическим лицом, распределению прав, обязанностей, ответственности членов КФХ и иные существенных моментов [5, с. 208]. Крестьянские (фермерские) хозяйства, действующие как юридические лица, при осуществлении деятельности и разрешении вышеперечисленных вопросов руководствуются Гражданским Кодексом Российской Федерации – статьями, относящимися к корпоративным юридическим лицам.

Устав относится к обязательным атрибутам фермерского хозяйства, зарегистрированного в качестве юридического лица, т.к. согласно ч. 1 ст. 52 ГК РФ все юридические лица, за исключением хозяйственных товариществ и государственных корпораций, обязаны действовать на основании уставов. В Уставе отражаются права, обязанности и ответственность участников (членов). Так, например, каждый член КФХ имеет право участвовать в управлении делами фермерского хозяйства в порядке, определенном уставом, получать предусмотренную часть доходов от деятельности фермерского хозяйства (что подразумевает как денежную, так и натуральную форму), получать информацию о деятельности фермерского хозяйства и знакомиться с бухгалтерской документацией за требуемый период. В обязанности входит запрет на распространение конфиденциальной информации, касающейся КФХ, запрет на совершение действий, способных нанести материальный вред или вред деловой репутации КФХ, и другое. Это положение – об обязанности вносить в Устав информацию о правах, обязанности и ответственности участников (членов) соответствует ст. 65.2 ГК РФ и ст. 15 ФЗ № 74-ФЗ.

Говоря о правовом статусе крестьянского (фермерского) хозяйства без образования юридического лица, следует иметь в виду его отличия от стандартной формы ведения предпринимательства гражданами. Это объединение, построенное на родстве или свойстве, имеет ряд особенностей.

В фермерском хозяйстве без образования юридического лица обязательно назначение главы КФХ. Им по взаимному согласию всех членов при-

знается один из его членов либо, при создании фермерского хозяйства одним гражданином, сам гражданин.

Глава КФХ должен быть зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя (п. 5 ст. 23 ГК РФ), а регистрация КФХ в качестве юридического лица осуществляется по формам документов, подаваемых при государственной регистрации других юридических лиц в Российской Федерации. Приказом ФНС России от 31 августа 2020 г. не предусмотрено никакой специфики в части необходимых документов при создании КФХ – юридического лица.

Заключая сделки, глава КФХ действует не от своего имени, как делал бы индивидуальный предприниматель в традиционном виде, а от имени фермерского хозяйства. В таком случае права, обязанности и ответственность возникают для всех членов крестьянского (фермерского) хозяйства, если оно образовано не одним лицом. В ст. 16 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» определено, что глава КФХ должен проявлять добросовестность и разумность, действуя в интересах фермерского хозяйства. Это означает, что намеренное совершение действий, способных хоть в какой-то мере ущемить законные интересы и права других членов фермерского хозяйства либо самого фермерского хозяйства, запрещено.

В полномочия главы КФХ входят вопросы организации деятельности хозяйства, выдачи доверенностей, осуществления приема на работу в крестьянское хозяйство работников, их увольнение, дисциплинарные меры, учет и ведение документации и отчетности и другие установленные внутренними документами полномочия. Смена главы не приводит к прекращению его членства в крестьянском (фермерском) хозяйстве [6, с. 49].

Интересным в данной ситуации представляется вопрос правосубъектности. Фактически данный вид объединения граждан не является ни физическим, ни юридическим лицом. С одной стороны, эта разновидность предпринимательской деятельности регулируется гражданским законодательством с применением норм, относящихся к коммерческим организациям – юридическим лицам. С другой стороны, фермерское хозяйство представляет его глава – индивидуальный предприниматель. Руководствуясь этими утверждениями, М.Д. Шапсугова делает вывод о двоякости рассмотрения правосубъектности фермерского хозяйства [7, с. 75]. Являясь формой индивидуального предпринимательства, КФХ в то же время обладает многими характерными признаками юридического лица (организационное единство, имущественная обособленность, действие от своего имени и др.). Вместе с тем академик В.В. Лаптев еще в 1999 году выражал мнение, что деятельность КФХ, включающего нескольких членов, не может быть сведена исключительно к индивидуальной предпринимательской деятельности главы КФХ [8, с. 16].

Кроме вышеперечисленных особенностей, Федеральным законом оговорен также ряд иных существенных моментов. В их числе минимальный порог возраста членов фермерского хозяйства, который составляет шестнадцать лет, и возможность принятия в его члены граждан, не состоящих в родстве с главой КФХ. Количество таких граждан не должно превышать пять человек (пп. 2, п. 2 ст. 3 ФЗ № 74-ФЗ). Прием новых членов осуществляется на основании взаимного согласия всех членов КФХ или единолично главой в случае отсутствия других членов. Основанием выступает письменное заявление. Выход из фермерского хозяйства происходит также путем подачи главе КФХ письменного заявления или же в случае смерти лица.

Таким образом, в завершение необходимо отметить, что законодательство о крестьянских (фермерских) хозяйствах нуждается в дальнейшей реформации. Российская Федерация – крупнейшее государство в мире с огромным сельскохозяйственным потенциалом. Внесение качественно новых изменений в правовые акты, в частности, в Гражданский кодекс, поспособствует конкретизации правового статуса КФХ и прогрессивному развитию гражданско-правовых отношений в данной сфере.

Список литературы

1. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // *Провинциальные научные записки*, 2017. № 1 (5). С. 104–106.
2. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота в сфере заключения сделок с недвижимостью // *Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы 1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов*, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 63–65.
3. Чумакова О. Н. Предварительный договор: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2016. № 4(21). С. 50–55.
4. Рагулина О. В., Тарасов Ю. А. Крестьянское (фермерское) хозяйство: понятие и особенности // *Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: ценности и нормы правовой культуры в России: сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции с включением материалов XI-го круглого стола*. Курск, 2021. С. 154–158.
5. Селезнева А. Х. Правовой статус крестьянских (фермерских) хозяйств // *Финансовая система Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты: материалы всероссийской научно-практической конференции*. Уфа, 2021. 2020. С. 205–2011.

6. Черячукина Е. А, Алябьева К. Ю. Крестьянское (фермерское) хозяйство как один из видов коммерческих организаций в РФ // Интеграция наук. 2017. № 2 (6). С. 48–50.

7. Шапсугова М. Д. Крестьянское (фермерское) хозяйство как форма ведения индивидуальной предпринимательской деятельности в сфере сельского хозяйства // Аграрное и земельное право. 2019. № 5. С. 74–77.

8. Лаптев В. В. Проблемы предпринимательской (хозяйственной) правосубъектности // Государство и право. 1999. № 11. С. 13–21.

A. A. Korableva¹, 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: O. A. Korotkih¹, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

¹*Southwest State University, Kursk*

MODERN FORMS OF ACTIVITY OF PEASANT (FARMER) ECONOMY IN RUSSIA

The article provides a comparative analysis of the legal status of a peasant (farmer) economy as a legal entity and without the formation of a legal entity, discusses the features and some problems of legal regulation.

Keywords: *peasant (farmer) economy; legal entity; individual entrepreneur; agriculture; kinship; property.*

УДК 347

К. С. Солохин¹, студент 1 курса юридического факультета

Научный руководитель: Ю. О. Пронина¹, кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского права

¹*Юго-Западный государственный университет, г. Курск*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ LEGAL DESIGN В РАМКАХ ПЕРЕХОДА К ТЕХНОЛОГИИ СМАРТ-КОНТРАКТА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПКАХ

В данной работе производится анализ возможности применения элементов технологии legal design при формировании смарт-контрактов в рамках осуществления деятельности органов муниципальной власти в Российской Федерации.

Ключевые слова: смарт-контракт; legal design; программный код; цифровое право; децентрализованный реестр; блокчейн-платформа.

Развитие научно-технического прогресса затрагивает многие направления деятельности человека в современном обществе, которые, в свою очередь, подвергнуты правовому регулированию. «Право ценно в силу его реальной способности влиять на жизнь во благо общества и его членов» [1, с.106]. Непрерывно развивающиеся медицинские технологии, авиационной промышленности, автомобилестроения и иных областей человеческого бытия исследуются и описываются множеством ученых по всему миру, но наиболее развивающимися и динамичными областями по праву являются области, связанные со «всемирной паутиной». В частности, рассматриваемые в данной работе смарт-контракты являются одним из наиболее перспективных направлений развития как взаимоотношений между контрагентами, так и развития мировой экономики в целом.

Идея «смарт-контрактов» (англ. smartcontract – «умный контракт») не нова. Еще в 1996 г. Ник Сабо (учёный в области информатики, криптографии и права) высказывал следующую идею, что смарт-контракт есть «цифровое представление набора обязательств между сторонами, включающее в себя протокол исполнения этих обязательств» [2].

Являясь по своей сути письменной формой выражения воли сторон («Смарт-контракт – разновидность письменной формы сделки. Код – это всего лишь форма, в которой стороны зафиксировали свою волю. Закон не запрещает фиксировать волю не только на естественном языке» [3, с. 16]), сама данная воля фиксируется в цифровом виде (хотя наиболее распространенный способ заключается в дублировании контрактных обязательств на бумажном носителе, что уже нивелирует часть привлекательности смарт-контрактов), что порождает автоматическое ее исполнение в момент наступления определенных обстоятельств, предусмотренных контрактом. Это позволяет нивелировать субъективный характер несоблюдения обязательств со стороны кого – либо из контрагентов. Являясь довольно интересной задумкой, смарт-контракты долгое время не могли быть использованы на практике по факту отсутствия технической возможности создать систему, максимально защищенную и минимально, на сколько это возможно, мало затратную.

Таковой технологией стала технология «блокчейн». Благодаря децентрализации и невозможности влияния на сформированную цифровую информацию «задним числом» смарт-контракты получили «глоток свежего воздуха» в своем развитии. Сам по себе блокчейн есть децентрализованный реестр информации, сформированный по системе связанных блоков (Block) в единую цепь (chain), при котором вся информация хранится на всех устройствах реестродержателей одновременно. Это означает, что, если есть

необходимость изменить какую-либо информацию в ячейке цепи, необходимо изменить ее в большинстве элементов системы, а это миллионы устройств. Находясь в данной системе, смарт-контракт ожидает появления исполняемого кода (к примеру, совершение определенной стороной своей части сделки), после чего исполняется алгоритм действия, предусмотренный данным контрактом. Ярким примером смарт-контракта, используемого на практике в РФ, является смарт-контракт между Альфа-банком совместно с S7 Airlines и оператором авиатопливного рынка «Газпромнефть-Аэро». Суть контракта заключалась в том, что при предполетной подготовке капитан воздушного судна запрашивал у оператора («Газпромнефть-Аэро») объем топлива, который потребуется для совершения перелета до точки назначения, после чего сумма списывалась со счета S7 Airlines в Альфа-банке и запускался старт заправки самолета [4]. Все эти действия происходили в считанные минуты, что показывает один из самых главных плюсов смарт-контрактов – оперативность.

Рассмотрев понятие, сущность и имеющиеся примеры применения смарт-контрактов, следует рассмотреть второе ключевое понятие, которое будет рассматриваться в рамках данной работа – legal design. Сама по себе legal design довольно широкое понятие, включающее в себя как простую «инфографику и комиксы» позволяющие «визуализировать данные в судебных спорах» [5], так и «искусство мыслить творчески при решении юридических задач» [6].

Применение технологии legal design может выражаться в следующих направлениях:

1. Упрощение или усложнение юридических документов. Применение технологии legal design в целях упрощения юридических документов позволит облегчить формирование кодированного варианта договора, а также облегчит его исполнение в рамках той же самой блокчейн-системы.

2. Использование визуальных форм подачи информации. Часто технология legal design отождествляется именно с данной формой ее проявления. В таком контексте legal design позволяет облегчить понимание сути заключаемого договора, что, в частности, позволяет более четко сформировать кодированную форму смарт-контракт лицу, которое не всегда может и должно обладать специальными юридическими знаниями в той или иной сфере договорных отношений. При этом, если возникнет необходимость рассмотрения спора по смарт-контракту в суде, визуальная форма позволит более четко и кратко донести до суда свою точку зрения (таймлайны сроков исполнения обязательств, иллюстрации сложных технических понятий и т.д.).

Для визуализации, к примеру, могут использоваться или стандартные ссылки на централизованные базы данных (облачные хранилища, виртуальные диски и т.д.) либо может быть применена технология невзаимозаменяе-

мого токена (NFT), но без цели выставления данного токена на специализированные биржи. Последний вариант позволит обезопасить графическую информацию от какого-либо изменения или иного вмешательства за счет того, что данный токен может быть расположен во все той же блокчейн-системе, а сам данный токен можно встроить в смарт-контракт путем формирования смарт-контракта в смарт-контракте, словно маленькую матрешку в большой матрешке. Выглядит довольно сложно и громоздко, но это позволит максимально обезопасить как кодированную, так и графическую информацию по определенному смарт-контракту. Ну и, по мнению довольно крупной части прогрессивной общественности, за блокчейном и всем, что из него вытекает, будущее цифрового развития мирового сообщества в целом.

3. Расстановка акцентов на ключевые моменты договора. Во многом это касается бумажной формы договора в смешанном смарт-контракте, при дублировании кодированной формы бумажной формой, но акцентирование можно применять в рамках все той же визуализации информации.

Рассмотрев основные понятия, затрагиваемые в рамках данной работы, следует определить, каким же образом можно совместить технологию смарт-контрактов и технологию legal design в рамках муниципальных контрактов?

Распространение коронавирусной инфекции Covid-19 в последние несколько лет кардинально подействовало на различные сферы общественной жизни, в том числе и в вопросах деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Изменения, вступившие в силу с 1 января 2022 года и серьезно изменившие Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, показали нацеленность государства на еще большее расширение цифровизации аппарата публичной власти, вследствие чего появляется необходимость поиска новых вариантов в вопросах обеспечения нормального исполнения функций органов публичной власти с использованием современных достижений науки и техники.

Так, каким образом legal design и смарт-контракты могут помочь в решении вышеуказанных проблем? Сама по себе legal design может дать глоток свежего воздуха в бюрократический аппарат публичной власти – ни для кого не секрет, что составление различных бумаг занимает довольно большое количество времени у работников органов государственной власти и местного самоуправления, а внедренные элементы технологии legal design позволят оптимизировать и, где это возможно, облегчить составление документации (к примеру путем составления дополнительного «облегченного» контракта, содержащего существенные условия). Что касается совместного применения вышеуказанных технологий, то они могут создать очень хорошую синергию вследствие следующих положительных моментов:

1. Смарт-контракты, являясь выражением договорной конструкции в программном коде, очень сильно зависят от точного и, на сколько это возможно, простого оформления условий исполнения данного смарт-контракта. В частности, в данный положительный момент подпадает еще и обеспечение более точного понимания лицом, ответственным за формирование смарт-контракта, той задачи, которая перед ним ставится. Самым явным вариантом выбора исполнителя при формировании смарт-контрактов является привлечение специалиста в формирование программного кода, который объективно не будет обладать специфическими знаниями и умениями, которыми обладают составители соответствующих государственных и муниципальных контрактов. В связи с этим для формирования смарт-контракта необходима более простая и четко сформулированная по существенным условиям форма первоначального договора – это позволит повысить усвоение поставленной задачи программистом, вследствие чего будет повышено и качество программного кода смарт-контракта.

2. Ключевым положительным моментом смарт-контрактов является их самоисполняемость – характеристика, понимающая под собой автоматизированное исполнение заложенных в программный код действий, при наступлении определенных обстоятельств, также отраженных в соответствующем программном коде. Данная автоматизированность позволяет уменьшить влияние человеческого фактора при исполнении договора – сокращаются сроки исполнения, так как в случае появления информации у «оракулов» блокчейн-системы об обстоятельствах, заложенных в смарт-контракте, данный смарт-контракт подлежит незамедлительному исполнению, минуя человеческий фактор, что позволяет ускорить выполнение различных государственных и муниципальных программ, в рамках которых могут заключаться соответствующие смарт-контракты и смешанные контракты. Это также позволяет защитить исполнителя контракта от возможного нарушения своих обязанностей заказчиком – изменить смарт-контракт очень сложно и требует осуществления совместных действий контрагентов смарт-контракта, что также позволяет избежать коррупционных действий. Данная положительная особенность является несомненным плюсом в муниципальных контрактах – муниципальный заказчик не опасается за факт исполнения контракта исполнителем, а исполнитель, в свою очередь, уверен в том, что его работа будет оплачена.

3. Еще одним положительным моментом рассматриваемой синергии является облегчение последующих возможных судебных разбирательств. На период 2020 года судами Российской Федерации различных уровней было обжаловано 5,4 тысяч решений органов ФАС РФ [7, с. 35], а рассматриваемых заявлений объективно было гораздо больше. При этом общая нагрузка на судебную систему не дает судебным органам достаточного количества

времени для кропотливого изучения материалов дела и представленных доказательств, а также их надежности и обоснованности. В данном случае технология legal design позволит ускорить процесс рассмотрения ключевых положений судьей, в частности за счет применения графических методов передачи информации (таймлайны исполнения контрактов, иллюстрации, схемы и так далее). Оформление данных графических материалов может происходить как отдельно к конкретному судебному разбирательству, так и непосредственно в целях устранения возможных недопониманий сторон в условиях контракта, порядка и сроках их исполнения с применением, к примеру, технологии NFT, как уже указывалось ранее. Добавление графического материала непосредственно в смарт-контракт через оформленное в блокчейне NFT позволит максимально обезопасить информацию от возможного умышленного или случайного изменения или удаления, что позволит использовать заложенную в смарт-контракте информацию в качестве гарантированно правильной формы волеизъявления сторон, выраженной ими при подписании контракта и оформленной или только в виде программного кода, или в смешанной форме с формированием расширенного бумажного договора и сокращенного смарт-контракта.

Рассмотрев положительные моменты использования технологий legal design и смарт-контракта, следует отметить и отрицательные моменты применения данных технологий в муниципальных контрактах:

1. Отсутствие гибкости в смарт-контрактах – это как плюс, так и минус – по своей природе система блокчейн не имеет возможности вносить изменения в заложенную в ячейку системы информацию вследствие децентрализованности системы. Этот факт является как плюсом, вследствие вышеуказанной невозможности одностороннего изменения, что уменьшает опасность применения коррупционных схем в муниципальных закупках, так и минусом.

Большой документооборот, в особенности в рамках муниципальных закупок, способствует возникновению различных погрешностей и недочетов при составлении как бумажной версии контракта, так и последующего смарт-контракта, а исправляются данные недочеты созданием нового смарт-контракта, отменяющего старый, что удваивает затраты вследствие удвоения работы лица, пишущего программный код для смарт-контракта. Также само лицо, ответственное за программный код смарт-контракта, может допускать ошибки как зависящие от него самого, так и вызванные недопониманием между сотрудниками муниципального органа и программистом по сущности программируемого смарт-контракта. В конечном итоге программист банально не может разбираться во всех тонкостях муниципальных закупок, но данное условие призвана исправлять технология legal design, как раз таки упрощающая текст для его понимания программистом для формирования смарт-контракта.

2. Высокая стоимость создания смарт-контракта. Стоимость смарт-контракта предполагает обращение, в особенности на первых этапах апробирования смарт-контрактов в муниципальных закупках, к специально обученному человеку, обладающему знаниями и умениями в программировании. Услуги высококлассного программиста имеют довольно существенную цену, в особенности с учетом высокой дефицитности многих муниципальных бюджетов, а если учитывать тот факт, что первоначально будет допускаться немало ошибок, что повлечет еще большие затраты, с финансовой точки зрения смарт-контракты – необоснованная трата ресурсов. В эти же траты следует занести и оплату занесения информации в блокчейн-систему, а также формирование и графического материала, и затраты специалистов по legal design, и прочие затраты. В данном вопросе следует пойти немного по другому пути – обучать молодых программистов работе со смарт-контрактами с уклоном на соответствующие специфические знания в вопросах муниципальных закупок и формировать в муниципалитетах штатные должности программистов, если таковые отсутствуют (вследствие этого необходимо и выделять соответствующие средства, но учитывая современную ситуацию – это еще один способ удержать молодые таланты в стране), а также повышать квалификацию штатных юридических работников в направлении legal design.

3. Проблемы правового регулирования [8, с. 249]. В основном эта проблема касается смарт-контрактов, являющихся технической инновацией, что требует соответствующих технических знаний от законодательных и правоприменительных органов, коими они могут не обладать. Вследствие этого имеется пробел в законодательном регулировании, который пытаются с переменным успехом исправить с 2019 года. При этом, если учитывать, что одной из сторон смарт-контрактов в муниципальных контрактах является орган публичной власти, правовая регламентация хотя бы базовых положений крайне необходима.

Также негативным моментом может являться анонимность контрактов в блокчейн системе – это ограничивает элементы анализа и контроля заключаемых контрактов муниципальными органами со стороны правоохранительных органов, но этот минус покрывается наличием бумажных оригиналов муниципальных контрактов, если они имеются, а также путем отражения идентификационной информации о смарт-контракте в соответствующей документации. Данная информация может отражаться и в соответствующих реестрах закупок, доступных публично. Также, вследствие слабого правового регулирования, страдают и возможности правовой защиты – суды объективно не могут обладать достаточной практической базой дел, в которых фигурировали смарт-контракты, чтобы выработать практические положения по рассмотрению соответствующей категории дел по муниципальным контрак-

там с использованием систем смарт-контракта. Здесь можно провести аналогию с организационно-неимущественными сделками, которые не подлежат регистрации, что порождает повод для мошенничества [9; 10].

4. В данном случае может помочь вся та же технология legal design, с помощью которой формируются графические материалы, а также кратко и емко будут объяснены ключевые положения смарт-контракта, что позволит увеличить шансы как минимум к рассмотрению дела с подобным специфическим элементом, коим является смарт-контракт.

Рассмотрев все плюсы и минусы синергического применения технологий смарт-контракта и legal design, следует отметить, что в отдельности технология legal design является очень жизнеспособной и позволяющей кардинально облегчить общий документооборот судебной системы, в частности в судебных разбирательствах с участием муниципальных органов, которые и рассматриваются в данной работе. Также возможно облегчить документооборот в рамках аутсорсинга для малого и среднего бизнеса [11].

Что касается отдельного рассмотрения смарт-контрактов, то данная правовая конструкция жизнеспособна и в будущем может значительно облегчить экономический оборот, при этом на данный период времени следует констатировать факт того, что проблем со смарт-контрактами больше, чем их плюсов, а также тот факт, что субъекты экономики все еще с настороженностью относятся к данной конструкции и «по привычке» дублируют смарт-контракт на физический носитель. При этом часть негативных моментов, вроде сложности составления, частично нивелирует технология legal design, но минусов все равно еще довольно много. Все это означает, что обществу в этом направлении права и техники явно есть куда стремиться.

Список литературы

1. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // Провинциальные научные записки. 2017. № 1 (5). С. 104–106.

2. Nick Szabo. A Formal Language for Analyzing Contracts // BitCryptoNews. 2002. URL: <https://bitcryptonews.ru/kripto-lichnosti/nik-sabo-nick-szabo> (дата обращения: 02.03.2022).

3. Вашкевич А. М. Смарт-контракты: что, зачем и как. 2018. URL: <https://www.digital-energy.ru/wp-content/uploads/2019/12/smart-contracts.pdf> (дата обращения: 02.03.2022).

4. Смарт-контракты: как они работают и зачем нужны. URL: <https://pravo.ru/story/205151/> (дата обращения: 02.03.2022).

5. Визуализация юридических данных: что это и как помогает победить в суде. URL: <https://secrets.tinkoff.ru/blogi-kompanij/legal-design/> (дата обращения: 03.03.2022).

6. Legal Design – просто модные слова или супероружие юристов? URL: <https://vc.ru/legal/287861-legal-design-prosto-modnye-slova-ili-superoru-zhie-yuristov> (дата обращения: 03.03.2022).

7. Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ по итогам 2020 года. URL: <https://www.minfin.ru/common/upload/library/2021/05/main/44-FZ.pdf> (дата обращения: 04.03.2022).

8. Харебов О.Ф. Правовое регулирование смарт-контрактов // Власть закона. 2019. № 3(39). С. 246–254.

9. Чумакова О. Н. Предварительный договор: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 4(21). С. 50–55.

10. Новрузова О. Б., Койчева М. И. Электронное заключения договора энергоснабжения // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова, Курск, 13–14 декабря 2019 г. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 222–225.

11. Сурков А. Н. Правовые особенности «аутсорсинга» в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военное право. 2012. № 4. С. 138–151.

K. S. Solokhin¹, 1st year student of the Faculty of Law

Supervisor: Yu. O. Pronina¹, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwestern

¹*State University, Kursk*

THE USE OF LEGAL DESIGN TECHNOLOGY AS PART OF THE TRANSITION TO SMART CONTRACT TECHNOLOGY IN MUNICIPAL PROCUREMENT

This paper analyzes the possibility of using elements of legal design technology in the formation of smart contracts within the framework of the activities of municipal authorities in the Russian Federation.

Keywords: smart contract; legal design; software code; digital law; decentralized registry; blockchain platform.

СЕКЦИЯ 9. МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ ЧАСТНОГО ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ И ПРИОРИТЕТЫ

УДК 34/61

А. В. Кирильченко¹, студент 2 курса магистратуры юридического факультета

Научный руководитель: Е. Ф. Цокур¹, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

В статье рассматриваются проблемы правовой природы договора суррогатного материнства, а также регулирование правоотношений в рамках данного договора.

Ключевые слова: договор; суррогатное материнство; вспомогательные репродуктивные технологии; генетические родители; суррогатная мать; национальное законодательство.

Статистика деторождения в молодых парах сегодня довольно печальна. В настоящее время считается, что в России более 17% браков являются бесплодными, большинство из них нуждаются в помощи тех или иных репродуктивных технологий [1, с. 77].

Осложняется ситуация еще и тем, что существуют такие определенные факторы, как биологическая несовместимость родителей, противопоказания к беременности из-за состояния здоровья матери, наследственные заболевания. Однако с появлением современных методов репродуктивных технологий у супружеских пар появилась возможность самостоятельно растить и воспитывать свое потомство. Суррогатное материнство – один из таких методов.

Суррогатное материнство предполагает вынашивание и рождение ребенка по договору, заключенному между суррогатной матерью и родителями, предоставляющими свой генетический материал (генетические родители), то есть при этом способе в зачатии и рождении ребенка участвуют три человека: генетический отец и генетическая мать – люди, предоставившие генети-

ческий материал для оплодотворения, суррогатная мать – женщина детородного возраста, согласившаяся выносить и родить ребенка от генетических родителей [2].

Заключается соглашение между сторонами о том, что суррогатная мать обязуется выносить и родить ребенка, а родители – забрать ребенка к себе после рождения. Однако проблема заключается в том, что в юридической литературе нет однозначной правовой позиции по договору суррогатного материнства, в связи с этим существует множество ситуаций, в которых одна из сторон договора ничего не представляет. Здесь можно отметить переходный характер предварительного и основного обязательства, а именно зачатие и вынашивание ребенка и непосредственная передача биологическим родителям, что может соответствовать конструкции основного и предварительного договора [3; 4; 5].

С одной стороны, суррогатная мать может не захотеть отдавать родившегося ребенка, оправдывая пробудившиеся в ней материнские чувства и защищая право матери на ребенка. С другой стороны, генетические родители могут решить, что они больше не хотят брать ребенка, которого носит другая женщина. В таком случае в договоре должна быть предусмотрена имущественная ответственность. На практике встречаются случаи, когда просто гражданской ответственности будет недостаточно.

Установление семейно-правовой связи ребенка с родителями и усыновителями также носит характер неопределенности. Судьба рожденного ребенка решается суррогатной матерью. Она вправе оставить ребенка себе и супругам-заказчикам впоследствии будет невозможно оспорить данный факт. В настоящее время предпринимаются попытки судебного толкования решения данной проблемы. Так, высшая судебная инстанция разъяснила, что в том случае, когда суррогатная мать исходя из собственных интересов отказалась давать согласие на запись генетических родителей в качестве таковых, то данное обстоятельство не будет служить безусловным условием для отказа в удовлетворении иска лиц о признании их родителями рожденного ребенка [6, с. 166]. Отсутствие правовых норм, регулирующих эти вопросы, связано в первую очередь с тем, что законодатель признает матерью ребенка его суррогатную мать, поскольку от ее решения зависит дальнейшая судьба ребенка – с кем он будет жить и кем он будет воспитываться.

К сожалению, в наше время отношения в сфере суррогатного материнства урегулированы частично. Несмотря на то что существует довольно широкая договорная практика, стороны нередко сталкиваются с множеством рисков. Анализируя этот вопрос, видится необходимым с учетом современных достижений в науке создание комплексного нормативного акта, в полной мере регулирующего вопросы, возникающие из договора суррогатного материнства, или же включение в СК РФ отдельной главы, которая будет в

себе содержать нормы, касающиеся вспомогательных репродуктивных технологий.

Другая проблема, не менее актуальная, касается наследственных прав ребенка, рожденного от суррогатной матери в случае смерти его биологических родителей до его рождения. Если происходит такая ситуация, установление отцовства в судебном порядке не может быть произведено, а суррогатная мать, в подавляющем большинстве случаев, при отказе от прав на новорожденного не станет обращаться в суд для установления отцовства, так как для нее это вызовет дополнительные неудобства. Таким образом, вопрос о наследовании после смерти биологических родителей ребенком, рожденным от суррогатной матери, решенным быть не может [7, с. 356]. Признание его ребенком умерших родителей, исходя из договора суррогатного материнства, является выходом из данной ситуации. Представлять интересы ребенка будут органы опеки и попечительства.

Следующий вопрос, который требует своего скорейшего решения, связан с наследственными правами ребенка, который был зачат после смерти своих генетических родителей. Как известно, презумпция отцовства распространяется на детей, родившихся в течение 300 дней после расторжения брака или смерти супруга. Бывают случаи, когда по объективным обстоятельствам помещение эмбриона в тело суррогатной матери невозможно, и оно откладывается. В это время погибает биологический отец (или мать), и ребенок «не успевает» родиться в установленный Семейным кодексом РФ срок. Тогда умерший супруг уже не может быть записан отцом (матерью), и, следовательно, ребенок не может признаваться его (ее) наследником по закону.

В этой связи представляется интересным опыт ряда зарубежных стран (Испании, Великобритании), в которых такие лица законом признаются «посмертно» родителями суррогатных детей, если их генетический материал использован в течение 12 месяцев после их смерти и если они дали свое письменное согласие. В России суды признают в качестве родителей суррогатных детей, зачатых при применении посмертных репродуктивных программ с использованием суррогатного материнства, как правило, родственников (которые выступают заказчиками) лиц, предоставивших свой генетический материал до своей смерти [8, с. 9].

Наряду с озвученными в статье проблемами, не имеют правовых механизмов разрешения следующие вопросы: возможность отказаться от полного исполнения договора суррогатного материнства исполнителем (суррогатной матерью), что в настоящее время решается только обращением в суд с иском об установлении происхождения ребенка, а также неопределенность в вопросе о том, кто может выступать субъектом договора оказания услуг в сфере суррогатного материнства. Выходом из данной ситуации видится введение в текст ГК РФ самостоятельной нормы, детально регламентирующей граж-

данско-правовой договор услуг суррогатного материнства. Право призвано объективно отражать интересы общества, его членов и тем самым реально влиять на их развитие и жизнь [9]. Для этого законодатель должен четко предусмотреть возможные варианты развития событий, так как данные вопросы с каждым днем все чаще возникают на практике и остаются, к сожалению, нерешенными. Кроме того, в результате изменения семейного законодательства РФ можно будет избежать многих спорных вопросов при установлении отцовства и материнства, в том числе с точки зрения установления наследственных прав суррогатных детей.

На наш взгляд, детальный анализ наработанной практики в рассматриваемой области в том числе поможет учесть имеющиеся и предупредить ряд проблем в будущем.

Список литературы

1. Жебентяев А. А. Мужское бесплодие // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2008. Т. 7, № 2. С. 76–83.
2. Суррогатное материнство. URL: <https://interesnyefakty.org/surrogatnoe-materinstvo/> (дата обращения: 16.04.2022).
3. Чумакова О. Н. Предварительный договор: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 4(21). С. 50–55.
4. Чумакова О. Н. Предварительный договор как средство обеспечения стабильности гражданско оборота в сфере заключения сделок с недвижимостью // Юридическая наука и практика 2.0.: взгляд в будущее: материалы 1-го Международного научно-практического конвента студентов и аспирантов, Казань, 17–19 ноября 2016 г. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 63–65.
5. Сусликов В. Н., Чумакова О. Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: проблемы теории и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 65–71.
6. Романовский Г. Б. Биомедицинское право в России и за рубежом: монография / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов [и др.]. М.: Проспект, 2015. 368 с.
7. Цыбульская А. Д. Проблемы реализации наследственных прав детьми-наследниками, зачатыми при помощи вспомогательных репродуктивных технологий // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 355–357.
8. Борисова Т. Е. Договор суррогатного материнства: актуальные вопросы теории, законодательства и практики // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 7–10.

9. Коротких О. А., Хорошильцев А. И. К вопросу о ценности права // Провинциальные научные записки. 2017. № 1 (5). С. 104–106.

A. V.Kirilchenko¹, 2nd year graduate student of the Faculty of Law

Supervisor: E. F.Tsokur¹, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law

¹*Southwestern State University, Kursk*

TOPICAL ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF CONTRACTUAL RELATIONS IN THE FIELD OF SURROGACY

The article deals with the problems of the legal nature of the surrogacy contract, as well as the regulation of legal relations within the framework of this contract.

Keywords: *contract; surrogacy; assisted reproductive technologies; genetic parents; surrogate mother; national legislation.*

Научное издание

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА: СТРАТЕГИЯ БУДУЩЕГО

Сборник научных статей Всероссийской национальной научной
конференции студентов, магистрантов и аспирантов

27 мая 2022 г.

Редактор *М. Г. Анохина*
Компьютерная верстка и макет *Е. Г. Анохиной*

Подписано в печать 02.08.2022. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 100 экз. Заказ 37.
Юго-Западный государственный университет.
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.
Отпечатано в ЮЗГУ.